

Константин Гапоненко

**ТРАГЕДИЯ
ДЕРЕВНИ
МИДЗУХО**

г. Южно-Сахалинск
2012

Остановись, читатель, на полпути между Южно-Сахалинском и Холмском, взойди на пригорок к обелиску, установленному близ села Пожарского в память о трагических событиях августа 1945 года. В те дни, когда советские войска, высадившись в порту Маока, развивали наступление в глубь острова, группа жителей деревни Мидзухо зверски уничтожила всех корейцев, обитавших там.

Положив в основу материалы следствия и суда над убийцами, автор раскрывает истоки трагедии, размышляет над последующими событиями.

Человечество постоянно делает одну и ту же ошибку, считая, что одни его части лучше или хуже других.

Бертран Рассел

Приехал я на Сахалин в сентябре 1951 года. Здесь получил профессию учителя и значительную часть своей трудовой жизни провел в стенах небольшой Пятиреченской восьмилетки, где преподавал историю. В меру своих сил и способностей я помогал детям познакомиться с историей Греции, Рима, средневековой Европы, уразуметь процессы, способствующие становлению государства Российского.

То была старина, а за окнами школы, несмотря на эпоху застоя, шла быстротекущая жизнь. Мы приобщались к важнейшим событиям поселка, района, области, страны, записывали воспоминания людей старшего поколения. В школе возник даже небольшой музей, куда ребята приносили различные экспонаты. Особенно повезло разделу, посвященному короткой августовской войне 1945 года. Мы не раз выезжали на Камышовый перевал, на станцию Николайчук, где шли скоротечные бои, бродили по сопкам, раскапывали старые японские окопы, пополняя найденными гильзами и поржавевшими стволами винтовок стенды. В самом Пятиречье от той войны остались в нескольких местах солдатские могилы. Позже там установили памятник, а мы посадили деревья. Теперь там качают вершинами высокие ели и сосны.

К нам приходили и даже приезжали с материка участники боев, первые переселенцы, рассказывали, как обустроивались тут на новом месте, как соседствовали с японцами и корейцами. Интересное время тогда было на Сахалине!

Иногда я делал публикации о наших краеведческих новостях в городской газете. Видимо, поэтому в 1987 году мне предоставили возможность познакомиться с материалами о трагедии, случившейся в деревне Мидзухо летом сорок пятого года, когда в Маока (сейчас это город Холмск) высадился советский десант и начал продвижение в глубь острова. Мидзухо от нашего Пятиречья всего в двадцати километрах. На мой рабочий стол легли три объемистых тома следствия и суда над виновниками трагедии. Чем вни-

мательнее я с ними знакомился, тем больше вопросов вставало передо мной. Сначала я взялся воссоздать картину событий, для чего сухой стиль протоколов пришлось переложить на разговорный язык. При этом я не отступал от документов, а там, где документы оказывались убедительнее, уступал им место. А вот объяснить истоки и причины трагедии оказалось затруднительно. К стыду, обнаружилось, что о Корее и корейцах, с которыми я живу бок о бок много лет, я мало что знаю.

В былые годы учебные классы Пятиреченской восьмилетки посещало немало детей корейской национальности, с их родителями у нас складывались нормальные отношения. Я заимел среди них добрых знакомых, хороших соседей, личных друзей, некоторые стали мне людьми дорогими и близкими. Бывало, я пытался проникнуть в их историю, но они решительно отмахивались от моих вопросов.

У корейцев выросло поколение за поколением, не знающее родного языка, родной письменности, своей истории. Принято было считать, что корейцы у нас в стране нашли свою вторую родину. Чем больше они становились советскими, тем меньше нуждались в думах о прародине. Молодежь поступала в училища, техникумы, вузы, дипломы позволяли устраиваться на работу по специальности, энергия и предприимчивость выдвигали их на руководящие должности. Учителя, врачи, агрономы, зоотехники, инженеры, моряки, рыбаки, нефтяники, шахтеры – нет отрасли народного хозяйства, где бы не было толковых специалистов из числа корейцев.

Между тем в стране произошли разительные перемены, наладились тесные связи с Республикой Корея, в школах и вузах стали изучать корейский язык, историю страны. Нашлись спонсоры, профинансировавшие издание моей книги. С той поры прошло двадцать лет. Что-то в том издании меня не удовлетворило, и потребность в переработке стала необходимостью.

За дело взялся «Смерш»

Командование 2-го Дальневосточного фронта, чьи войска освободили Южный Сахалин в 1945 году, уже осенью столкнулось с массой трудностей. Нам досталась значительная территория, на которой было проложено семьсот километров железнодорожных путей, в крупных населенных пунктах построено девять бумажных фабрик, в сопках пробурены шахты, из чрева которых извлекали свыше полутора миллионов тонн угля в год. Работали деревообрабатывающие комбинаты, мебельные фабрики, консервные, кирпичные, мыловаренные заводы, механические мастерские, вдоль побережья размещалась уйма мелких предприятий, а по распадам группировались крестьянские дома. Требовалось, чтобы предприятия работали, учреждения функционировали, в крестьянских хозяйствах осуществлялся уход за скотом, дети обучались в школах, врачи лечили больных. Между тем в наличии имелось лишь японское гражданское население, до смерти напуганное вторжением войск армии-победительницы.

И наши весьма настороженно относились к японцам. Соответствующие органы были убеждены, что японское командование оставило на Южном Сахалине широко разветвленную резидентуру. И совсем не случайно ночные пожары омрачали золотую сахалинскую осень. С наступлением зимы чаще запылывало в жилых домах, на промышленных предприятиях.

Архивы сохранили протоколы совещаний, на которых обсуждались острейшие проблемы повышения бдительности. 28 февраля 1946 года на собрании партактива Маокского района начальник отдела НКВД тов. Румянцев наставлял присутствующих: «Некоторая часть японцев, бесспорно, враждебно настроена против нас, имеются случаи, когда японцы ведут себя вызывающе». Через месяц на закрытом совещании при начальнике гражданского управления области о бдительности заговорили громче. Левин, начальник гражданского управления города Хонто, предупреждал: «Вопрос бдительности очень остро стоит в условиях окружения японского населения, враждебно настроенного по отношению к нам... Мы ничем не гарантированы, что они в любое время не всадят нож в спину».

Однако, вчитываясь в документы того времени, испытываешь некоторое смущение. В выступлениях с мест не приводилось никаких конкретных примеров диверсионно-террористической

деятельности, зато большинство ораторов говорили о массовых фактах хищения сетей, рыбопродукции нашими рабочими, жаловались, что военные ведут себя в отношении советских граждан как завоеватели, что среди наших работников нет настоящей дисциплины как на работе, так и в быту, что пьянство, картежная игра, хулиганство становятся настоящим бедствием. Сам Румянцев вынужден был признать: «Среди русского населения имеются факты проявления хулиганства, пьянства, мародерства, краж. У японцев забирают вещи, настраивают японцев против нас». Бросалось в глаза, что обстановка на местах складывалась исключительно благоприятно для всякого рода подрывной деятельности. Левин говорил, что банк в Хонто не охраняется. Непомнящий из Маока сетовал, что в городе на ночь остаются без охраны многие предприятия и учреждения. В городе Отиай, признавал Чумаченко, на охране объектов стоят японцы. Летынский из города Томари представил такую картину: на всех предприятиях имеется до шестисот человек японского инженерно-технического персонала, все делопроизводство ведется на японском языке, переводчиков нет, и кто знает, что они там пишут.

Удивительно: неохраняемый банк никто не ограбил, ни одно предприятие в Маока не пострадало от любителей наживы, томаринские инженеры не сговорились, чтобы вывести все предприятия из строя.

А пожары чаще всего случались из-за нашего разгильдяйства и пьянства. Хватил на ночь стакан неразведенного спирту, завалился спать с горящей папиросой, а потом выскакивает в исподнем на улицу (если успеет выскочить) и орет: «Политическая диверсия!» Разумеется, нельзя исключить вредительские поступки отдельных отчаянных голов, но в архиве не удалось найти ни одного дела о поджигателях.

Ночные пожары сорок пятого не раздули большого пламени партизанской войны на южном Сахалине. Не осуществились планы японской военщины, которая намеревалась поднять на вооруженную борьбу с советскими войсками резервистов, молодежные организации, «летучие отряды». Не пошло в ход оружие, припрятанное в тайниках. Не потрясли южный Сахалин крупные диверсии, не взлетели на воздух мосты, вокзалы, портовые сооружения. Южный Сахалин не стал ареной кровавой войны наподобие той, что потрясла Литву и Западную Украину. В новых условиях японцы проявили традиционное законопослушание, а наши – откры-

тость, радушие, стремление обратить их в советскую веру, показать преимущества социалистического образа жизни. Немаловажную роль в этом сыграло одно очень важное обстоятельство: советские люди, как военные, так и гражданские, не питали к японцам враждебных чувств, какие питали к немецким оккупантам.

И вот в такой обстановке младшему лейтенанту контрразведки «Смерш»¹ Кореневскому майор Горашов поручает одно весьма необычное дело. Чуткое ухо майора уловило тревожный слух: где-то в Маокском районе в августе сорок пятого года, в период наступления советских войск, японской полицией было вырезано несколько корейских семей. Сведения поступали из разных источников, они различались в деталях (по одним выходило, что злодеяния совершили военные, другие указывали на полицейских), но сходились в одном: в отношении какого-то количества корейцев преступление было совершено. Его следовало раскрыть и наказать виновных, а если последние успели скрыться, то событие предать огласке. Следует учитывать остроту момента: скоро начнется заседание Международного трибунала в Токио, где будут судить военных преступников Японии. Если обнаружится, что преступление совершили военные, то генералам предъявят и этот счет.

На то она и контрразведка, чтобы найти нужных людей, распутать самые запутанные нити, разгадать головоломные задачи, сделать вычисления. Только через несколько месяцев Кореневский выходит на результативные допросы. Дает показания Юн Ян Вон, крестьянин, родом из Кореи, 61 года от роду: «В конце февраля я поехал от рыбокомбината, где теперь работаю, в деревню Мидзухо за покупкой коровы. Там жил хороший знакомый – корейское имя у него Те Тен Фан. Дома его не оказалось, жена, японка Сато Мисако, сказала, что муж пропал еще в августе прошлого года. У нас не принято, чтобы женщина жила одна. Ее стали сватать за другого корейца в Маока. Улучив момент, я спросил ее, как же она выходит замуж, а вдруг муж жив? Тогда она призналась, что его убили. В августе, когда русские высадились в Маока,

---

¹ Постановлением Государственного комитета обороны от 14 апреля 1943 года в системе Народного Комиссариата Обороны СССР было образовано Главное управление контрразведки («Смерш» – «смерть шпионам»). После войны, в мае 1946 года, органы «Смерша» преобразовали в особые отделы и подчинили Министерству государственной безопасности. Все протоколы допросов свидетелей и участников трагедии оформлены на бланках управления контрразведки «Смерш» 2-го Дальневосточного фронта.

по приказу жандармов в Мидзухо убили всех корейцев. Еще в Мидзухо у меня был знакомый кореец Ямамото, но его я тоже не нашел. Спрашивал у старосты, у хозяина гостиницы, но они будто не знают, куда девался Ямамото, возможно, куда-то уехал. Но если бы он уехал, то продал бы свой дом в Маока, а там сейчас живут люди, которые дом не покупали. Да и куда мог уехать Ямамото, если у него была жена и пятеро детей?»

Откроем второй документ. Из протокола допроса свидетельницы Куриямы Акико, 1928 года рождения, жительницы деревни Мидзухо. Протокол составлен 13 июня 1946 года младшим лейтенантом Кореневским. «Когда я вернулась с сопки в свой дом, то обратила внимание, что в деревне не видно корейцев. Потом я узнала, что их убили. Узнала я так. В сентябре месяце я была на сенокосе, где рядом оказалась подруга Мичунэ Такако. Она рассказала, что слышала выстрел в селе в тот день, когда мы уходили в сопки. Я задумалась. Потом я слышала в доме отца Куриямы Китидзаемон разговор между японцем Киосукэ Дайсукэ и моим отцом в присутствии матери. Киосукэ Дайсукэ говорил: «Вот убили корейцев, а лучше было не убивать. Ошиблись». Отец мой сказал: «Да, убили корейцев без причины». Потом я еще раз слышала, как Киосукэ Дайсукэ спросил у отца: «Почему в деревне так много разговоров об убитых корейцах? Наверное ты рассказал?» Отец ответил, что он никому об этом не говорил... В октябре месяце к нам в дом пришел Какута Тиодзиро, вновь начался разговор об убитых корейцах. Я слышала, как Какута Тиодзиро сказал: «Не виноваты корейцы, зря их убили, плохое дело сделали». Отец поддержал его и сказал то же. Потом, когда мужчины ушли, моя мать Курияма Фумико рассказала, будто Какута Тиодзиро говорил, что убил корейца Нацукаву. Еще мать рассказала, как убили Нацукаву. Его ударили ножом в спину, он упал, стал говорить Какуте: «Я ничего плохого не сделал! Если я сделал плохое, то убейте меня. Но я не виноват!» Какута убил его... Хочу дополнить, что я сама видела на Какуте Тиодзиро костюм, который до убийства носил кореец Нацукава. Я сказала об этом Сато Мисако, жене Мацукавы. Та подтвердила, что это действительно костюм ее мужа, корейца Нацукавы. Потом Сато Мисако сказала, что видела свои два одеяла у японца Киосукэ Дайсукэ».

15 июня 1946 года тот же младший лейтенант Кореневский составил протокол допроса свидетеля Осинэй Иссио, 1928 года рождения, рабочего порта Маока, уроженца деревни Мидзухо. «Наша

семья утром 22 августа эвакуировалась в деревню Тойосака. Туда же приехали вечером семьи Хасимото, Хосокавы. 23 августа приехало еще несколько семей. Мне Хасимото Сумиёси по секрету сказал: «Япония капитулировала потому, что среди корейцев много советских шпионов. Поэтому их убили в деревне Мидзухо». Далее Хасимото Сумиёси рассказал, что убивал он сам, а также Хосокава Хироси, Какута Тиодзиро, Морисита – имени его не знаю. Сколько убили корейцев и где их закопали, Хасимото не сказал, а я и не спросил. После Хасимото Сумиёси предупредил меня, чтобы я никому об этом не рассказывал».

Свидетельницу Хонду Миоко, 1927 года рождения, уроженку деревни Мидзухо, теперь жительницу Холмска, допрашивали оперуполномоченный МГБ по Южно-Сахалинску капитан Урмин и оперуполномоченный горотдела МГБ г. Холмска лейтенант Обидаев. Протокол от 30 июня 1946 года. «Вопрос: По каким причинам вы переехали в г. Холмск? Ответ: В Холмск я переехала потому, что в деревне Мидзухо мне оставаться было опасно. Там был убит мой муж, и я опасалась за свою жизнь. В июне 1945 года в деревне Мидзухо я вышла замуж за корейца Мацусита Дзиро. 21 или 22 августа он был убит потому, что по национальности был корейцем. Всего тогда было убито человек тридцать корейцев. Мне известны следующие: мой муж Мацусита Дзиро, двадцать девять лет, муж моей сестры Хонды Мисако – Нацукава Масао, двадцать семь лет, Яямото, лет сорока, его жена, лет тридцати, их дети, сколько их было, не знаю. Вопрос: Кто принимал непосредственное участие в убийстве корейцев? Ответ: Говорят, что собирал всех корейцев в одно место полицейский Исэда, а убивали Какута Тиодзиро, Киосукэ Дайсукэ, Нагаи Котаро, Хосокава Такеси, Чибо Моити, Хосокава Хироси. Вопрос: Каким образом вы узнали об убийстве мужа и других корейцев? Ответ: Когда я вернулась домой, то мужа не было. Не было и мужа моей сестры Мисако. В доме было все разбросано и не оказалось одной постели и двух плащей мужа. Я принялась искать мужа, но его нигде не оказалось. Примерно 26 августа утром к нам зашел Какута Тиодзиро и сказал мне, что мой муж вместе со всеми корейцами взят жандармами и отправлен на автомашине в неизвестном направлении. Затем поочередно в этот же день заходили Хосокава Хироси и Морисита и говорили то же самое. Какута меня предупредил, чтобы я никого ни о чем не спрашивала и никому ничего не говорила. Об убийстве моего

мужа сказала мне Курияма Акико. Его убили на поле, принадлежащем ее отцу Курияме Китидзаемон. Курияма Акико просила меня, чтобы я никому не говорила, откуда я узнала об убийстве моего мужа».

Того же 30 июня начальник Холмского горотдела МГБ майор Горашов допросил свидетельницу Хонду Мисако. «Я выехала из Мидзухо потому, что после убийства мужа жителями этой деревни мне стало горько и мучительно. Спустя один месяц после убийства мужа у меня родилась дочь. Поскольку у меня к мужу была большая привязанность, мне оставаться там было мучительно... Дополняю, что во время возвращения из поселка Урасима в Мидзухо я лично сама видела, как в обратном направлении, то есть в горы, шли две кореянки, мать и дочь, фамилии их я не знаю. За ними шли пятеро японцев, двое мне известны: Хосокава Такеси, лет семнадцати, и Судзуки Масаиоси, того же возраста. Куда они вели женщин, не знаю. Помню только, что женщины шли впереди, а японцы сзади, было видно, что вели они кореянок как задержанных. Возможно, что мать и дочь были убиты указанными японцами. Во всяком случае, проживая в Мидзухо до мая 1946 года, этих кореянок я больше не видела».

Наконец к майору Горашову 4 июля вызвали Судзуки Харуо, который с октября 1945 года был назначен новыми властями старостой деревни Мидзухо. Протокол зафиксировал: «Судзуки Харуо, 1910 года рождения, уроженец деревни Секигава, уезда Умма, префектуры Эхима, о. Сикоку, образование одиннадцать классов, женат, трое детей. Вопрос: Кто являлся организатором убийства корейцев в деревне Мидзухо? Ответ: На этот вопрос я точно ответить не могу. Предполагаю, что организатором был Морисита Ясуо. В 1945 году, еще до начала военных действий между СССР и Японией, в Мидзухо, на родину, он вернулся из армии. Когда между СССР и Японией началась война, Морисита пришел ко мне в дом и выразил мысль, что среди нас, японцев, имеется много корейцев, которые нас в любой момент могут выдать русским. Корейцы могут шпионить за нами, поэтому их необходимо уничтожить. Я ответил ему, что Япония фактически побеждена и думать об этом в настоящее время не стоит. 21 августа Морисита Ясуо приехал ко мне верхом на лошади примерно в 9-10 часов утра. У меня в это время находились односельчане Митани Харуми и Уэммото Нагуано. Морисита снова заявил, что среди нас имеют-

ся такие люди, которые с приходом русских будут нас предавать, при этом он назвал корейца Хирояма и его товарищей. Я спросил у Мориситы, имеются ли у него факты против Хироямы. Морисита ответил, что пока подобных фактов нет, но с приходом Красной Армии они могут иметь место, поскольку будто бы Хирояма является советским шпионом и выдаст русским местонахождение наших семей. Присутствующие при разговоре Митани Харуми и Уэмото Нагуано поддержали мнение о том, что затевать убийство не следует. Вопрос: Значит, вы были осведомлены о предстоящем убийстве корейцев? Ответ: Я не был уверен, что Морисита приведет свой план в действие».

Август на Сахалине – самая благодатная пора. Ветры утихли, облака уплыли за горизонт, солнце хоть и выкатывается на небесную сферу с опозданием, но печет со всей силой.

В один из таких дней 1946 года по дороге, ведущей из Южно-Сахалинска в глубь острова, ехали три машины: впереди – «виллис», за ним гремел железными бортами «студебеккер», крытый тентом, поодаль, чтобы не глотать пыль, бежал второй «виллис». Преодолев два перевала, машины покатали по неширокой долине, где там и сям были разбросаны домики с широкими окнами, крытые квадратиками жести. У каждого домика стояли две круглые силосные башни, небольшие, словно игрушечные, а дальше простирались лоскуты огородов: ждали второго укуса клевера, млела под солнцем уже отцветшая картофельная ботва, наливалась соком под густой темно-зеленой кроной сахарная свекла, полнели пышные вилки капусты, кое-где блестела стерня, видимо, какие-то злаки уже скосили. Повсюду видны были плоды упорного крестьянского труда. Каждый японец знал, что надо заблаговременно управиться с огородиной, заполнить силосные башни, запастись сеном, привезти топливо – уже в октябре пойдут дожди, подкрадутся заморозки, а там нагрянет зима, из-за хребтов подуют свирепые ветры, и долины надолго укроются толщами снега. Надо спешить, используя каждую минуту погожего дня. А тут снова военные, снова на окраине поселка, где за густым рядом лиственниц расположена школа, стоит навтыжку староста, прямой, как столбик, руки с раскрытыми ладонями держит в напряжении вдоль тела, поодаль несколько человек, все в темной одежде, застегнутой на все пуговицы. Машины останавливаются, из перед-

ней выходит капитан Роганов, рослый, стройный, молодцеватый, привычно распоряжается:

– Давайте ноги разомнем. Пепеляев, отведите арестованного оправиться.

Конвойные спрыгивают со «студебеккера», за ними робко спускается щуплый японец, совсем мальчишка. Он нерешительно оглядывается, потом, сообразив, что от него требуется, отходит к обочине и, отвернувшись, мочится. Офицеры курят, переговариваются, местные японцы покорно стоят, староста что-то коротко докладывает Роганову.

– Пепеляев, подойдите с арестованным!

Молоденький японец с робостью останавливается шагах в пяти и тонкой рукой делает жест в сторону невысоких сопок с рыжеватыми обрывами. Роганов, посадив старосту в свою машину, командует:

– Поехали!

Вскоре машины свернули на узкую проселочную дорогу и замедлили ход. Загремел под колесами мост, километрах в трех от него остановились. Совсем недалеко от дороги протекала речушка, слева и справа возвышались крутолобые сопки, поросшие ельником и березником, а над всем распадом колыхалось волнистое пахучее марево. Полноватый майор воскликнул:

– Солнце-то какое, товарищи! Роскошь какая!

Не дожидаясь, разделяет ли кто его восторг, он снял хромовые сапоги, расстелил портянки из белого полотна, развязал тесемки галифе и закатал штанины.

– Вода, однако, холодна!

Все кроме японцев снисходительно улыбнулись.

Через некоторое время появились пятеро японцев, в руках они несли лопаты с короткими черенками. На значительном расстоянии они остановились, отвесив поклон. Староста доложил Роганову, что понятия прибыли. Арестованному велели показать место захоронения. В сопровождении двух конвойных он прошел по дороге метров сорок, остановился и показал рукой влево.

– Что ж, топай туда.

Японец миновал участок, засеянный горохом, и показал на заросли стеблей, с которых сыпалась белая пыльца. Конвойный чихнул.

– Ах, чтоб тебя!.. Что тут можно найти!

Арестованный показал заметное углубление. Младший лейтенант слегка потыкал железным щупом.

– Почва рыхлая!

Капитан велел расчистить площадку. Японцы сложили лопаты и быстро вырвали хрупкие стебли.

– Младший лейтенант Гуров, определитесь!

– Мы находимся, – дополнил Гуров, – в тридцати метрах от правого берега речки... Как ее? От правого берега речки Урасимы. До одинокого разрушенного дома слева – двадцать метров, до проселочной дороги – десять. Можно приступать?

– Приступайте. Пусть сам копает.

Староста взял у одного из понятых лопату, слегка загнутую, с черенком, имевшим на конце маленькую поперечную ручку, и подал арестованному. Тот затоптался в нерешительности, будто не знал, с чего начать. Стало тихо. Арестованный в перекрестье многих пар глаз копал порывисто, дергался, видно стало, как крупные капли пота покатались по его лицу.

На небольшой глубине мелькнуло что-то грязно-серое. Роганов дал знак:

– Прекратить! Младший лейтенант Гуров, дальше по вашей части.

Японец воткнул лопату в вырытую землю. Все увидели, как у него тряслись руки.

И тут неистово закаркало воронье. Еще не начинали копать, а они уже прилетели и примостились на сухих ветках старого вяза, на одинокой безлистой березе перелетали с места на место, парили над долиной, невнятно перекликаясь между собой.

Вдруг их появилось много, закричали они громко, яростно стали спускаться ниже, пикировали к самой земле.

– Ну-ка шуганите их! – велел Роганов.

Один из конвойных мягко перевел затвор, отставил правую ногу далеко назад, повел стволом и замер на секунду. Винтовочный выстрел грянул звонко, эхо волной покатило по распадку, ему воплями ответила стая вспугнутых птиц. Они взвились разом, замельтешили в беспорядке. И хотя одна из них упала, как темная тряпка, между ветками ольхи и тальника, остальные не улетели совсем, а лишь удалились на расстояние, сели на дом, на ветки и продолжали раздражать людей.

Младший лейтенант надел резиновые перчатки, ступил на край ямки, сделал несколько выбросов лопатой, пошарил руками

и вдруг рывком поднял труп ребенка. Труп был весь в земле, ручки и ножки его негнулись, запрокинутая головка с личиком, черным от земли и тлена, была ужасной.

– Возьмите!

Стоявший неподалеку пожилой японец из понятых принял труп. От трупа исходил запах разложившегося тела – запах тяжелый, непереносимый. Японец с трудом держал ношу на вытянутых руках.

– Кладите вот сюда.

Японец бережно положил, а младший лейтенант вынул из ямы еще один трупик. Майор в очках открыл свой саквояж, достал какие-то инструменты, флакончики и перчатки. Он подошел к первому трупу, легко разрезал одежду и сказал:

– Мальчик.

Потом он стал пинцетом трогать кожу на лице, на тельце, на голове и диктовать старшему лейтенанту, пристроившемуся в стороне с полевой сумкой на коленях:

– На черепе имеются два дырчатых пролома, проникающие в полость черепа. Грудная клетка разрушена... Прошу уважаемую комиссию и понятых засвидетельствовать.

Понятые робко подошли. Один из членов комиссии, склонившись над речкой, полоскал рот, мыл лицо – его страшно вырвало.

Майор в очках продолжал диктовать:

– Второй труп женского пола, рост 125 сантиметров, примерный возраст восемь-десять лет, кожные и мышечные ткани в стадии разложения.

Последний, шестой труп принадлежал взрослой женщине. Майор разрезал одежду, обнажил грудь, живот, таз. Было что-то нехорошее в том, что мужчины смотрели на беззащитное женское тело, черное, страшное, с уродливо вывернутой левой рукой.

Майор продолжал:

– На черепе, в области височной кости, рубленый дефект, нашее две колотые раны, в области живота...

Конвойные с арестантом держались подальше.

– Неужели это он их порешил?

– Говорят, что он.

– За что?

Пепеляев достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок бумаги.

– Хосокава Такеси, 1928 года рождения. Он, дурачок, наверное и сам не знал, за что. Спроси об этом лучше у замполита. А вот то, что этому сопляку вышка обеспечена, это уж точно. За такие дела кокнут, как пить дать... Отведи его отсюда к речке, пусть умоется.

В «виллисе» старший лейтенант стучал по машинке, капитан Роганов диктовал:

– На основании распоряжения начальника управления МГБ Южно-Сахалинской области гвардии полковника т. Елисеева от 8 августа 1946 года комиссия в составе главного судебно-медицинского эксперта УМВД младшего лейтенанта Гурова, начальника следственного отдела УМГБ Южно-Сахалинской области капитана Роганова, помощника военного прокурора ДВО гвардии майора Чаповского, помощника начальника следственного отдела УМГБ по Хабаровскому краю майора Владимирова, переводчика УМГБ Южно-Сахалинской области Вторушина и понятых деревни Мидзухо Холмского района Теппо Итидзо, Манабэ Такамаса, рождения 1905 года, Сато Киндзо, 1882 года, Судзукки Синчаро, 1929 года, Анабэ Сикодзи, 1908 года, в окрестностях деревни Мидзухо Холмского района должны произвести раскопку ямы, в которой предположительно зарыты трупы корейцев, убитых в 1945 году. Место указано японцем Хосокава Такеси, рождения 1928 года. В 14 часов по местному времени комиссия приступила к работе...

Подошли понятые со старостой, стали как вкопанные, слушали пулеметную дробь машинки. Так же молча выслушали то, что зачитал им переводчик, по очереди нарисовали иероглифы против своих фамилий.

В отдалении стоял пожилой японец. Завидев на себе внимание кого-либо из офицеров, он низко кланялся.

– Спросите у старосты, что ему надо, – велел переводчику Роганов. Староста тут же доложил:

– Это отец арестованного. Он просит у господина начальника разрешения передать арестованному снедь и бельё.

– Любопытно! – воскликнул капитан. – А ну-ка зовите его сюда.

Японец сообразил, от кого зависит удовлетворение его просьбы. Он стал низко кланяться Роганову и что-то говорить.

– Он благодарит господина начальника за то, что к нему проявляет внимание. Он просит разрешить передачу сыну.

– Арестованного ко мне!

Взоры всех присутствующих сосредоточились на предстоящей встрече. Сын остановился и поклонился отцу. Он не поднял глаз, не произнес ни слова. Отец молча ответил поклоном.

– Проверьте содержимое передачи.

– Запрещенных предметов не обнаружено.

– Передайте. А теперь я задам отцу вопрос. Скажите, Хосокава Хириси тоже ваш сын?

Не дослушав перевода, старик с поклоном повторил имя сына.

– Ясно. Так пусть ответит, как он воспитывал сыновей, если оба стали убийцами? Третий раз приезжаем трупы выкапывать – это ваши сыновья побоище тут устроили!

Японец внимательно выслушал переводчика, потом запрокинул голову и долго молчал, собираясь с мыслями. Наконец он заговорил, растягивая слова. Переводчик передал:

– Воспитывал он своих сыновей правильно, но от властей поступил такой приказ, чтобы убить корейцев. А если бы такого приказа не было, его сыновья никогда бы ничего плохого не сделали.

– Ну, такую песню мы уже слышали. Выходит, если бы поступил приказ зарезать родного отца, они бы его зарезали? Ладно, пусть думает как хочет. Спросите, что хотел бы он сказать своему сыну?

Японец снова заговорил. Сын на мгновение поднял глаза.

– Наставляет, чтобы сын на следствии говорил правду.

– Похвально. Что хочет сказать сын отцу?

Молодой японец тихо произнес несколько слов.

– Он не знает, что надо сказать.

– Все, – подытожил капитан Роганов. – Лирическая часть закончена, психологический опыт не удался. Переводчик, поблагодарите старосту и понятых.

Заключение.

На основе данных, добытых при исследовании вырытых из ямы трупов, отвечая на поставленные следствием вопросы, прихожу к следующему заключению:

Все шесть трупов убиты в одно время, на что указывает однородность процесса разложения трупов... Давность убийства вышеуказанных шести трупов не превышает 10-11 месяцев, то есть совершение убийства можно отнести к августу месяца 1945 года.

По наличию множественных переломов костей у всех исследованных трупов, а также по наличию множественных ран на телах

убитых оружие при убийстве применялось тупое, колющее и остро-режущее... все убийства носят характер зверств.

... Трупы зарыты без соблюдения каких-либо правил при захоронении, то есть трупы убитых были брошены в яму с целью скрыть следы преступления.

Главный судебно-медицинский эксперт ДВО гвардии майор медицинской службы Гудков.

Деревня Мидзухо и некоторые ее обитатели

Неглубоко в горах таятся наши скиты.

Неглубоко в горах таятся наши скиты.

Но в потайных глубях скитаются помыслы сердца.

Каннами Киёцугу. «Гробница Комати».

Как быстротечно время! Как переменчивы обстоятельства! История этого поселения насчитывает, по грубым подсчетам, всего одно столетие. Никто не знает, кто из русских тут жил до 1905 года, а японцы после Портсмутского мира за три десятилетия расселились по всей долине реки Лютоги (по-японски Рудака-гава), создав в числе других и деревню Мидзухо. С возвращением наших поселок получил наименование Пожарское, где переселенцы образовали колхоз «Новая жизнь», преобразованный в 1961 году в отделение совхоза «Чаплановский».

Сейчас Пожарское имеет две коротенькие улицы, на которых стоят строения, состарившиеся, как и их обитатели. Те, кто начал свой путь в колхозе, уже покоятся на кладбищенском пригорке. Лишь поседевшие старухи с трудом могут вспомнить, как славилось некогда передовое отделение совхоза высокими надоями, дружной работой и радостной жизнью. Они долго хранили вырезки из газет со своими портретами, но нынче к тем публикациям интереса не проявляет никто, да и сами старухи нужны лишь как получатели пенсии. Никакого производства в населенном пункте нет, поэтому пенсионеры оказались самыми состоятельными людьми. Жизнь видна лишь на асфальтированной трассе, по которой мчатся машины с западного побережья в Южно-Сахалинск и обратно.

А ко времени описываемых нами событий деревня Мидзухо была по меркам Карафутто изрядной, в ней насчитывалось дворов двести пятьдесят. Именно такая цифра обнаруживается в одном из свидетельских показаний. Вообще, долина реки Лютоги и ее притоков была тогда населена густо. В Футомата, Осака, Симидзу – нынешние Чапланово, Пятиречье, Чистоводное – имелось в 1946 году 753 хозяйства. Общая численность населения в них составляла около четырех тысяч человек. Подсчеты произведены нашими специалистами до массовой репатриации японцев и до приезда наших переселенцев.

Если учесть, что японские семьи были многодетными, о чем свидетельствуют данные, приведенные в конце главы, то можно заключить, что деревня Мидзухо была многолюдной.

Наше представление о деревне во многом дополнит японский источник – книга, изданная в Токио к 30-летию Карафутто. Ее переводом, имеющимся в Сахалинском областном архиве, мы и воспользуемся.

Правительство Японии способствовало переселенцам на Карафутто и в разные годы предоставляло немало различных льгот, с 1919 года стали выплачивать даже небольшое денежное пособие: лицам старше 15 лет выдавали по 5 иен из расчета 15 иен на двор. Число крестьянских дворов на Карафутто стало постоянно расти. В 1922 году их было построено 1046, всего через три года – 2378. Позже льготы расширились. Цитируем: «Выдача земли переселенцам проводилась в определенный период года, а именно с конца марта по последнюю декаду апреля, так что строительство отопительных устройств в домах можно было закончить до выпадения снега. Строительство печей, мест для приготовления пищи, выдача циновок, посуды, обеспечение освещения осуществлялось за счет государства... Помимо этих льгот переселенцам оказывалась различная помощь после получения земельных участков. Выплачивались поощрительные пособия».

А вот в книге сведения и о деревне Мидзухо. До так называемого группового заселения, то есть до 1926 года, в деревне насчитывалось 110 дворов, в которых проживало 485 человек. За короткий период число дворов выросло. В 1934 году их значится уже 181, а количество жителей увеличилось почти вдвое, так что, вполне возможно, в 1945 году их было 250. Их рост происходил не только за счет переселенцев. С 1932 года коренное население получи-

ло право на дополнительные земли. Детям крестьян, оставшимся в деревне, предоставляли земельный участок. Вот почему в Мидзухо мы встречаемся с явлением, которое противоречит древним японским обычаям. По ним старший сын должен быть отцовским наследником и, перейдя во владение, обязан содержать родителей до смерти. А в Мидзухо молодой Морисита Ясуо живет отдельно от своего отца. Мы предполагаем, что дом его стоит сразу за рекой, где начинается деревенская окраина, именуемая Урасима. Морисита Киоси, отец резервиста, имеет усадьбу поближе к центру деревни. Отделился от Хосокавы Ёкичи и его сын Хосокава Хироси. Он живет недалеко от Мориситы Ясуо, а отец обитает в Урасима, где-то в самом конце распадка. О нем говорят в деревне, что человек он зажиточный, влиятельный, имеет много скота, хорошую домашнюю утварь. Однако дополнительной рабочей силы не нанимает, видимо, помогают ему сыновья, младшему из которых – Хосокаве Такеси – исполнилось 17 лет. Старостой в Мидзухо ко времени разразившейся драмы был Нагаи Косукэ, пятидесяти одного года. Нагаи Котаро, сын его, проживает с женой и двумя малолетними детьми в своем доме, на своем участке... Надо полагать, примеры этими сведениями не исчерпываются.

Селились потеснее лишь в центре деревни, а дальше расстояние между усадьбами определялось количеством земли, которую имели владельцы. Поселения группировались по массивам, удобным для занятий сельским хозяйством. От Футомата до Мидзухо по распадкам возникали хуторки Хокубу, Тробу, Кавакита, Намбу, Амага, Накарий, Киесин, Коури... В самой Мидзухо окраины получили собственные наименования, из которых в документах фигурируют лишь две – Урасима и Хатигосен. Чтобы определить хоть приблизительно их местонахождение, я отправился в пос. Пожарское к Михаилу Федоровичу Рыбачуку и его жене Юлии Михайловне. Туда же пришел и их сосед Дмитрий Павлович Ворсин. Рыбачук приехал сюда в 1949 году, а Дмитрия Павловича занесла вместе с отцом волна первых переселенцев сорок шестого года. Тогда они были совсем юны, и хоть время было трудное, а вспоминают его с удовольствием теперь, находясь на полном пенсионе.

Разложили мы на столе некогда секретную карту заместителя командира бригады, рядом – карту сельхозугодий, расположенных вокруг Пожарского (попросили ее у главного совхозного агронома), и мои собеседники разговорились.

– Вот, смотрите: это поле теперь называется «крахмалка», тут у японцев был крахмальный завод. На нынешнем овощном поле стоял огромный двухэтажный дом, вокруг него росло много конопли. Здесь шла дорога, а через эту речку обозначим всячий мост.

– Да, – пускаются в размышления мужчины, – у японцев не ездил по речкам. Везде у них были мостики, мосты, в том числе и всячие. Бывало, мы, парни и девки, соберемся на гулянку, побежим на всячий мост и давай его раскачивать... Дораскачивались. Теперь всячих ни одного нет, на левый берег Лютоги шуруем прямо вброд хоть на машине, хоть на тракторе. Увидел бы какой японец из тех, что жили здесь, в обморок бы упал.

– Слева в Лютогу впадают две речушки, и обе на штабной карте именуется Урасима-гава. На какой из них стоял одноименный поселок?

– Теперь одна из них носит имя Нарьян-Мар, а другая зовется Безымянкой. По берегам Нарьян-Мара, что севернее, помнится, стояло домов восемь-десять. А вдоль этой, что южнее, раньше шла очень хорошая дорога, домов тут было раза в два больше, располагались они на расстоянии около километра. В самом конце распадка мы застали еще русский рубленый домик. Кому он принадлежал – неведомо. В этот же распадок выходил и большой мост через Лютогу. Снесло его во время мощного паводка, а восстановить было некому... Наверное, Урасима – это все поселения на левом берегу.

– А где сосновая роща, упоминаемая в одном из документов?

– Сосен в этих местах мы нигде не видели, а лиственничная роща есть. Она находится в северной части клина, именуемого теперь «Подсобное», на левой стороне Лютоги. Тут было два дома: один просто большой, другой – двухэтажный. Недалеко от него – добротный сарай.

– Как выглядел центр деревни?

– Старая дорога шла восточнее нынешней, новой. Дома вдоль нее стояли гуще. Справа, если ехать на Аниву, находились двухэтажный жилой дом, склад. Склад, надо сказать, прочный был, долгов стоял.

Японское правительство, оказывая помощь союзу земледельцев, предоставляло средства на строительство складов – железобетонные фундаментные блоки, листы оцинкованного кровель-

ного железа, лесоматериалы – и оплачивало до восьми процентов общей стоимости строения. В некоторых местах на южном Сахалине такие склады стоят и сейчас, один из них — в Чапланове.

– Вот здесь, — тычут мои консультанты на окраину поля, — жил большой староста, недалеко находилось какое-то общежитие. Когда мы в него заходили, то в комнатах уже было совсем пусто. В этом месте стоял столб — наблюдательный пункт пожарной охраны. Наверху огороженная площадка, лесенка к ней вела. Столб был высокий, метров около десяти, с него далеко видно было в обе стороны. Через дорогу от общежития красовался публичный дом. Красный фонарь там долго висел, а вот обитательниц — мужчины не могут скрыть усмешку — уже не было. Знакомый офицер рассказывал, что дамочек сразу же, осенью сорок пятого, отпустили на все четыре стороны. Хозяев заставили, чтоб выплатили им все, что положено: выходное пособие, отпускные... Да, недалеко тут стояла гостиница.

Гостиница? Стоп! Я знаю человека, который летом сорок шестого года проживал в ней. Это Василий Афанасьевич Уткин, житель Пятиречья. Когда-то я учил его младших дочерей, потом внучат. Теперь Василий Афанасьевич овдовел, живет один. Переступив порог дома, я оторвал его от книги, но он рад любому гостю и воспоминания начинает пространно, с демобилизации. Для краткости из его рассказа выбираем лишь то, что связано с нашим повествованием.

– Назначили меня на лесосеку мастером, а в лесозаготовках я был новичком, почти ничего не знал. Мне тогда японский мастер помогал. Поскольку он японец, то мастером назначили меня, а его определили мне в помощники. Разговаривал я с ним при помощи книжечки-разговорника, объяснялись и на пальцах. Японец был вежливый, терпеливый, мне объяснял все, многое сам за меня делал. Бригада моя состояла из японских рабочих. Работали они хорошо, аккуратно. Я ими был доволен. А по выходным они угощались сакэ. Напьются, бывало, пошумят, поскандалят между собой, иногда и поцапаются, а утром в понедельник просят меня: «Вася-сан, не говори начальнику! Начальник дурной много!» Начальник наш, русский, действительно, умом не отличался, горькую глушил без меры да матерился. Боялись его японцы. Заготавливали мы лес на массивах, недалеко от Мидзухо. Командировали меня туда, пришел я к старосте. И сейчас помню, звали его

Като. Он неплохо говорил по-русски. Нарисовал он иероглифами писульку и послал меня с ней в гостиницу. Хозяин встретил меня хорошо, провел в комнату. Там лишь циновка и маленький круглый столик. Стульев нет, кровати нет. На ночь постель вынимают из ниши и стелили прямо на пол. Жил я у них полмесяца, может, больше.

Привозил я съестных припасов на неделю. Ребятишки, дети хозяина, как хлеб увидят, кричат: «Пан! Пан! Еруси!» Хлеб, значит, хорошо! Дня за два уметут мой хлеб, потом кормят меня своей пищей. С хозяином иногда за ужином выпивали, хотя сакэ – слабое питье. Хозяин плеснет себе на доньшко и смакует весь вечер. А я — стакан залпом. У него и глаза на лоб. Потом я его нашей водкой угостил. Выпили бутылку на двоих, японец окосел, хвалить стал: русская водка, да еще стаканом, — еруси!

– Чем занимались жители Мидзухо?

– Как чем? Крестьянствовали.

Тут у нас есть возможность получить сведения из первых рук. Нам поможет японка Мацудатэ Савво, все село ее зовет просто Сава, давняя знакомая моей семьи. В самом начале шестидесятых годов мы в Чапланове были соседями, нас разгораживала лишь стенка в ветхом домишке. Муж Савы, кореец Ко Че Черно, теперь уже покойный, работал в старом здании школы истопником. Жили они в двух маленьких комнатах, с немалой кучей ребятишек. Наши дети были моложе, но играли они вместе. Жили мы добрососедски года полтора-два. И теперь Саву вспоминаем добрым словом, когда встретимся, — рады ей. Сава живет нынче с дочерью и внучатами в новой квартире. Тут целая улица двухквартирных домов, выросших на том месте, где когда-то стояли старая школа и наш домишко. Нестареющая Сава рассказывает, что недавно ездила в Японию, повидала там совсем старую мать, сестру, познакомилась с многочисленной родней. Вспоминали прошлое, погрустили, что жизнь прошла врозь, порадовались поздней встрече.

– Где вы жили до сорок пятого года?

– Усадьба наша находилась на хуторе Кавакита, в нескольких километрах от Футомата. Было там домов, — Сава на минуту умолкает и, загибая пальцы, видимо, перечисляет поименно своих давних соседей, — пожалуй, семнадцать или восемнадцать. Семья имела корову, свинью с поросятами. Куры бегали по дво-

ру — десятка полтора-два. Была у нас лошадь, работяга. На ней пахали, отец возил молоко на сельский молокопункт, часть урожая на склад, получал там удобрения. По первому снегу вывозили сахарную свеклу на станцию Футомата, грузили в вагоны. Кто не сдавал свеклу, тот не получал сахара. С весны до осени семья работала на земле. Сеяли горох, пшеницу, ячмень, гречиху, овес. Были на огороде тыквы, росла кукуруза. Осенью засаливали помидоры, огурцы, капусту.

Уместно тут еще раз полистать книгу «30 лет Карафуту». Окачивается, на южной части острова производилось до сорока видов сельскохозяйственных культур. В их числе были голозерный ячмень, картофель, баклажаны, морковь, фасоль, турнепс, брюква. Проходили по отчетам земляника, клубника. В числе технических культур немалое место занимали мята и лен. Для продажи производили зеленый горошек, сою, конские бобы, просо. Чаплановские старожилы добавляют, что тут было много яблонь, в нынешних Бамбучках — слив. Даже упоминают японца, который выращивал на клочке земли рис.

Об уровне развития животноводства могут кое-что поведать хотя бы эти несколько цифр. В Маока, включая Нода (Чехов), имелось в крестьянских хозяйствах 1 149 коров, 264 быка. Иных данных мы не нашли, возможно, скот содержался еще где-то. Известно лишь, что в 1934 году в Маокском уезде было произведено 32 тонны 373 килограмма сливочного масла. Пожалуй, стоит снова добавить цифры из экономического обзора специалистов гражданского управления Южно-Сахалинской области. К весне 1946 года на Южном Сахалине значилось 15 тысяч лошадей, 20 тысяч голов крупного рогатого скота, около 4 тысяч свиней. Насколько точны эти цифры, трудно судить, так как к этому времени мы уже успели кое-что реквизировать у японцев.

— Богато ли жила ваша семья? — спрашиваю у Савы.

— Не знаю. Богаче нас были те, у кого имелось больше скота и земли. А у нас одна корова да одна лошадь. Отец зимой уходил на заработки в лес. Может, и небогато мы жили, а хорошо тогда было. Когда наша семья уезжала в Японию, я так плакала, так плакала...

— Земли у вас много было?

— Об этом отец знал, я тогда слишком юной была, чтобы интересоваться. Земли тут хватало, были бы руки. А молодежь уходила на войну или на учебу в города. Старики да дети, что они могли сделать?

Различные источники говорят, что земля переселенцам давалась на правах аренды. Однако после того как на участке были построены дом, хозяйственные помещения, поставлен скот, если сельскохозяйственные работы были выполнены более чем наполовину, то по требованию арендатора земля передавалась в его собственность. Большинство крестьян владели небольшими земельными участками. Если число крестьян, имевших менее трех гектаров обрабатываемой земли, принять за сто процентов, то те, кто имел до пяти гектаров, составят 41,5 процента, до 10 гектаров — 15 процентов, а до 15 гектаров — всего 2,7 процента. Так что имелись все основания считать Хосокаву Ёкичи богачом.

Война — это высочайшее напряжение всех физических сил народа, это лишения и тяготы, потери физические, материальные и моральные. На труженика давят со всех сторон, нищание его неизбежно. Уже к февралю 1942 года в Японии система нормированного распределения риса была распространена на всю страну. На Карафуту, как сообщается в том же экономическом обзоре, ежемесячная норма составляла 12 килограммов рису на взрослого, 7 килограммов на детей, 120 граммов сахара. Раз в три месяца выдавали два куска мыла, 200 граммов соли, 1,5 килограмма специальных соусов.

Савво Мацудатэ вспоминает:

— Мама варила сначала сахарную свеклу, нарезанную тонкими ломтиками, потом отжимала. Жом шел корове, а жидкую массу снова варили, варили, пока она не становилась вязкой. После на медленном огне кипятили опять. Получалась вязкая коричневая, почти черная масса. Ее и потребляли вместо сахара.

Еще до начала войны с США были самораспущены политические партии, профсоюзы, а взамен сформирована «Ассоциация помощи трону». Есть основание предположить, что в Мидзухо функционировал деревенский совет «Ассоциации». В одном из протоколов допроса упоминается, что Курияма Китидзаемон является советником какого-то сельского совета. Скорее всего это как раз и был совет «Ассоциации помощи трону». В обязанности его членов входило проведение различных мероприятий, конечной целью которых было внушение крестьянам чувства ответственности всего народа за судьбу Японии. В деревнях советы «Ассоциации» создавали «рампохан» — «соседские общины», объединявшие 10-12 или немного больше семей. Савво Мацудатэ

тэ вспоминает, что у них на хуторе был свой десятник, отец часто ходил на какие-то собрания. «Соседские общины» принимали участие в распределении продовольствия и предметов быта, агитировали за подписку на военные займы, за бережливость, призывали членов общины отдать все силы «священной» борьбе, идти на самопожертвование во имя императора и будущей победы, так что вряд ли у японского крестьянина была возможность разбогатеть.

Прямых свидетельств о наличии в Мидзухо «рампохан» у нас не имеется. Однако логика поведения абсолютно всех участников драмы свидетельствует: люди были опутаны, повязаны какой-то тяжкой взаимозависимостью.

Об уровне жизни обитателей Мидзухо некоторое представление могут дать документы о конфискации личного имущества у осужденных по решению военного трибунала.

В первом из них капитан Кузовников докладывает председателю военного трибунала ДВВО полковнику юстиции тов. Синельнику о том, что «изъяты у Касивабары Дзюнси деньги в сумме 329 рублей и часы из белого металла фирмы «Сейко» без номерного знака обращены в доход государства». Какой доход от таких часов?

Второй документ – акт об оценке конфискованных вещей у того же Касивабары: велосипед, имеющий пятьдесят процентов износа, оценен в 250 рублей, плащ прорезиненный той же степени износа – 50 рублей, почти новый бритвенный прибор – 10 руб., фотоаппарат, изъятый у Мивы Мацумасы, – 130 рублей.

Вот по акту описи и оценки конфискованного имущества переданы колхозу имени Чеплакова (так раньше ошибочно писали фамилию Евг. Чапланова) лошадь Куриямы Китидзаемон стоимостью 4500 рублей и жеребенок. Лошадь Нагая Акио оценена в 5 тыс. рублей, оба жеребенка – по 800 рублей. Все конфискованное имущество оценено до денежной реформы 1947 года.

Какое уж там богатство!

Однако вернемся в поселок Пожарское, в семью Рыбачуков.

Колхоз, в котором начал работу подростком Михаил Федорович, имел поначалу 20 коров. Это был скот, реквизируемый у репатриированных японцев. Лошадей было больше – с полсотни. В колхозную собственность поступала мебель, оставленная в опустевших домах. Японцев управляли с небольшими узлами одеж-

ды, все остальное – скот, мебель, посуда, постель – оставалось в домах, растаскивалось теми, кто первым приходил туда, забирались колхозом, затем продавалось своим колхозникам.

Не будем задним числом давать оценку этому явлению, заметим лишь, что японцы от этого не обеднели, а мы, увы, не разбогатели.

Мои собеседники вспоминают, что японцы были какими-то безразличными к самым необходимым житейским удобствам. Прежде всего, в их домах не сохранялось тепло. У печурки с вечера соберутся от малого до старого, сидят в теплых штанах, греются, потом лезут под толстенные теплые одеяла. Печка остынет сразу, как дровишки в ней прогорят, тепло хранит лишь огромная керамическая грелка с горячей водой, которую с вечера ставили в ноги... В то же время у них было немало красивой мебели — шкафов, шкафчиков, на них стояла уйма всяких красивых безделушек. В каждом доме много разнокалиберной посуды – чашечки различных размеров, да все расцвечено красивыми рисунками. Жаль, что ничего не сохранилось, прахом пошло.

– Еще водяная колонка у каждого в сенях, тут плетенки висят – штук пять, разных размеров. Это такие очень легкие приспособления для ходьбы по снегу. Нацепит их японец и, глядишь, почесал к соседу по снежной целине, только пыль крутится за ним. Зимой они сидели в своих фанзах, а с ранней весны до поздней осени работали. Трудлюбивые люди.

– Соседями у нас, – вспоминает Юлия Михайловна, – были одинокая женщина и три ее дочери. Где их хозяин был – не знаю. Мы дружили с ними. Они так полюбили мою младшую сестру, что даже просили отдать ее с ними в Японию. Хорошие люди были.

– А вы не слышали ни от кого из них, что тут произошло в августе сорок пятого, когда наступали наши войска?

– Нет, не слышали. Что же тут произошло?

Хосокава Хироси

1919 года рождения, уроженец деревни Токорогун уезда Токора, префектура Сарума, о. Хоккайдо, крестьянин, образование 6 классов.

Отец – Хосокава Ёкичи, 1890 г. рождения, мать – Хосокава Сики, 1892 г., жена – Хосокава Томае, брат — Хосокава Такеси,

1928 г., сестры – Хосокава Фумико, 1930 г., Хосокава Рисуко, 1935 г. рождения.

С 1939 г. по 1940 г. (по другим сведениям по 1941 г.) служил в японской императорской армии. До августа 1945 года – преподаватель военных дисциплин в молодежной организации «Сэйнendan» деревни Мидзухо.

Словесный портрет: рост низкий, фигура худощавая, плечи опущенные, лицо овальное, лоб высокий, прямой, брови прямые, рот малый, подбородок сложенный, уши малые, овальные.

Особые приметы: на бедре правой ноги большой шрам от ожога; на левой руке палец вывихнут (сросшийся вывих).

«С начала войны Японии с Советским Союзом японцы из прибрежных районов стали уходить в глубь острова. Корейцы стали с этого времени плохо относиться к японцам: грабили их дома, избивали женщин-японок... Конкретных фактов ограбления японцев и избиений я привести не могу».

(Из протокола допроса 7 августа 1946 года)

«Да, я признаю, что совместно с Мориситой Ясуо, Киосукэ Дайсукэ был организатором, руководителем и непосредственным исполнителем массового уничтожения корейцев, проживавших в дер. Мидзухо. Я признаю, что все убийства корейцев – мужчин, женщин и детей – являются моими, Мориситы, Киосукэ убийствами. Я должен за эти убийства нести ответственность».

(Из протокола допроса 20 августа 1946 года)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года приговорен к расстрелу. Казнен во Владивостоке 26 февраля 1947 года.

Киосукэ Дайсукэ (Дайскэ)

1909 года рождения, город Уса того же уезда, префектура Опта, остров Кюсю. Специальность – плотник, образование 6 классов.

Отец – Киосукэ Китиро, 1865 г., мать – Киосукэ Тия, 1887 г., жена – Морисита Сигэ, 1927 г., детей нет. Братья и сестры: Киосукэ Мисаки, 1912 г., Киосукэ Катую, 1916 г., Киосукэ Нацуки, 1919 г., Киосукэ Тэйтаро, 1922 г.

Словесный портрет: рост низкий, фигура полная, плечи горизонтальные, шея короткая, волосы черные, глаза карие, лицо

овальное, лоб низкий, прямой; нос малый, толстый; губы тонкие; уши малые, овальные.

Особые приметы: на правой руке в области локтя поперечный шрам от ожога; глаза большие трахомой, носит темные очки.

«После убийства корейцев в Урасима мы все пришли в дом Куриямы Китидзаемон, где покушали и отдыхали до вечера... Когда мы вернулись в дом Куриямы, последний поблагодарил нас за то, что мы убили корейцев, и угостил нас обедом, а также угостил спиртом. Вечером все участники убийства, в том числе и я, убрали трупы убитых нами корейцев и закопали их. После погребения трупов мы все вернулись в дом Куриямы и поужинали».

(Из протокола допроса 31 июля 1946 года)

Из протокола очной ставки между обвиняемыми Киосукэ Дайсукэ и Хосокавой Хироси 16 августа 1946 года.

«Хосокава: Киосукэ говорит вам ложь. Он был одним из активных руководителей массового уничтожения корейцев в дер. Мидзухо.

Вопрос Киосукэ: Вы подтверждаете показания Хосокавы?

Ответ: Да, я подтверждаю показания Хосокавы Хироси полностью. Действительно, я являлся инициатором и был одним из активных руководителей массового уничтожения корейского населения дер. Мидзухо».

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года приговорен к расстрелу. Казнен во Владивостоке 26 февраля 1947 года.

Чиба Масаси

1903 года рождения, деревня Кита-Ката уезда Томэ, префектура Мияги, о. Хонсю. Образование 6 классов, крестьянин.

Жена – Чиба Хидео, 1908 г., сыновья – Чиба Киоити, 1927 г., Чиба Моити, 1928 г., Чиба Кэнкити, 1931 г., Чиба Сигэминэ, 1933 г., Чиба Масанобу; дочери – Чиба Кимико, Чиба Миеко, Чиба Эмико — годы рождения не указаны.

С 1923 года по 1925 год служил в японской императорской армии ефрейтором.

С 1927 г. по 1935 г. – член японской партии «Менсайто».

«На Хоккайдо не хватало для нашей семьи земельных угодий, поэтому я переехал на Карафуто, где предоставлялись некоторые льготы и давали больше земли».

(Из протокола допроса 17 июля 1946 г.)

«Вопрос: Ответьте, для какой цели вы хранили дома оружие?»

Ответ: Охотничье ружье я не сдавал, потому что берег для охоты. Военную саблю не сдавал потому, что хранил ее как память. Сабля находилась в нашем роду около 170 лет. Боевую винтовку «Арисака» я оставил для охоты на медведя».

(Из протокола допроса 22 августа 1946 г.)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года приговорен к расстрелу. Казнен во Владивостоке 26 февраля 1947 года.

Нагаи Котаро

1917 года рождения, деревня Вакуя уезда Тода, префектура Мияги, о. Хонсю, крестьянин.

Отец – Нагаи Косукэ, 51 год; мать – Нагаи Хасимэ; жена – Нагаи Исино, 24 года; дети – Нагаи Ицуко, 3 года; братья и сестры — Нагаи Ринко, 21 год, Нагаи Читоси, 19 лет, Нагаи Фумику, 16 лет, Нагаи Сэцуко, 11 лет, Нагаи Фумио, 8 лет, Нагаи Сацуко, 4 года.

В 1937-1938 годах проходил военную службу в Маньчжурии, г. Цицикар. Имел награды – медаль за участие в войне с Китаем, значок Красного Креста, орден 8-й степени.

«...Корейца, фамилию которого я не знаю и который пытался бежать, я догнал и зарубил насмерть саблей... Я также участвовал в убийстве корейцев, проживавших в бараке японца Конбэ. Во время убийства я стоял в засаде около окна барака... Я зарубил двух корейцев, которые пытались бежать из барака. Всего же я зарубил саблей троих корейцев».

(Из протокола допроса 9 августа 1946 года)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года приговорен к расстрелу. Казнен во Владивостоке 26 февраля 1947 года.

Курису Набору

1920 года рождения, уроженец деревни Сибэцу, о. Хоккайдо, крестьянин, образование 8 классов, холост.

Отец — Курису Тосимэ, 53 года; мать — Курису Яэ, 48 лет; брат — Курису Мамору, 27 лет.

«Я сам понимал, что убийство корейцев являлось большим преступлением, поэтому мне было понятно, что все это дело я должен держать в секрете и никому ничего не говорить».

(Из протокола допроса обвиняемого Курису Набору
26 июля 1946 года)

«Совершая убийство корейцев, я полагал, что мы поступаем правильно, и сейчас считаю, что мы тогда поступили с ними правильно».

(Из показаний на судебном следствии 27 сентября 1946 года)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября приговорен к расстрелу. Казнен во Владивостоке 26 февраля 1947 года.

Хосокава Такеси

1928 года рождения, село Симидзу уезда Маока, о. Карафуто, образование 5 классов.

Брат Хосокава Хироси.

«Вопрос: Вам предъявляется акт судебно-медицинской экспертизы, в котором указывается, что корейцы были убиты зверскими методами. Вы это подтверждаете?»

Ответ: Да, я подтверждаю. Действительно, в августе 1945 года я лично с Чибя Моити убил двух женщин и шестерых малолетних детей».

(Из протокола допроса 28 августа 1946 г.)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года приговорен к расстрелу.

Казнен во Владивостоке 26 февраля 1947 года.

Чибя Моити

1928 года рождения, дер. Кита-Ката уезда Томэ, префектура

Мияги, о. Хонсю, образование 8 классов, крестьянин. Сын Чибы Масаси.

Член молодежной организации «Сэйнендан».

Из протокола очной ставки между обвиняемыми Чиба Масаси и Чиба Моити 6 августа 1946 года. (Очная ставка начата в 12 час. 30 мин. Очная ставка окончена в 14.00 час.)

«На поставленный вопрос, знали ли они друг друга, обвиняемые Чиба Масаси и Чиба Моити ответили, что они знают друг друга хорошо, находятся в близких родственных связях. Чиба Масаси является родным отцом Чиба Моити. Взаимоотношения нормальные.

Вопрос обвиняемому Чиба Масаси: Что вам известно об участии в убийстве корейцев Чиба Моити?

Ответ: Мне известно, что мой сын Чиба Моити в августе 1945 года принимал участие в убийстве женщины-корейки и ее малолетних детей, находившихся временно в доме корейца Маруяма. Вместе с ним убивали Морисита, Хосокава Такеси. Об этом рассказал мне лично Чиба Моити на второй день после убийства.

Вопрос Чиба Моити: Вы подтверждаете показания Чиба Масаси?

Ответ: Да, подтверждаю».

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года приговорен к расстрелу.

Казнен во Владивостоке 26 февраля 1947 года.

Какута Гиодзиро

1910 года рождения, г. Саппоро, о. Хоккайдо. Образование 6 классов, крестьянин.

Мать – Какута Сомэ, 69 лет; жена – Какута Цуру, 36 лет; дети – Какута Тосио, 13 лет, Какута Цико, 9 лет, Какута Тадао, 6 лет, Какута Нацуко, 4 года, Какута Масо, 1 год.

«Саблю я взял у Мацуяма, директора школы дер. Мидзухо, для самообороны, на случай, если кто-либо из корейцев, проживающих в соседних деревнях, попытается бы отомстить мне за убитого

мною корейца Нацукава и вообще за участие в убийстве корейцев».
(Из протокола допроса 8 августа 1946 г.)

«На допросе 28 июля 1946 г. я солгал. В действительности о предстоящем в нашей деревне убийстве корейцев я знал заранее. Об этом мне сообщил Морисита, который повстречался мне на дороге, когда я сопровождал свою семью для эвакуации. Это было часов в 7 утра 21 августа 1945 года».

(Из протокола очной ставки между обвиняемыми Какута Тиодзиро и Курияма Китидзаемон 2 сентября 1946 года)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года осужден к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет.

Умер 28 августа 1948 г. в Красноярском лагере.

Касивабара Дзюнси

1902 года рождения, дер. Окима, префектура Иватаки, о. Хонсю. Образование 6 классов, крестьянин, женат, на Карафутто с 1931 года.

В протоколах допросов, в анкете арестованного никаких данных о семье не записано.

«Я признаю себя виновным в том, что заведомо знал о подготовке массовых убийств корейцев, я дал свое согласие на участие в этих убийствах и вошел в созданную для этой цели японцами Хосокавой Хироси и Мориситой Ясуо группу, в составе которой 22 августа 1945 года принял непосредственное участие в убийстве корейцев, проживавших в бараке японца Конбэ».

(Из протокола допроса 22 августа 1946 года)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года осужден к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет.

Умер в Красноярском лагере 5 января 1949 года.

Курияма Китидзаемон

1904 года рождения, дер. Мотовакуя, префектура Мияки, провинция Тода, о. Хонсю, образование 6 классов, крестьянин.

Жена – Курияма Фумико, 1914 г., дети: Морисита Курако, 1922 г., Курияма Сиодзи, 1928 г., Курияма Иосуаки, Курияма Акио, Курияма Акира, Курияма Мивако, Курияма Иосуробу, Курияма Акико.

Служил в японской императорской армии с 1925 по 1927 год, уволен в звании ефрейтора.

Словесный портрет: рост низкий, фигура худощавая, шея длинная, волосы черные с проседью, глаза карие, лицо пирамидальное, лоб низкий, прямой, брови дугообразные, нос тонкий, губы толстые, уши большие.

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года осужден к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет.

Репатриирован в Японию 6 декабря 1955 года.

Курияма Сиодзи

1928 года рождения, село Симидзу уезда Маока, о. Карафутто, окончил 7 классов начальной школы деревни Мидзухо, крестьянин. Сын Куриямы Китидзаемон. Член молодежной организации «Сэйнендан».

«После убийства всех корейцев в Урасима в нашем доме обедали Судзуки Масаиоши, Курияма Мамору, Какута Тиодзиро, Нагаи Котаро, Такахаси Иоримицу, я и мой отец – Курияма Китидзаемон. После обеда я вышел с Курияма Мамору и другими ребятами, мы ушли гулять на окраину деревни к речке, где и пробыли до вечера».

(Из протокола допроса 14 августа 1945 года.
Допрос начат в 11 час. 20 мин.)

«Примерно 27-28 августа 1945 г. я вместе с Хосокава Хироси закопал труп убитого корейца недалеко от нашего дома, об этом случае знал мой отец – Курияма Китидзаемон... Кем и когда был убит этот кореец, мне неизвестно. Труп был немного изменен, т. е. имелись признаки его разложения».

(Из протокола допроса 14 августа 1946 года.
Допрос начат в 21 час. 25 мин.)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года осужден к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет.

Данных о дальнейшей судьбе не имеется.

Судзуки Масаноси

1927 года рождения, дер. Саруфуцу уезда Соя, о. Хоккайдо. Окончил 8 классов начальной школы дер. Мидзухо, рабочий-сезонник.

Отец – Судзуки Ринсаку, 1888 г.; мать – Судзуки Киса, 1909 г.; братья и сестры – Судзуки Масанобу, Судзуки Намико, Судзуки Набуко, Судзуки Цуяко, Судзуки Норико.

Член молодежной организации «Сэйнендан».

«Утром 23 августа 1945 года Морисита Ясуо приказал мне, Хосокаве Такеси и Чибэ Моити убить женщину-корейку и ее тринадцатилетнюю дочь, которые находились в то время в доме Ха-сегава».

(Из протокола допроса 17 августа 1946 г.)

«Моя принадлежность к молодежной организации «Сэйнендан», как окончившего молодежную школу этой организации, заставила меня идти вместе с ее руководителями, которыми были Морисита Ясуо и Хосокава Хироси».

(Из протокола допроса 17 августа 1946 г.)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года осужден к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет.

Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Мива Мацумаса

1921 года рождения, село Футомата уезда Маока, о. Карафуто. Образование 8 классов начальной школы дер. Мидзухо, крестьянин.

Отец – Мива Эисио, 65 лет; мать – Мива Сина, 57 лет; жена – Мива Кимико, 21 год; дочь – Мива Масако, 1 год; братья и сестры – Мива Набуо, Мива Тадао, Мива Косиро.

«Примерно 26 августа 1945 года ко мне в дом пришел Митинака Тадао, который сказал, что нужно захоронить трупы корейцев, убитых в сарае Конбэ. Я ответил согласием... Когда мы пришли к сараю, Курису Набору вышел из жилой половины сарая и сказал, что в комнате находится живой кореец, который сидит... Видимо, он был в бессознательном состоянии, но что был живым, могу сказать точно».

(Из протокола допроса от 4 августа 1946 г.)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года осужден к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет.

Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

Нагая Акио

1927 года рождения, дер. Мидзухо волости Симидзу уезда Маока, о. Карафутто, образование 8 классов, крестьянин. Отец – Нагая Тамоити, 49 лет; мать – Нагая Току, 42 года; братья и сестры – Нагая Мацуаки, 8 лет, Нагая Мицуо, 5 лет, Нагая Соэми, 2 года, Нагая Кимико, 17 лет, Нагая Мисако, 14 лет, Нагая Теруко, 10 лет.

Член молодежной организации «Сэйнendan».

«Когда я сидел в засаде, то увидел бежавшего в мою сторону корейца. Но так как я никогда никого не убивал, то струсил и не произвел в корейца ни одного выстрела, а только кричал, что бежит кореец. Своим криком я привлек других японцев, и они убили его».

(Из показаний на судебном заседании 27 сентября 1946 года)

«У меня большая семья, работать некому, я самый старший. Признаю, что, участвуя в убийстве корейцев, делал плохо».

(Из последнего слова подсудимого)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года осужден к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет.

Данных о дальнейшей судьбе не имеется.

Хасимото Сумиеси

1928 года рождения, дер. Мидзухо волости Симидзу уезда Маока, о. Карафутто. Окончил 8 классов начальной школы дер. Мидзухо, крестьянин.

Отец – Хасимото Хейтаро, 50 лет; мать – Хасимото Кано, 50 лет; брат – Хасимото Хироюки, 25 лет.

Член молодежной организации «Сэйнендан».

«В эту ночь я ночевал дома. Кроме меня там был мой старший брат Хасимото Хироюки и 4 или 5 человек его товарищей, прибывших из Футомата. Рано утром, еще до рассвета, меня разбудил Хосокава Хироси. Он сказал мне, чтобы я быстро собрался, и добавил: «Ты должен идти!» Я оделся и вышел на улицу, при этом взял с собой кинжал».

(Из протокола допроса от 24 августа 1946 г.)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 г. осужден к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет.

Репатриирован в Японию 15 апреля 1955 года.

Митинака Тадао

1920 года рождения, село Сарума, префектура Токора, о. Хоккайдо. Окончил 6 классов начальной школы деревни Мидзухо, крестьянин.

Отец – Митинака Туюсино, 1894 г., мать – Митинака Фудза, 1896 г., братья и сестры – Митинака Кадзуе, 1927 г., Митинака Мисими, 1938 г.

«Я сделал плохо, но тогда была война, и я считал, что делал на пользу родине...»

(Из последнего слова на судебном заседании 27 сентября 1946 года)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года осужден к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет.

Репатриирован в Японию 3 марта 1956 года.

Муфинэ Эцуро

1904 года рождения, дер. Ясима-Кимисусунай уезда Юри, префектура Акита, о. Хонсю. Образование три класса, крестьянин.

Жена – Муфинэ Мацу, 6 человек детей (поименно не названы).
Других данных не имеется.

«22 августа 1946 года в 4 часа утра ко мне в дом зашли Морисита Ясуо, Хосокава Хироси и Киосукэ Дайсукэ. Морисита сказал мне, что вчера днем расправились с корейцами, проживавшими в Урасима, а сейчас мы должны пойти и расправиться с корейцами, которые проживают в сарае Конбэ, и обратился ко мне с тем, чтобы я помог осуществить убийство корейцев. Такое предложение было для меня неожиданным. Я спросил Мориситу, за что мы должны убивать корейцев. На мой вопрос Морисита и Киосукэ ответили, что сейчас не место и не время об этом разговаривать. На предложение принять участие в убийстве корейцев я дал свое согласие. Во время разговора присутствовал мой отец, который возражал против моего участия в убийстве корейцев, но я его не послушал».

(Из протокола допроса 31 июля 1946 г.)

«Я имею девять человек семьи, половина из них – больные, работать некому. Я признаю, что сделал плохо, прошу суд смягчить мне меру наказания».

(Из последнего слова на судебном заседании
27 сентября 1946 года)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года осужден к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет.

Репатриирован в Японию 6 июня 1956 года.

Судзуки Хидео

1906 года рождения, село Секитава уезда Ума, префектура Эхимэ, о. Хонсю, образование 6 классов, крестьянин.

Жена – Судзуки Томэ, 1910 г.; братья и сестры – Судзуки Масахиро, 1908 г., Арасэки Харуко, 1912 г., Тэрасита Киоко, 1916 г.

«Предыдущие показания написаны неправильно. Саблю я все время носил при себе и участия в убийстве корейцев принимать не хотел. К месту убийства я пошел из простого любопытства... В дом Нагая Акио я действительно в пять часов утра заходил, но сразу из него ушел. На месте убийства я также находился среди участников убийств и имел при себе саблю, но участия в убийстве не принимал и в засаде не был, хотя и находился среди лиц, стоявших в засаде».

(Из протокола допроса 12 августа 1946 г.)

Военным трибуналом ДВО 27 сентября 1946 года осужден к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет.

Решением военной коллегии Верховного суда СССР от 15 июня 1953 года досрочно освобожден. Репатриирован в Японию 4 декабря 1953 года.

Первая жертва

*В летних горах
Где-то дерево рухнуло с треском –
Дальнее эхо.*

Мэйсэцу

В сахалинских горах после снегопадов и метелей часто случаются сходы лавин. Снег накапливается, слоится, громоздится шапками, и в один – чаще всего самый неподходящий – момент масса не выдерживает и рушится.

Страшное это зрелище! Небольшой снежный ком, упав с вершины, вызывает цепную реакцию: верхние слои приводят в движение весь снежный покров – и вот уже к подножию сопки несется лавина, сметая все на своем пути. Чтобы вызвать лавину, достаточно оттепели, ветра, даже дальнего эха.

Такое эхо долетело в деревню Мидзухо ранним утром 20 августа 1945 года и разбудило отставного унтер-офицера Мориситу Ясуо. Он служил в императорской армии долгих четыре года и по боевому опыту определил: огонь ведут орудия среднего калибра, значит советские войска штурмуют порт Маока. Звуки побу-

дили его к немедленным действиям. Привычными сноровистыми движениями он оседлал коня, надел саблю, вскинул в седло свое поджарое тело и поехал в центр деревни. Деревня молчала, нигде не раздавалось ни звука, а вчера тут толпились, сбивались в суматохе эвакуируемые из населенных пунктов Симидзу, Осака, Футомата и их окрестностей. Движение было стихийным, паническим, страх согнал их с обжитых мест, и они поехали на лошадях, пошли пешком, спасаясь от диких русских орд. Одни направлялись в распадки, то есть в тупики, некоторые по знакомству разместились в усадьбе Хосокавы Ёкичи, другие ехали в направлении города Рудака с надеждой оттуда быстрее добраться до порта Отомари, чтобы уехать паромом на Хоккайдо.

Никто этим движением не руководил – один снарядился, следом сорвались соседи, глядя на них, рушили мелкие поселения и большие, и вот уже потянулся поток беженцев. Никто не знал обстановки: где русские войска, можно ли достичь желанной цели, людьми владело лишь одно желание – двигаться. Забегая вперед, скажем: дня через три-четыре все они вернулись в свои усадьбы.

Морисита выехал на главную дорогу, миновал ложбину, где протекала Дайку-гава, и очутился в центре деревни. Он привязал коня и пошел пешком к дому, где жил староста. Дом был пуст. Видимо, староста находился среди эвакуирующихся. Тогда Морисита поехал к полицейскому. Полицейский Исэда Рюдзиро по своему положению был начальником резервистов и должен был возглавить оборону.

Исэда Рюдзиро пригласил в дом уважаемого человека, поставил столик, но сакэ не налил, а лишь собирался приготовить чай. Морисита принял приглашение и сел. Он начал разговор о том, что слышны выстрелы, что надо готовиться к обороне. Исэда с неподвижным лицом смотрел в мутный рассвет за окном и молчал.

– В деревне много шпионов, – сказал Морисита.

Исэда и тут промолчал. Ответил он только на повторный вопрос Мориситы.

– Главное в империи – порядок и дисциплина. Если будет распоряжение, то он его исполнит. Но распоряжений никаких не поступало.

Морисита посидел еще некоторое время для приличия, поблагодарив хозяина, раскланялся и вышел.

Обратно Морисита пустил лошадь шагом. Он думал. Мысли

его вились вокруг внутренней боли, которая жгла его раскаленным камнем. Боль эта вспыхнула в нем после того, как он услышал по радио голос императора. Впервые в жизни вся нация услышала человека, которому поклонялась. Он говорил необычным голосом на непривычном наречии. Он сообщил о капитуляции Японии и призвал выдержать то, что выдержать невозможно, и превозмочь страдания, которые невозможно превозмочь.

Морисита не верил, что огромная Квантунская армия разбита, что американцы добрались до метрополии и бомбят столицу, что русские идут на Карафуто. Он видел беженцев, которые рассказывали, как японские части катятся на юг от пятидесятой параллели, бросают оружие, сдаются в плен. Говорят, русские заняли Эсугуру, теперь, видимо, высаживаются в Маока. Смириться с этим Морисита не мог. Империя непоколебима, она останется непобедимой, даже если потерпит тысячу неудач.

В Морисите кипела глухая злоба и требовала выхода. Он завернул к дому Хосокавы Хироси. Услышав стук, Хосокава вышел одетым, словно ждал. Все теперь спали по-военному.

– Они идут! – резко крикнул Морисита.

Хосокава вздрогнул и вытянулся, как положено ефрейтору перед унтер-офицером, когда тот зол. Субординация соблюдалась, несмотря на дружеские отношения.

– Они идут и скоро могут быть здесь, если их не остановить! Надо действовать!

Хосокава выразил полную готовность, он лишь спросил, что надо делать.

Морисита, поворачивая коня, ответил:

– Будем держать совет.

Через четверть часа Хосокава Хироси сажился за низенький круглый стол в доме Мориситы. О поверхность стола мягко стукнули рюмки и миниатюрные разрисованные чашечки. Уселся и хозяин, поджав под себя ноги, налил в рюмки сакэ. Некоторое время он молчал, потом выпил, заскрипел зубами и выкрикнул, как давно решенное:

– Русских ведут эти собаки! Они предатели, шпионы! Они показывают русским дороги!

В костер злобы, бушевавший внутри, будто плеснули горячего. Враз стало ясно: некоторые корейцы умеют говорить по-русски, они выдадут, где спрятаны японские семьи. Они будут праздновать

вать вместе с русскими, станут издеваться над японцами. Хосокава тоже давно был убежден, что корейцы всегда были враждебно настроены против японцев и смогут взяться за оружие.

История Японии подобный прецедент имела. 1 сентября 1923 года произошло великое землетрясение. Реки и каналы были забиты десятками тысяч трупов. В атмосфере великого хаоса откуда-то появились слухи, что корейцы отравили колодцы. Полиция по радио предупредила, что корейцы поджигают дома, убивают людей и забирают деньги. Людей призывали принять меры для защиты своей собственности. Немедленно организовались отряды армейских резервистов и волонтеров, которые кинулись на беззащитных и ни в чем не повинных корейцев, приехавших в Японию на заработки. Историки считают, что тогда жертвами стали тысячи корейцев.

Вряд ли Морисита знал о той резне. Однако знать было не обязательно: вирус злобы к униженным циркулировал в крови. И тут злой рок пошел навстречу. На пороге появился сосед Мориситы – Киосукэ Дайсукэ. В правой руке он держал ремень, левой подталкивал корейца. Кореец был нездешний.

– Вора поймал! – злоратно воскликнул Киосукэ.

– Я не вор, – пробормотал перепуганный кореец. – Я только хотел спросить, где живет кореец по имени Маруяма.

Киосукэ продолжал:

– У нас никто никогда не имел замков, у нас не было воровства, а теперь вот – начали воровать!

Морисита, мрачный, с плотно сжатыми губами, молча поставил третью рюмку и налил. Киосукэ выпил, тронул палочками закуску.

– Теперь эти осмелели, они подняли головы! Смотрите, они уже идут красть, скоро грабить начнут. Они русских ждут!

– Нет, – пролепетал кореец. – Мы никого не ждем...

– Молчать! – рявкнул Морисита.

Кореец вздрогнул и побледнел.

– Он украл у меня опий, – продолжал Киосукэ. – Он вор!

Никто не подумал спросить, как он мог украсть у Киосукэ опий, не переступив порог его дома.

Морисита встал, поднялись и остальные.

– Веди его!

Киосукэ снова вооружился ремнем с бляхой, взял корейца за

рукав. Морисита с саблей и Хосокава шли сзади. От дома Мориситы они пошли по дороге, потом свернули на тропу, что вела к дому Киосукэ.

– Стой! Подними руки! – командовал Хосокава.

Кореец понял свою участь. Он поднял дрожащие руки, глаза его расширились от ужаса. Хосокава вынул у него из нагрудного кармана деньги, а из брюк достал грязный платок, брезгливо бросил. Деньги положил себе в карман.

– Теперь ему ничего не надо.

Киосукэ взвизгнул и хлестанул корейца ремнем по лицу. Тот успел прикрыться рукой, и удар бляхой пришелся по плечу. Это лишь распалило Киосукэ. Выкрикивая ругательства, он стал с остервенением наносить удары. Подскочил Хосокава и ударом колена снизу опрокинул корейца на спину. Бедняга все еще пытался закрыть лицо. Хосокава ударил лежащего в низ живота. Тот издал тяжелый стон и схватился руками за пах. Киосукэ тут же кинулся бить его по лицу. Из глаза брызнула кровь. Морисита шагнул и коротким движением вонзил корейцу саблю в живот. Кореец захрипел и задергался.

– Отойдите!

Морисита отступил, затем, сделав быстрый выпад, взмахнул саблей. Удар был исполнен мастерски, с потягом. Из обезглавленного трупа густо выплыла темная кровь. Морисита воткнул саблю в мягкий грунт. Эфес трепетно заколебался. Хосокава взял саблю, примерился и натренированным жестом рубанул по туловищу.

Некоторое время они постояли. Сгустки крови стыли, чернели. Морисита веско произнес:

– Все сделано правильно.

Киосукэ сначала бросил несколько пучков травы на труп, потом сбегал домой за лопатой. Хосокава тщательно вытирал клинок.

Зарыв останки убитого на огороде Киосукэ, все трое вернулись к Морисите. Пили сакэ, пили чай, говорили о разных военных эпизодах. Хосокава посчитал деньги – оказалось двести пятьдесят иен. Делить их пока не стали.

Из протокола допроса обвиняемого Киосукэ Дайсукэ 7 августа 1946 года.

«Взаимоотношения между японцами и корейцами – жителями деревни Мидзухо, как до войны с Советским Союзом, так и в ходе

войны были исключительно хорошими. Об этом свидетельствуют такие факты. Иногда у кого-либо из жителей, японцев или корейцев, не было каких-либо продуктов или вещей, то они всегда охотно давали их друг другу взаимнообразно».

Из акта комиссии судебно-медицинской экспертизы:

«Яма № 1 находится от центра населенного пункта в двух километрах. В 250 метрах от ямы стоит отдельный жилой дом. В семнадцати метрах от ямы протекает река Рудака. На левом берегу реки, где расположена яма, – густая поросль молодых пихтовых деревьев.

Вскрытие ямы: при снятии верхнего слоя почвы на глубине 30 сантиметров оказалась отделенная от туловища голова. Установлено: голова отрублена остро-рубящим предметом, 4-й шейный позвонок перерублен по центру... Ниже лежат отдельно нижние конечности, отделенные от туловища в области 5-го поясничного позвонка... Внизу под нижними конечностями лежал плечевой пояс, вся грудная клетка с верхними конечностями... При исследовании верхней части туловища установлено: с правой стороны ребра имеют множественные переломы. Правая плечевая кость и правая ключица переломлены... Внутренние органы отсутствуют».

«Блистательная чума»

Япония ставит своей задачей в этой стране покровительствовать счастью народных масс... Она должна быть готова принести в жертву любого, кто ставит помехи на этом ее пути. Имеется лишь один путь управления этим народом – это суровые безжалостные методы.

Газета «Сеул пресс», 1910 г.

Может показаться, что та легкость, с которой совершен самосуд над случайно подвернувшимся корейцем, была обусловлена чрезвычайностью обстановки. Старая власть трещит, новой еще не видно, момент самый подходящий. Полный разгул вседозволенности и незащитность жертвы.

В какой-то мере это верно. Но судьба человека определяется прежде всего судьбою его родины. Откроем лишь страничку истории Кореи.

Пожалуй, довольно широкому кругу читателей известно, что Страна утренней свежести стала японской колонией с 1910 года. Однако мало кто знает, что так называемый договор 1910 года лишь подвел итоги длительному периоду экспансионистской политики более могущественного соседа, которому уроки капиталистического развития пошли впрок. А период этот был довольно драматичным. Иллюстрацию ограничим всего лишь несколькими картинками.

В феврале 1876 года под давлением военной силы корейская сторона подписывает японо-корейский торговый договор. Для торговли с Японией был сначала открыт порт Пусан, потом еще два портовых пункта. Вслед за японскими купцами поспешили чиновники, будто бы для защиты их торговых интересов. «Защитники» добились через японское правительство права экстерриториальности. Это означало, что японские купцы на территории Кореи имели особые преимущества: неприкосновенность жилища, неподсудность корейскому суду, освобождение от повинностей и налогов. Корейские власти не имели права в собственном государстве контролировать действия иностранных купцов!

Следующий крупный шаг был сделан в конце XIX века. В 1894 году произошла короткая война между Японией и Китаем. Особенность этой войны заключалась в том, что велась на территории... Кореи. Корейское правительство доверило Японии изгнать из страны китайские войска. Японская армия энергично взялась за выполнение возложенной на нее миссии. Европейский очевидец свидетельствовал: «Японская армия прошла по стране подобно средневековой чуме».

Китайские войска были разбиты и изгнаны. Зато остались войска Японии. Японская экспансия, подобно низовому пожару в лесу, распозлзась по полуострову. Японские концессии стали добывать золото и вывозить львиную его долю в метрополию. Японские рыбаки вылавливали у берегов Кореи рыбу. Японские колонисты захватывали корейские земли и строили на них для себя дома. Японские банки питали японских колонизаторов. На японских ткацких и прядильных фабриках в Корее японцу платили 65 чон в день, корейцу – всего шесть.

После победы в русско-японской войне 1904-1905 годов с корейским правительством вовсе перестали церемониться. Что-

бы добиться подписания договора о протекторате, императорский дворец недвусмысленно окружили войсками. В Корее установился оккупационный режим. На полуостров прибыл генеральный резидент князь Ито Хиробуми с неограниченными полномочиями. В его руки передана была законодательная, исполнительная, судебная власти, ему подчинялись все японские войска на полуострове: 26 пехотных батальонов, 8 эскадронов конницы, три роты артиллерии большого калибра, военные корабли, курсировавшие у берегов полуострова. Они постоянно держали под прицелом важнейшие пункты побережья. Резидент Ито сплел густую и эффективную жандармскую сеть. Если в 1906 году в Корее насчитывалось 20 жандармских постов, то через два года число их увеличилось более чем вдесятеро. Они стали не только карательным инструментом. Им удалось создать при помощи предателей в деревнях так называемые «отряды самообороны». Крестьян связывали круговой порукой. Им вменялось в обязанности вести патрулирование, шпионить за партизанами, конфисковывать у населения оружие. В случае уклонения кара обрушивалась на всю деревню – на правых и виноватых.

В первый же год своего резидентства Ито издал «Закон о покровительстве переселенцам». Сбиты были замки с запретов на куплю-продажу земли. Теперь переселенцы в Корею хлынули потоком. Они получали участки за бесценок, выменивали, а то и просто отнимали самые плодородные земли, лесные угодья, места рыбной ловли.

Предоставим слово иностранному наблюдателю. Английский журналист Маккензи, долго живший в Корее, писал в одну из лондонских газет: «Имущество корейцев, сельскохозяйственные продукты, право рыболовства и прочее полностью захватывались японскими переселенцами, а владельцы избивались и оскорблялись. В других случаях у корейцев насильственно отбирали рыболовные участки, а если они сопротивлялись, то их убивали. Японские солдаты до полусмерти избивали корейцев по малейшему поводу. Каждый японский солдат чувствовал себя полноправным судьей, налагал любое наказание, какое ему заблагорассудится».

Став собственниками, они с японскими оккупационными властями образовали единый фронт против корейских партизан. Японские переселенцы, получив от властей оружие, вместе с жандармами и войсками принимали участие в карательных акциях,

охотились за скрывавшимися в лесах партизанами. За тридцать с лишним лет до событий в Мидзухо японские жандармы и резервисты в самой Корее совершали такие набеги, как на сарай Конбэ, убивали без суда и следствия лишь за подозрение в нелояльности к оккупантам. Японец чувствовал себя в Корее хозяином. У корейцев был свой император Суджон, но страной управлял японский резидент. В уездах начальниками сидели японцы. В судах вершили дела японцы. Полицейскими были японцы.

Пощечиной всей корейской нации был разгон ее армии. 19 июля 1907 года новый император Суджон взошел на престол при живом отце, а уже 1 августа, т. е. через две недели, он подписал декрет о роспуске своей армии. Суджон торопился угодить оккупантам.

В Сеуле события разворачивались так. Военный министр Ли Бён Му приказал командирам частей сеульского гарнизона вывести солдат без оружия на учебный плац. Накануне генерал-резидент Ито и командующий японскими войсками в Корее генерал Хасегава распорядились к восьми часам утра полностью окружить площадь Хульёнвон. Сюда стянули кавалерийские, пехотные и инженерные части, оснащенные для ведения боевых действий. Когда безоружные войска выстроились, Ли Бён Му поднялся на трибуну. Он был в блеске парадной формы и орденов. Его громкий голос разносил над площадью текст императорского указа: корейская армия является наемной, поэтому надо распустить и создать новую на основе призывной системы.

– Солдаты и унтер-офицеры, вам предлагается разойтись! – заключил министр.

Японские инструкторы тут же кинулись срывать фуражки и погоны с солдат. Такого позора, унижения, издевательства над собой не выдержали многие. Командир лучшего гвардейского полка Пак Сон Хван на глазах у всех застрелился. Солдаты со слезами на глазах кинулись на своих врагов с голыми руками. Отряды численностью около полутора тысяч удалось добыть оружие, захватить склад с боеприпасами. Подоспела подмога от горожан. Однако превосходство японцев было абсолютным. Размещенные заранее на крепостных стенах, заработали пулеметы. Многих рубили саблями, кололи штыками, топтали лошадьми. Оставшиеся в живых оказались в переполненных тюрьмах. Разгон армии, массовые расстрелы продемонстрировали не только превосход-

ство оружия. Японцы утвердили превосходство своей нации.

На экспансионистскую политику японских колонизаторов естественным был ответ корейского народа – партизанская война. Это был патриотический порыв, во многом стихийный, плохо организованный, зато гневный, горячий. Партизанская война – яркая страница доблести и мужества корейского народа. Жаль, что она была заранее обречена из-за плохой организации, из-за предательства корейских помещиков и нарождающейся промышленной буржуазии.

Японские колонизаторы партизанское движение в прямом смысле выжигали огнем и заливали кровью. Когда народная война стала затухать, один из корейских патриотов совершил террористический акт.

27 октября 1909 года Харбинский вокзал был украшен. За линию оцепления могли пройти лишь высокопоставленные лица. Были здесь делегации русских, китайских, иностранных учреждений. Самую многочисленную группу составляли представители японской колонии. На перроне выстроились русский и китайский почетные караулы. Встречали князя Ито Хиробуми, недавнего резидента Кореи. Здесь намечались его переговоры с русским министром финансов В. Н. Коковцовым.

Когда поезд высокого гостя остановился, Коковцов и несколько видных чиновников вошли в вагон князя. После кратких взаимных приветствий и любезностей Ито и Коковцов появились перед встречающими и стали обходить строй почетного караула. Никто не обратил внимания на то, что между левым флангом почетного караула и группой русских офицеров, выстроившихся для представления, появился молодой кореец. Его одежда, осанка, походка, вся внешность подчеркивали в нем интеллигентность. Он выдвинулся как раз в тот момент, когда Ито и Коковцов завершили обход. Молодой человек выхватил браунинг, произвел три выстрела в Ито, остальные патроны разрядил в группу японцев, сопровождавших князя. Покушавшийся, видно, владел оружием неплохо: князь скончался в вагоне через несколько минут, а среди членов его свиты оказалось трое раненых.

Все произошло в считанные секунды, никто не успел выбить оружие, а когда охрана кинулась, было поздно. Молодой кореец спокойно, без всякого сопротивления отдал браунинг и крикнул присутствующим:

– Да здравствует Корея!

Свое имя скрывать не стал – Ан Джунгын, патриот. Год за два до покушения он проник на русский Дальний Восток. Вместе со своими четырьмя друзьями он поклялся, что отомстит за все бедствия корейского народа. Патриота судили в Порт-Артуре. Он выступил перед судом с обличением японской колонизаторской политики. Затем последовала казнь.

Покушение на Ито вызвало новую волну партизанского движения в Корее. Но это был кратковременный всплеск, который не мог приостановить надвигающуюся аннексию. Скорее даже подтолкнул ее.

И вот 22 августа 1910 года совершилась церемония, на которой предстояло подписать договор об аннексии. Генеральный резидент Тэраути Масатакэ на торжество пригласил всех высших чинов резидентства. Наконец прибыл корейский император Суджон.

Тэраути произнес речь, в которой подчеркнул, что отныне корейцы будут жить в обстановке высокой общественной безопасности, станут материально обеспеченными, поскольку могут хорошо зарабатывать на японских предприятиях. Корейский народ отныне приобщается ко всем благам японской культуры. Суджону поднесли документ на подпись. Трудно сказать, что в нем происходило. Он, видимо, чувствовал то же, что чувствует пилигрим, застигнутый шайкой разбойников на большой дороге: «Кошелек или жизнь?» Когда Суджон заколебался, японские генералы демонстративно стали бряцать оружием. Один из русских дипломатов, описывая поведение генералов, опустошивших страну подобно чуме, подчеркнул, что они блистательно исполнили свою роль. «И без того робкий от природы император совершенно пал духом, расплакался и дал согласие на заранее составленный текст соглашения».

Документ этот предельно краток, и мы приведем три статьи полностью.

«Ст. 1. Его Величество император Кореи полностью и навечно уступает Его Величеству императору Японии всю власть над Кореей.

Ст. 2. Его Величество император Японии выражает на это свое полное согласие и подтверждает присоединение Кореи к Японской империи.

Ст. 3. Его Величество император Японии обещает Его Величеству императору Кореи, Его Величеству императору-отцу, Его Величеству наследнику, их супругам и потомкам сохранить им титулы, достоинство и честь, а также предоставить им ежегодные пособия, достаточные для того, чтобы поддержать их существование согласно их положению».

Далее говорилось о благах для членов императорского дома, о том, что почетные титулы и пенсии будут жалованы тем корейцам, которые имели заслуги перед Японией и которые будут законопослушны. Лишь о корейском народе не было сказано ни слова.

Итак, отныне Корея становилась японским генерал-губернаторством Чосон, бывший император – чисто декоративной фигурой, а его народ переходил в подданство японскому микадо в качестве третьесортного налогоплательщика.

Из Кореи в Японию рекой изобилия потекли хлопок, рис, бобы, крупный рогатый скот, необработанная кожа, женьшень, золото, продукты морских промыслов, лес. В Корею из Японии везли ткани, керосин, жиры, напитки, металлоизделия, всякий ширпотреб, как сказали бы мы теперь.

Из Кореи уезжали крестьяне, согнанные со своей родной земли, ремесленники, разоренные японской машинной продукцией. Они становились дешевой рабочей силой. В Корею ехали чиновники, служащие полиции, жандармерии, офицеры, предприниматели, торговцы, резервисты, искатели легкой наживы, знавшие тайные и явные способы быстрого обогащения на полуострове.

Всего через три года после аннексии «Харбинский вестник», газета, которую читали не только русские торговцы, жившие в Китае, но и просвещенная публика Благовещенска, Иркутска, Владивостока, послала в Корею корреспондента. Тот делился своими впечатлениями в номере за 26 июля 1913 года: «По пути изредка попадаются деревушки в двадцать, самое большое в тридцать фанз. Последние имеют жалкий вид, берет даже сомнение, что эти конуры являются жилищем человека. Представьте себе маленький хлев с полусгнившей соломенной крышей и разваливающимися глиняными стенками, и вы получите более или менее точное представление о корейской хижине».

Какое уж тут счастье народных масс! Что касается обещанной суровости и безжалостности, то их хватало с избытком.

Расправа в Урасима

*О, гнев неистовый ему туманит взор
И разум! В ослеплении
Вокруг не видит ничего он.
Ужас! Ужас!*

*Кандзэ Кодзиро Нобумицу.
«Фуна-Бэнкай».*

Тревожным, суетным было утро 21 августа. Все знали, что связи с Маока нет, что перекрыто движение поездов, разрушился и распался привычный жизненный уклад из-за наступления русских. Ожидали боев на подступах к деревне, возможных насилий и грабежей, поэтому сегодня уходили те, кто опоздал с эвакуацией вчера.

Судзуки Масаиоси подняли в темноте, было, наверное, около пяти. В дорогу собрались отец, мать, братья и сестра, двоюродные брат и сестра. В узелки взяли самые необходимые вещи и направились в Урасима. Шли медленно из-за девочек и отца. Старика давил не столько тощий рюкзак, сколько беспокоили больные ноги. Пока собирались да двигались с частыми остановками, навстречу им распахнулось утро, свежее, росистое, наполненное запахами зрелого лета, усталых полей. Слева Рудака-гава дышала прохладным туманом, призывая близкую осень. Неужто совсем рядом война?

Она напомнила о себе, когда приблизились к дому Куриямы Китидзаемон. Был уже восьмой час утра. Перед домом Куриямы стоял Морисита Ясуо с короткой саблей на поясе. Он подошел к эвакуирующимся, поздоровался и, обратившись к Судзуки Масаиоси, сказал:

– Ты оставайся здесь, в деревне. Если придут русские солдаты, будешь им проводником.

Морисите никто не возразил. Масаиоси послушно расстался со своими родными, тотчас же передал двоюродному брату необременительную ношу, подошел к нескольким сверстникам, деревенским друзьям, сидевшим на бревнах во дворе Куриямы, улыбнулся им, поздоровался и присел рядом.

В то же самое время Хосокава Хироси пришел в дом к Чибэ Масаси. Столь ранний визит к соседу и раньше не вызывал бы

удивления. В прежние времена поговорили бы о хозяйстве, о погоде, об урожае. Теперь разговаривать было не о чем. Надо действовать! Хосокава произнес по-военному.

– Все собираются у Куриямы. Нужно вооружаться и идти.

Чиба был на шестнадцать лет старше Хосокавы, характером обладал твердым и самостоятельным, воинским званием равен с Хосокавой, но в данном случае безоговорочно принял старшинство младшего по возрасту. Он закинул за спину ружье, взял саблю. Уже по дороге Хосокава сказал как о деле решенном:

– Вчера убили одного корейца, надо расправиться с остальными.

Чиба Масаси, сорокадвухлетний крестьянин, отец пятерых сыновей и трех дочерей, ничего не возразил, лишь крепче сжал саблю, родовую реликвию, хранившуюся в семье, по преданию, сто семьдесят лет.

Едва они зашли во двор к Курияме, как показалась повозка Киосукэ Дайсукэ, который вез свою семью. Киосукэ остановил лошадь, передал вожжи молодой жене, сам подошел к мужчинам. Морисита Ясуо, Хосокава Хироси, Курияма Китидзаемон, Чиба Масаси и подошедший Киосукэ Дайсукэ поговорили о чем-то негромко и недолго.

Киосукэ вернулся к жене, дал наставление старикам, сидевшим отрешенно на телеге, добавил, что скоро приедет. Повозка дальше поехала без хозяина.

В то роковое утро, похоже, все дороги вели к Курияме Китидзаемон: заходили взрослые, стайкой группировались юноши. Даже Такахаси Йоримицу, пожилой японец, командированный эвакуированными за рисом, остался здесь. Рис он получил на кооперативном складе. Курияма передал два мешочка с попутным транспортом, а самого Такахаси попросил приготовить обед для присутствующих, которых уже было человек двадцать. У всех на лицах тревога: Япония потерпела поражение! Что теперь будет? Сходились группками, говорили негромко, как на поминках.

Из дома вышел Курияма Китидзаемон с темной плоской бутылкой в руке. Сын Сиодзи вынес на подносе рюмки и цветные миниатюрные чашечки. Хозяин стал разливать разбавленный спирт. Глаза блеснули довольством, но радости вслух не высказывал никто. Выпивка сдетонировала всплеск страстей, которые витали над деревней с тех дней, когда волны отступающих покатались на юг Карафуту. Спирт воспламенил накопившуюся обиду за

поражение, за необходимость бежать в горы, за невозможность уехать на Хоккайдо. Морисита выкрикнул:

– С ними надо покончить!

Сразу же со всех сторон посыпались реплики, которые хотя и не содержали ничего нового, но находили в каждом из присутствующих отзывку согласия.

– Они нападают на японцев! Грабят наши дома!

– Они насилуют японских женщин и девушек! Все беженцы об этом говорят.

Правда, никто не сказал, какие беженцы об этом говорили, откуда такие слухи. В доводах и фактах никто сейчас не нуждался, слушали то, что хотели услышать, повторяли друг другу одно и то же, убеждали себя в том, в чем были уже убеждены.

Поднял руку Нагаи Котаро. Все затихли, и он объявил:

– Я знаю, что они не соблюдают светомаскировку, по ночам подают сигналы русским самолетам красными и синими огнями.

Большей глупости невозможно было придумать.

Опять ни у кого не нашлось места сомнению: а что за сигналы могут подавать корейцы и с какой целью? Ведь вблизи Мидзухо нет ни гражданских, ни военных объектов. Зато все знали, что Нагаи – человек уважаемый, у него семь братьев и сестер, отец нанимает на лето двух работников. Нагаи Котаро дослужился в императорской армии до ефрейтора, имеет орден 8-й степени и медаль за войну в Китае.

– Они теперь надевают красное кимоно и пляшут на глазах у японцев!

– Корейцы всегда были плохими людьми, – твердо заявил Киосукэ Дайсукэ. – Они предают друзей, а завтра, как придут русские, они выдадут наши семьи. Они поведут русских туда!

И Киосукэ показал рукой в том направлении, куда эвакуировались семьи.

Хосокава Хироси выступил вперед. Юноши, члены молодежной организации «Сэйнendan», среди которых выделялся Хосокава Такеси, подтянулись. Еще совсем недавно, этим летом, Хосокава, их учитель, сэнсэй, проводил с ними занятия по военной подготовке, готовил их к ежегодному осеннему смотру. Смотр проводился в Футомата или Осака, принимал его офицер из Тойохары. Лестно было заслужить его похвалу. Поэтому юноши не обижались на высокую требовательность своего наставника. Они ис-

пытывали к нему то чувство уважения, которое вызывает у зеленого юноши бывалый воин. Его почитали за силу, бесстрашие и решительность. Там, где они не знали, как поступить, сэнсэй был быстр, как молния или удар меча.

Хосокава сказал, будто отрубил:

– Корейцев надо уничтожить сегодня, пока они не разбежались. Уничтожить, пока не пришли русские.

– Тихо! – вдруг поднял руку Курияма Китидзаемон, поворачиваясь в сторону тропы.

Тропа вела к хижинам, где жили две корейские семьи. Там, под видом рабочих, все время бывали какие-то люди. Одни уходили, другие приходили. Кто скажет, что они не шпионят?

К усадьбе шли три корейца. Двое были знакомы. В дружеских отношениях, конечно, не состояли, но при встречах разговаривали, обменивались деревенскими новостями, даже оказывали друг другу мелкие хозяйственные услуги. Лишь старика никто не знал.

Молчаливые взоры толпы показались корейцам зловещими. Они замедлили шаг, но отступить было некуда.

Пришедшие вежливо поздоровались. Кореец Нацукава, ближний сосед Куриямы, поклонился хозяину усадьбы. Курияма налил спирту в рюмки.

– Кто хочет выпить, давайте выпьем.

Нацукава огляделся. Рюмки взяли всего несколько человек. Он нерешительно потолкался. Его персонально вроде бы не приглашали к угощению, но отказ могли расценить как неуважение к хозяину и его гостям. Нацукава выпил и, стараясь расположить всех к себе, сказал:

– Очень плохо нам будет, если русские придут в Мидзухо.

Спутники Нацукавы к угощению не подошли, стояли поодаль, лишь закивали головами в знак согласия.

Морисита громко отвечал, что русские в Мидзухо не придут. Японцы встанут против них с каменными лицами и победят.

– Берите косы, берите бамбуковые палки! – приказал он тем из молодых, кто не имел оружия. – Будем сражаться с русскими!

Юноши мигом вооружились. Морисита собрался будто бы поближе посмотреть на новоявленное войско, двинулся медленно к ним, а поравнявшись с Какутой Тиодзиро, что-то шепнул последнему. Какута, вооруженный саблей Чибы Масаси, неожиданно прыгнул к Нацукаве, рубанул его по правому плечу.

– На тебе, русский шпион!

Зажав левой рукой рану, Нацукава кинулся к реке, где были заросли. Бросились бежать остальные корейцы.

– Держи! Держи! – раздались крики.

Прогремел выстрел. Это из-за телеги почти в упор ударил Чибаса Масаси. Один из корейцев упал замертво.

Толпа, подхлестнутая командой и стремительностью событий, кинулась в погоню. Старика догнали в считанные мгновения, сбили с ног и стали наносить удары по всему телу. Он был жалок, растерян, все тело его тряслось. Но вдруг с неожиданной цепкостью он ухватился за одежду одного из нападавших. Его пнули ногой в голову, стали бить по ребрам, он лишь выхаркивал стоны и, не видя уже ничего перед собой, держался как утопающий за соломинку. Тогда по рукам ударили саблей. Чтобы добить окончательно, его раз несколько пронзили заостренными бамбуковыми палками.

Нацукаву бросились догонять Морисита Ясуо, Киосукэ Дайсукэ и молодой Судзуки Масаиоси. Нацукаву укрыла высокая трава. Морисита, раздвигая густые заросли бамбуковой палкой, торопливо прочесывал берег. Вдруг послышался стон. Морисита поднял голову, вытянулся, будто даже стал выше ростом. Он мгновенно сориентировался, кинулся на голос и через два десятка шагов очутился возле раненого. Нацукава лежал на левом боку, рукой по-прежнему держался за разрубленное плечо. Рубаха его набухла кровью, густая масса скопилась между почерневших пальцев. Морисита пнул корейца ногой, перевернул кверху лицом. Лицо было мокрое, испачкано кровью, видимо, Нацукава вытирался рукой, которой зажимал рану. Увидев японцев, Нацукава закричал, глаза его закатились, блеснув белками. Он в мучениях пытался перевернуться на живот, чтобы встать. Морисита передал бамбуковую палку Судзуки и взял у Киосукэ саблю. Как раз Нацукава, предприняв вторую попытку, перевернулся вниз лицом. В тот самый момент, когда он стал подниматься, опираясь на здоровую руку, Морисита вонзил ему саблю в спину. Судзуки ткнул в лежачего бамбуковой палкой. Палка имела косой срез, была острой, но тут застряла в одежде. Судзуки с усилием повторил удар, и палка податливо вонзилась в тело.

Когда с тремя корейцами было покончено, молодые вернулись к дому Куриямы, а Морисита Ясуо, Нагаи Котаро, Киосукэ Дай-

сукэ, Чибэ Масаси, Хосокава Хироси и Какута Тиодзиро направились к корейским хижинам, стоявшим неподалеку друг от друга. Шли по тропе молча. Навстречу им, заложив руки за спину, куда-то шел кореец Хирояма. Встретившиеся на узкой тропе знали друг друга. Хирояма, отступив с тропы, поклонился добрым знакомым. Его испугал их боевой вид, хмурые лица, но он вымучил из себя улыбку и только из учтивости спросил, куда они идут. Шедший впереди Хосокава приостановился, а Киосукэ Дайсукэ, поравнявшись с Хироямой, резким взмахом стеганул корейца по шее так, что ремень змеей обвился вокруг, и тогда Киосукэ Дайсукэ рванул на себя. Хирояма упал на колени, схватился руками за ремень, захрипел, пытаясь освободиться. Хосокава коротким ударом вонзил саблю в спину. Хирояма ткнулся головой в землю, будто поклонился. Кто-то сзади, кажется Нагаи Котаро, ударил его по голове. Он затих и завалился на бок, изо рта у него поплыла кровь. Хосокава и Киосукэ взяли убитого за руки, волоком оттащили в сторону и бросили на траву в тени широкого вяза...

Через четверть часа они вошли в дом корейца Маруямы. Роскошный августовский день уже разгорался вовсю, тихая узкая долина, зажатая между двумя крутыми хребтами, была переполнена солнечным светом, а в доме Маруямы царил сумрак. Испуганно метнулись в угол жена Маруямы и дочь его, девочка-подросток лет тринадцати. Встали сидевшие за столиком два корейца. Сам Маруяма, заслышав стук в сенях, встал было, чтобы встретить непрошенных гостей, да так и застыл посредине комнаты. Обитатели дома наверняка слышали утренний выстрел, и приход такого количества вооруженных людей, не снявших обуви у порога, пронзил их страхом.

Вошедшие сгрудились, потоптались, Киосукэ Дайсукэ попросил попить. Хозяйка набрала в ковш воды, передала мужу, и Маруяма торопливо поднес Киосукэ. Попили и другие. Чибэ Масаси после питья согнутым пальцем левой руки разгладил усы, правой поправил за плечом ружье. Молчание явно затягивалось, пришедшие выразительно смотрели на Мориситу. Тот с привычным строгим видом спросил:

– Почему женщины до сих пор не эвакуировались?

Спросил громко, жена и дочь вздрогнули, не дожидаясь оправданий Маруямы, стали тут же на виду у всех собираться в дорогу. За ними следили корейцы и японцы с повышенным вниманием,

будто в их суетливых движениях заключалось разрешение того дела, за которым пришло столько людей. Сборы длились всего несколько минут. Когда женщины, попрощавшись с хозяином лишь взглядом, двинулись к выходу, Хосокава напомним, что они должны идти к дому его отца, Хосокавы Ёкичи. Женщины выскользнули как тени.

– А мы будем защищать деревню, – сказал Морисита. – Вы пойдете с нами.

Мужчины кинулись снарядиться, но Морисита предупредил:

– С собой ничего брать не надо.

Корейцы стали выходить в чем были. Как-то само собой получилось, что за каждым корейцем на тропе очутился вооруженный японец.

Первым шел Маруяма, ему дышал в затылок Киосукэ Дайсукэ. Замыкали шествие Хосокава и Чибя Масаси.

Корейцев начали убивать там, где уже лежал труп Хироямы. Сигналом послужил знакомый крик Киосукэ Дайсукэ, снова пустившего в ход свой ремень:

– Бей!

Нагаи Котаро рубанул свою жертву саблей, но меткого удара не получилось – сабля снесла корейцу лишь нижнюю челюсть. Он хрипел, захлебываясь собственной кровью, которая обильно текла на грудь. Нагаи добил его, нанося удары по затылку.

Какута действовал откуда-то подвернувшимся колом. Он бил корейца по голове, по плечам, по ребрам, наконец всадил кол заостренным концом в мягкую полость живота.

День 21 августа еще не вошел в полную силу, а с корейцами в местечке Урасима было покончено.

* * *

Из протокола допроса свидетелей Куриямы Мамору 10 августа 1946 года.

«После окончания убийства Киосукэ Дайсукэ построил в одну шеренгу Нагаи Котаро, Какуту Тиодзиро, Курияму Самодзи, меня – Курияму Мамору, Судзуки Масаиоси и скомандовал: «Смирно, равнение на Курияму Китидзаемон!» Курияма принял доклад и сказал, чтобы все пошли закапывать трупы и сделали так, чтобы ничего не было заметно».

Из протокола допроса обвиняемого Куриямы Сиодзи 14 августа 1946 года.

«Около нашего дома Морисита нам велел взять лопаты и поехать на лошадях на окраину местечка Урасима. Я, Курияма Мамору и Судзуки Масаиоси сели верхом на лошадей, взяли лопаты и поехали на окраину Урасима по дороге, а сам Морисита пошел пешком туда же, только не по дороге, а прямым путем. Когда мы проехали около километра, то около дороги увидели четыре трупа убитых корейцев-мужчин, там же встретили Хосокаву Хироси, Чибу Масаси, Какуту Тиодзиро, Нагаи Котаро, Киосукэ Дайсукэ, Мориситу Ясуо. Вместе с этими лицами стаскали трупы в одно место, недалеко от дороги, прикрыли травой и оставили, сами вернулись в деревню Мидзухо».

Из протокола очной ставки Хосокавы Хироси и Куриямы Китидзаемон.

«Курияма: 21 августа 1945 года около 9 часов утра ко мне в дом пришли Хосокава Хироси, Морисита Ясуо, Киосукэ Дайсукэ. Сразу, как только они вошли, Киосукэ и Хосокава стали говорить о поражении Японии и о скором приходе частей Красной Армии. Здесь же они сказали, что с приходом Красной Армии корейцы будут издеваться над японцами и предавать их. Поэтому всех корейцев надо уничтожить. Во время этого разговора пришел Какута Тиодзиро и поддержал их. После этого решено было созвать других жителей и обсудить вопрос об убийстве корейцев совместно.

Вопрос Хосокаве: Подтверждаете ли вы показания Куриямы?

Ответ: Да, я подтверждаю показания Куриямы.

Вопрос Курияме: Говорил ли кто-либо из участников совещания о наличии приказа военных властей об уничтожении корейцев?

Ответ: Нет, во время совещания о приказе военных властей Японии об уничтожении корейцев никто не говорил. Не говорил об этом ни Хосокава Хироси, ни Морисита Ясуо, ни Киосукэ Дайсукэ.

Вопрос Хосокаве: Вы подтверждаете показания Куриямы о том, что на совещании разговора о приказе военных властей об уничтожении корейцев не было?

Ответ: Да, я эти показания подтверждаю полностью».

Из акта комиссии судебно-медицинских экспертов

«Яма № 3. Под рыхлым слоем почвы на глубине 10-15 см лежит кол длиной 2,5 метра, к которому привязана веревкой ро-

жа. Под рогожей оказались лежащие в беспорядке нижние конечности трупов.

В общую кучу трупов брошено два кола с заостренными концами, один кол длиной 80 см, второй кол 2 метра. При снятии оставшегося слоя земли 2-3 см обнаружены сваленные друг на друга 4 трупа. При изъятии трупов на поверхность на дне ямы оказалось четыре рогожи, привязанные к колу. Один труп, лежащий сверху, одет в черную куртку хлопчатобумажной ткани, такие же брюки, обут в таби, голова от трупа отделена... в затылочной части имеется дырчатый пролом, скуловая кость имеет трещину, зубы передние отсутствуют. Установлено: труп мужского пола, 30-35 лет, ребра справа и слева имеют множественные переломы. Второй труп имеет рост 156 см, одет в летнюю одежду – пиджак и брюки, обут в таби. На черепе два дырчатых пролома, в грудной клетке сквозной дырчатый дефект – проткнут колом. Установлено: труп мужчины в возрасте 20-25 лет, ребра слева имеют множественные переломы. Третий труп одет в летнюю одежду, обут в таби, у трупа отрублена правая рука... Установлено: мужчина в возрасте 30-40 лет, кости левой нижней конечности имеют множественные переломы. Четвертый труп одет в нательную рубаху, темно-синие брюки, обут в таби, лицевой скелет, нос и часть нижней челюсти отрублены... На затылочной кости рубленый дефект, проникающий в полость черепа, длиной 15 см. Кости верхних конечностей и ребра справа и слева имеют множественные переломы. Судя по одежде и скелету – труп мужского пола. Вследствие сильного разложения и отсутствия лицевых костей возраст не установлен».

Зятья японца Сато и их короткое счастье

Бежал от тигра, а попал в логово льва.

Корейская пословица.

Дочерям японца Сато, упокоившегося три года назад, ничто не предвещало беды. Хонда Мисако вышла в конце сорок четвертого за Нацукаву Масао и с радостным беспокойством прислушивалась к нетерпеливым толчкам живого существа под трепетным сердцем.

Людские пути извилисты, причудливы, как ручьи, вьющиеся по распадкам. Ручьи бегут к реке. Человека тянет к домашнему очагу, пусть даже к чужому, к любви, к семье. Несомненно, имен-

но это желание привело Нацукаву Масао к девушке по имени Мисако. Ему удалось найти тропинку к ее дому, как раньше удалось оставить шахту и наняться на лесозаготовки. Одно время он валил лес в тайге, туда дорога шла через деревню Мидзухо.

Для Мисако предпочтительнее было бы выйти замуж за японца. Но деревня молодежью оскудела: кого проводили на войну, кого в город на учебу или выгодную чистую работу. Невесты из состоятельных семей могли себе позволить роскошь ожидания, даже надеяться на городских женихов. А ей надо было выходить замуж за того, кто предлагал руку. Сердце само забилося в ответ. Нацукава Хонде Мисако понравился, она привязалась к нему и большего счастья не желала. Соседи пришли на их свадьбу, поздравили, повеселились, довольствуясь скромным угощением. Сельская община на такие браки смотрела более чем снисходительно. А если кто и косился недоброжелательно на корейцев, то приходилось усерднее кланяться и молча терпеть.

Хонду Миоко выдали замуж за Мацуситу Дзиро совсем недавно, в июне сорок пятого, когда вести одна тревожнее другой приходили из метрополии: американцы бомбят города, война пожирает мирных граждан, рис выдают по карточкам качеством все хуже, а нормы становятся все меньше.

Но сестры надеялись на благополучное будущее, верили в свое тихое счастье. Корейцев в армию не призывали, значит, останутся живы.

Редко кому везло так, как Нацукаве Масао и Мацусите Дзиро. Для них закончились скитания, жизнь зацепилась за небогатый, а все же дом – не барак вонючий. Не проклятая шахта – мягкая пашня под ногами, чистое клеверище, ласковое прикосновение овса, выбросившего метелку. И женщина рядом. Ее тайну и все богатство семейных отношений еще предстояло постигнуть.

Этим, собственно, и исчерпываются наши сведения о коротком счастье молодых корейцев. Но мы можем безо всяких натяжек восстановить их жизнь по конкретным судьбам соотечественников. Они похожи, как две капли воды.

...На Карафуто корейцев доставляли сначала по вербовке. Считалась вербовка делом добровольным, но фактически носила характер принудительный. Вербованных завлекали посулами, как чужим вином угощали. Обещали скорое возвращение и тугой кошелек. А тем, кто пытался уклониться, создавали невыносимые

условия, вносили в списки неблагонадежных, притесняли родных.

Затем последовал государственный организованный набор, а с осени 1944 года – мобилизация на трудовой фронт. Уклонение от мобилизации рассматривалось как дезертирство, что влекло за собой наказание по законам военного времени. Развертывалось широкое поле охоты за людьми.

В свое время мы провели немало встреч с корейцами старшего поколения в Холмске, поселках Правде, Быкове, Пятиречье. Отдельные беседы я попытался передать от третьего лица. Некоторые и привожу ниже.

...Который день крутит свирепая мартовская метель над шахтерским поселком, втиснувшимся темными дощатыми бараками в узкую полоску земли между горами и морем у западного побережья Карафуту. Все потонуло в снежной мгле, никаких признаков жизни кругом.

Но вот в одном бараке, в другом раздается звук сигнальной трубы, и тотчас в окошках появляется желтый свет. В продолговатых комнатах с полу поднимаются человеческие фигуры. Снуют молча, раздается лишь хриплый кашель. Лица хмурые, землистые, на них следы тяжелого подземного труда. Мокроты, которые отхаркивают шахтеры, черны, одежда, развешанная для просушки, тоже черна. Такого же цвета одеяла, которые скатывают и складывают на циновках, где только что спали. В пространстве, зажатом темными, закопченными стенами, даже тяжелый воздух кажется пропитанным угольной чернотой.

В бараках холодно, но чугунные печурки до вечера не топят – экономят уголь. Сейчас, после непродолжительных туалетных процедур, выполненных словно по принуждению, все спешат в столовую. По полутемному коридору, где устойчиво прижился туалетный запах, глухо отдаёт топот. В столовой тоже холодно. Грубо сколоченные столы и скамейки зашарканы угольной пылью. Против каждого из рабочих ставят маленькую порцию рису и мисочку пустой похлебки, в которой можно уловить мелкие кусочки морской капусты и капельки жира.

Поток рабочих сквозь метель движется к шахте. Фигурки людей сливаются с холодом, чернотой и делаются ниже, незаметнее. Путь короткий, бараки сколочены на минимальном удалении от работы. Каждый рабочий проходит через небольшое помещение, где получает инструмент, аккумуляторные лампы, и вешает на фа-

нерный щит бирку – номерной знак. Нет чьей-то бирки – вмиг замечутся хозяйские ищейки.

Мрачный зев шахты втягивает в себя колонну рабочих вместе с воздухом, нагнетаемым могучими насосами. Шахта представляет собой гигантскую пещеру, вырытую в чреве сопки. Рабочие растекаются по своим участкам, штрекам, забоям, чтобы в строго назначенное время начался производственный процесс. Люди будут целый день горбатиться, истекать потом, натирать мозоли, задыхаться в угольной пыли, мучиться усталостью и голодом, чтобы на-гора выдать определенное количество вагонеток, груженых углем. Наполнять эти вагонетки – все равно что наливать воду в бездонный котел. Угольный ручей течет и течет с транспортера, насыпается горкой, потом громоздится горой. Если его своевременно не отгружать, он затормозит процесс угледобычи. Поэтому порожняк регулярно подают, и Дю Сан Ен грузит и грузит уголь. Пятый месяц он здесь, уже кое-как втянулся, приспособился, хотя к вечеру все тело ломит. Известны ему и маленькие хитрости. При работе он больше налегает на корпус, тогда руки не так устают. Он знает, когда можно передохнуть, опершись на лопату, когда присесть. Надо лишь внимательно присматриваться к действиям пожилого земляка, чьи движения размеренны и скупы. Остановился старший – втыкай лопату, присел на корточки – садись и сам на груды угля. Но уж если его лопата замелькала чаще – старайся изо всех сил. Опытный рабочий своей спиной, терпевшей немало побоев, чувствует приближение начальства.

Но сегодня на поверхности непогода, там, видно, отсиживаются у теплых печек, пьют сакэ – можно сбавить темп. Лопаты шуршат по углю тише, грузчики присаживаются почаще. Сидят молча, словно немые. О чем говорить? Работа и порядки на шахте редко становятся предметом разговоров: неосторожное слово может изломать судьбу, вычеркнуть человека из жизни. О доме? У каждого своя боль и тоска тяжелым комом ворочается в груди. Отсюда бедная, униженная родина кажется доброй матерью. Так, лишь зимой замечаешь, что ель зеленая. Только отсюда ощущаешь, что в родном краю теплее. Там весна светла, цветы яркие. Там так весело порхают ласточки! Среди своих легче переносить все невзгоды. Убогая деревня, бывало, одаривала и его улыбкой, когда вместе с ребяташками ходил в новогодние праздники с поздравлениями, кланялся взрослым. Им подноси-

ли то каштан, то яблоко. Люди радовались их добрым пожеланиям: «Пусть будут ваши годы высоки, как горы. Пусть будут ваши блага глубоки, как море...».

Резко звякнула лопата о металлический борт вагонетки. Все вскочили. Из тьмы светили два фонаря, как два глаза. Фонари были сильные и различались количеством ярко-красных полосок: на левом выделялась одна, на правом три. Значит, с мастером пожаловал сам начальник участка. Под лучами фонарей гладко отполированные рельсы сверкнули кроваво-красным цветом. У каждого корейца сжалось сердце. Лопаты замелькали быстрее.

Начальник участка остановился, некоторое время наблюдал. Мастер перед ним стоял, вытянувшись в струнку. Мастер – кореец. Поголовная мобилизация японцев в армию, какие-то связи и сверхусердие выдвинули его на такую высоту. Впрочем, на собаачьи должности корейцев иногда брали, они злее служат.

Вдруг начальник участка размахнулся и ударил мастера два раза в лицо. Урок воспринимается с благодарностью, мастер, не вытираясь, кланяется, тут же подходит к пожилому рабочему и резким ударом в подбородок опрокидывает его на угольную кучу, добавляя несколько пинков ногой. Дю Сан Ен ждет удара, но достается совсем молоденькому грузчику, прибывшему в бригаду недавно. У того текут слезы и кровь с разбитой губы. Дальше они долго работают без передышки. Лишь время от времени подходят попеременно к девятилитровому чайнику пить. Дю Сан Ен, скосив глаза, замечает, как юноша ополаскивает разбитое лицо.

Наконец рабочий день, который показался сегодня грузчикам дольше и тяжелее обычного, закончился. На улице уже темно, и шахтеры угрюмыми тенями выходят из шахты, едят в столовой ту же чашечку рису, пустую похлебку. Их ждет тот же барак. Дю Сан Ен затапливает чугунную печурку, а когда разгораются коротенькие чурбаки, кидает в огонь куски мытого угля. Печка очень быстро накаляется докрасна, долгожданный теплый воздух наполняет комнату. Начинает потрескивать бумага, которой оклеены стены. От грязной сырой одежды, развешанной на веревках, помещение наполняется тяжелыми испарениями. К Дю Сан Ену жметесь молоденький грузчик, как птенец, выпавший из гнезда в сылокотный день. То ли холод из него выходит и его временами сотрясает дрожь, то ли страх еще не покинул. Дю Сан Ен берет свою куртку, иголку с нитками, садится рядом с пареньком и накладывает

вает шов на грубую ткань, разорванную сегодня в порыве трудового усердия.

Вполголоса они разговаривают. Дю Сан Ен поясняет своему товарищу по несчастью, что за одежду высчитывают из заработной платы. И за питание высчитывают, за одеяло, за циновку, на которой спят, за поломанный инструмент. Рабочему только раз в месяц комендант приносит конверт с иенами. Конверт надо принять с поклоном и не задавать никаких вопросов, даже если твой заработок оказался на этот раз меньше, чем в прошлом месяце. Будь доволен тем, что получил. Дю Сан Ен осторожно учит юношу искусству терпеть и работать, работать и терпеть. Жизнь корейского рабочего втиснута в жесткие рамки вот этой казармы. Трудно сказать, изменится ли что-нибудь, даже если закончится срок вербовки. Куда потом пойдешь? Без собственного жилья будешь скитаться, как собака, без работы околеешь с голоду... Паренька разморило в тепле, голова его никнет. Дю Сан Ен тормошит его и отправляет спать. Сам шурует кочережкой, подбрасывает в печурку куски угля, смотрит на бледный жар, осыпавшийся в поддувало. Жар гаснет, превращается в золу. Каждый уголек упадет и погаснет. Так падают и угасают дни Дю Сан Ена на чужбине. Сколько их отпущено? Что ждет его? Кольну-ли, как иголкой, строки песни, занесенной сюда корейцами, работавшими в Японии: «У всех углекопов едина судьба: нас поджидают опасность, беда...». Он идет спать на свое место в углу комнаты, ложится под грубое одеяло, поудобнее устраивается на четырехгранном подголовнике, набитом рисовой половицей. Еще часа два в комнате будет тепло, потом угли погаснут, холодом потянет из всех щелей тонкостенного барака. И тогда с особой свирепостью накинутся на измученное тело шахтера многочисленные насекомые...

В то же время в поселке Найбути в подземелье работал Че Хак Ен. Его мобилизовали. Это значило, что за попытку уклонения от явки на пункт сбора или побег он объявляется дезертиром. Всем собранным на пароход сначала сказали, что везут на работу в Японию. Но в порту Осака они простояли двое суток, их никуда не выпускали, а перед выходом в море назвали новый пункт назначения: Карафутто, порт Отомари. И здесь с выгрузкой задержали на двенадцать часов, в зарешеченные вагоны с охраной посадили лишь в полночь. На жиденькой подстилке измученные дальней

дорогой они и дремали, скрючившись, до самого приезда в Найбути. Утром, перед выгрузкой, их встретили представители специальной службы – молчаливые, строгие японцы в форме цвета хаки без каких-либо знаков различия.

Сначала прибывших погнали на медицинский осмотр. Пустая формальность, а выполнялась неукоснительно. Потом выдали форму – рабочий костюм из жесткой брезентовой робы и легкой обуви наподобие кед – дзинатаби. Разместили в казарме, на втором этаже. Широкий проход посередине предназначался для построений. За редкими столбами, подпиравшими потолок, находились спальные места. Че Хак Ен получил подголовник и одно одеяло (предупредили, что на весь срок службы), а постелью оказалась годза – тонкая подстилка из рисовой соломы. Он обратил внимание, что тут таких казарм три, они образуют полукруг, в центре которого столовая да несколько небольших помещений, предназначенных, видимо, для японцев. За пределы этого поселения рабочий выйти не мог, равно как и нарушить жесткие тиски казарменного режима.

– Окирэ! Вставай! – в половине пятого раздавалась команда, которая не поднимала только мертвого.

Перед завтраком приказывали построиться. В несколько секунд каждый рабочий занимал свое место и замирал. Надзиратели считали поголовно и отправляли в столовую. Считали по выходе из столовой, потом при входе в шахту. При выходе на поверхность считали снова. Считали по головам во время сна.

На завтрак давали порцию каши. Она состояла на одну треть из риса, на две трети из сои. Тут же каждый получал шахтерский обед – бэнто, коробочку с рисом и морковным кружочком посередине. Надзиратели следили, чтобы рис не съедали раньше времени. Было замечено, что у тех, кто нарушил этот порядок, падала выработка.

В семь утра начиналась работа в забое. Она продолжалась с небольшими перерывами до семи вечера, когда на смену первой партии приходила вторая. Работать с таким напряжением предписывали парламентские законы и правительственные постановления военного времени. В самой метрополии оборонные заводы переводили своих рабочих на казарменное положение и удлиняли продолжительность рабочего дня до шестнадцати часов.

По выходе на поверхность шахтеру предоставлялась возможность пройти водную процедуру. Смена бросалась в небольшой бассейн с проточной водой. Большинство мылось без мыла, редко кто припасал заранее тоненький кусочек. Вода сразу чернела. Дно бассейна становилось скользким, неприятным. Толкаясь, каждый норовил пробиться поближе к отверстию, откуда поступала теплая вода, чтобы вымыть лицо.

Итог рабочему дню подводил скудный ужин, и после очередного пересчета смена валилась на годзу, отдаваясь на съедение сон-му насекомых.

Этот суровый режим не имел сбоев, перерывов, выходных и праздничных дней, на него не влияли дожди и метели. Праздники значились только на календаре. В жизни шахтеров их не было. Более того, праздники объявлялись «патриотическими днями», и администрация добивалась выработки выше обычного. Далее следовала то неделя «мобилизации национального духа», то неделя «помощи фронту». Или шумно разворачивалась кампания «по укреплению экономики военного времени». И с каждым днем работать надо было интенсивнее, угля выдавать больше и больше. При изношенном техническом оборудовании увеличить выработку было трудно, тогда в ход пускались призывы, угрозы, наказания; надсмотрщики, подгоняя, метались хуже цепных псов.

Один раз в месяц рабочий получал конверт, в котором было пять иен. Так платили проходчикам, забойщикам, их подручным, плотникам, откатчикам, ремонтникам, электрикам. Остальную часть заработка, за вычетом за питание, жилье, обмундирование, высылали родным шахтера. Якобы так. Поначалу даже потребовали, чтобы каждый написал сам или хотя бы назвал свой домашний адрес. Однако никто не знал и не смел спросить, какую часть заработка высчитывали, какую высылали, если высылали вообще. Ни один шахтер никаких сведений из дому не получал. Люди жили в полной изоляции, знали лишь, что Япония ведет войну с Америкой. Как развиваются события на фронте, где проходит фронт, где союзники, где противники – ни единого слова об этом не говорилось. Беспрестанно внушали одно: Япония – превыше и сильнее всех, японский солдат превосходит любого противника, надо лишь напрячь силы, чтобы победить. А что касается противников, врагов, то их находили тут же, в шахтерской массе. Врагом объявляли любого, кто допускал малейшую провин-

ность. Заболел шахтер – враг, не хочет работать в пользу империи, достал сигарету и тайком выкурил ее – враг, поклонился начальству без достаточного усердия – тоже враг. Вечно голодный кореец изыскивал возможность достать хоть что-то съестное. Самих шахтеров в поселок не пускали, лишь через кого-то можно было с большим риском приобрести кусок вяленой рыбы или сушеную селедку. Однажды японский надзиратель поймал корейца с поличным – тот ел жареный рыбный фарш. Расправа последовала незамедлительно. Шахтеру скрутили руки назад, затолкали в рот упаковку с остатками фарша и выставили у входа в столовую в наезд другим: вот он, враг империи, он захотел поесть лучше, чем остальные! Каждый проходивший мимо запоминал выпученные глаза несчастного и тонкую струйку слюны, вытекавшую через отверстие фаршевой упаковки. Чем дольше он стоял, тем ярче окрашивалась слюна в алый цвет.

Сцены подобных издевательств не затмевали ужаса перед тако – тюрьмой, которая была в Найбути. В тако хозяйничала полиция. Поэтому появление полицейского в казарме вызывало всеобщее оцепенение. Взять могли любого без объяснения причин. Выстраивали шахтеров в шеренги, полицейский в сопровождении человека из спецслужбы и представителей администрации медленно шел вдоль строя. Не слышно было в эти минуты даже дыхания людей. Стучали только шаги. Но вот они затихли – жертва определена.

– Этот! – тыкал пальцем в шахтера полицейский, поворачивался и уходил.

Он даже не считал нужным удостоить взглядом обреченного или оглянуться: идет тот или на месте умер от страха. Что происходило дальше, никто не знал. Видели только потом, что мучеников заковывали в цепи по двое, и в этом мучительном тандеме они должны были выполнять самые тяжелые и опасные работы. Били их, за их смерть никто не отвечал. В бездне тако исчезали люди, и никто не помнил случая, чтобы кто-нибудь оттуда вернулся...

Вполне возможно, что найдется читатель, у которого мелькнет мысль о том, будто наши рассказчики несколько сгущают краски. Тогда можно привести страничку из прошлого японских углекопов. Герой повести Кисё Никадзато «Шахта в море» Хема читает достоверные документы о прошлом шахтеров, живущих на не-

большом острове. «Кусакира заслуженно пользуется дурной славой. Это тюрьма, это совершенно особый мир, со своей властью, своими законами, своей чудовищной системой насилия. Самое тяжкое наказание для углекопов – запрещение переписки с родными и полная изоляция от внешнего мира. Провинившимся не разрешается даже выходить из барака. Их водят только на работу – в шахту».

«Стоило кому-нибудь из шахтеров нарушить установленные правила, как артельщик вызывал специальных экзекуторов, набравшихся из числа отпетых негодяев и хулиганов, и провинившегося секли розгами. Если наказуемый пытался сопротивляться, его приговаривали к десятикратному количеству ударов и пороли до потери сознания так, что тело превращалось в сплошное кровавое месиво. При особо тяжких проступках применялось наказание, называвшееся «наглядным уроком». Виноватого связывали, подвешивали вниз головой и избивали палками. Остальные шахтеры должны были присутствовать при экзекуции. Нередко такое истязание приводило к смертельному исходу...»

О том, как зарождающийся капитализм превращал жизнь человека в ад, сказано в фундаментальном исследовании Джеймса Л. Мак-Клейна «От сёгуната Токугавы в XXI век», изданном в Москве в 2011 году.

На начальных этапах индустриализации, пишет исследователь, типичным фабричным работником была женщина, занятая в текстильной промышленности. По мере расширения фабричного производства вербовщики поставляли на работу незамужних девочек-подростков из крестьянских семей. Документально зафиксировано, что рабочий день на фабриках длился с рассвета до глубокой ночи, составляя от 13-14 часов до 17 или 18 часов. Рабочие помещения были тесными, шумными, душными, воздух наполнен тончайшими волокнами шелка и хлопка, которые набивались в глаза, рты, уши, забивали поры на коже. Мастера-мужчины не сильно отличались по своим повадкам от армейских сержантов, медлительных они подгоняли ударами бамбуковых палок. Девушки, торопясь, теряли осторожность в работе, их руки и ноги попадали в механизмы станков. К концу столетия утрата пальцев на руках и ногах уже не фиксировалась врачами, поскольку явление это стало обыденным.

Фабричные общежития представляли собой постройки тюремного типа, они были окружены заборами высотой до двух с половиной метров, девушек при попытке побега нещадно били. Некоторые компании считали выделение каждой девушке индивидуального спального места излишней роскошью. Питание было скудным, его едва ли доставало для молодого организма. Что касается заработка, которым заманивали вербовщики, то он почти весь уходил на многочисленные штрафы. «Работа на фабрике – это работа на каторге», – пели мотальщицы шелка.

Так капиталисты относились к цвету своего народа.

Вполне допускаем, что не со всеми корейцами, завезенными на Карафуто, судьба обошлась так сурово. Случалось слышать мне от людей послевоенного поколения, что семейные корейцы жили при японцах неплохо, заработков хозяина вполне доставало, чтобы прокормить семью. Это уже при советской власти корейские женщины вынуждены были заняться огородничеством, торговлей, шитьем.

История сахалинских корейцев ждет глубокого научного исследования, только такой труд выявит истину с достаточной глубиной. Мы же выскажем лишь общее мнение, которое не опровергают даже те, кто «хорошо жил»: насильственное переселение корейцев на Карафуто в качестве дешевой рабочей силы было трагедией десятков тысяч человек, навсегда оторванных от родного дома. Карафуто стал для них местом каторги, слез, унижений, нередко даже смерти. Сколько их сюда привезли, где безымянные могилы умерших, погибших, пока неизвестно. Современному читателю, осведомленному о миллионных жертвах, ничего не скажет любая цифра. Суть драмы легче понять через конкретную человеческую биографию. Расспросите еще сотню, и они расскажут одно и то же, точь-в-точь. Будет лишь другое место действия, иные детали обстановки, но жизнь корейца, работавшего в Торо и Найбути, по своей сути не отличалась ничем. Любой из них был песчинкой в море, и волны его обкатывали как угодно. Не случайно в нашем рассказе на первом плане очутились не Дю Сан Ен, не Че Хак Ен, а порядки, учрежденные на шахте. Они полностью властвовали над человеком.

...Биографии двух молодых корейцев, о которых мы повели речь в самом начале, обрели содержание лишь после того, как они стали зятьями японца Сато. Но период этот укоротили саблями.

Набер

*Туман поутру.
Вдалеке забивают сваю:
Бам-бам-бам.*

Бусон (1716-1783)

Вечером в доме Куриямы Китидзаемон участников дневной расправы над корейцами угощали ужином, который приготовил Такахаси Иоримицу. Такахаси неплохо управлялся самодзи — деревянной лопаткой, раскладывая в чашки рис. Сам хозяин подавал разведенный спирт и ключевую воду, чтобы запивать.

Заговорили о войне, о прошлом. Считали, что не все потеряно и сейчас. Вспоминали историю, приводили примеры, когда чудеса спасали японцев. Каждый школьник знает о неудавшемся походе Хубилая, монгольского правителя Китая. Задумал Хубилай провести свое войско по деревянному настилу, проложенному поперек десяти тысяч судов, поставленных в Корейском проливе. Но налетел божественный ветер – Камикадзе, и гигантский флот почти весь пошел ко дну. Сейчас в Японии десятки тысяч камикадзе – смертников, готовых разметать вражескую силу. Надо быть таким же бесстрашным, как они, и нога чужеземного завоевателя никогда не ступит на священную землю Японии.

Хмелели не столько от выпитого спирта, сколько от речей бывалых солдат. Они рассказывали различные эпизоды из военной жизни, в которых победителем выходил всегда японский воин. Он терпелив, вынослив, бесстрашен, ловок, в единоборстве превосходит любого противника. Да, он бывает беспощаден, жесток, не знает жалости, но империя всегда сильна была тем, что сурово карала своих противников. Поэтому справедливо наказаны и здешние предатели.

Неожиданно Морисита поднял голову и запел: «Тверды лица воинов, спускающихся с решимостью разбить своих врагов...».

Несколько голосов стали подтягивать. В старательно ведомой мелодии трепетало знамя Страны восходящего солнца, звенела вера в победу над коварными врагами. В груди у молодых горела жажда подвига.

Наконец Морисита и Хосокава встали. Им предстояло немало дел. Остальным было приказано ночевать здесь, подъем предвиделся ранний. Корейцев в Хатигосен надо убить на рассвете...

Накануне непоседливый Хосокава съездил в лагерь беженцев, ютившихся в доме его отца и вокруг, разъяснил, что обстановка остается прежней, что отлучаться в деревню запрещено. Лишние свидетели ему были не нужны. Раз несколько он показывался в центре. Потом доверительно сообщил, что встретил там полицейского Исэда Рюдзио. Разговор полунамеками шел вокруг случившихся событий. Исэда будто бы дал им совершенно определенную оценку:

– Что ж, правильно сделали.

Никаких дальнейших указаний или советов он, разумеется, не давал. Сама обстановка диктовала, как действовать.

Хосокава был в центре деревни третий раз, когда к нему подошли Курису Набору и Мива Мацумаса, представлявшие северную окраину деревни.

Мива Мацумаса приходил с надеждой встретить своего брата, который должен был ехать из Футомата в эвакуацию. Его соседу никак не сиделось одному в такой тревоге дома. Два приятеля из Хатигосен и Хосокава словно искали друг друга.

Курису Набору осведомился:

– Верно ли, что у вас в Урасима убиты все корейцы?

Хосокава многозначительно помолчал, улыбка превосходства скользнула по его полным губам.

– Быстро до вас дошло. Ну а вы что думаете делать со своими чонга?

Чонга – холостяк. Так презрительно называли корейцев, не способных к определенному возрасту создать семью. Семейой они не могли обзавестись потому, что у них не было земли, жилища, необходимых средств. Но именно за это и презирали.

Что делать с корейцами, знали все три собеседника. Курису лишь высказал сомнение:

– Сил у нас маловато.

– А мы поможем, – охотно откликнулся Хосокава. – Сейчас поеду посоветоваться со своими, потом дам ответ.

И вот теперь он выполнял свое обещание. К дому Курису Набору он приехал, когда уже стало темнеть, не слезая с лошади, вызвал его на улицу и по-военному проинформировал:

– Мы придем. Общий сбор у Нагая Акио в четыре часа утра. Оповестите всех своих.

У Курису Набору находился Мива Мацумаса. Вдвоем они тот-

час отправились к Касивабаре Дзюнси. А там был Митинака Тадао. Теперь одиночество гнало людей к чужому очагу, дома в пустоте не сиделось.

Все четверо выразили свое полное согласие принять участие в предстоящем деле. Тут же стали прикидывать, у кого какое имеется оружие, кого предстоит оповестить, чтобы пополнить отряд. После короткого совещания они быстро разошлись поднимать соседей, пока не стемнело окончательно.

К Судзуки Хидео пришел Мива Мацумаса. Судзуки Хидео одобрил задуманную расправу: конечно, корейцев надо убить, но он слаб здоровьем и мало пригоден для практических действий.

– Будешь стоять в засаде, – облегчил задачу Мива и для весомости добавил, что к сараю Конбэ идут все японцы.

Оставшись один, Судзуки долго мучился. Что было делать? Уже когда вышла ранняя луна, он собрался и пошел к соседу Ноозава за советом. Ноозава считался человеком сведущим, мудрым, за ум его уважали во всей деревне, он мог подсказать, как поступить. Но соседский дом оказался пуст, и Судзуки пришлось решение принимать самому. После колебаний он все же достал старую самурайскую саблю.

Курису Набору догнал Хасимото Сумиеси, когда последний вел свою корову в Урасима, куда эвакуировались родители. Корову необходимо было доить; Хасимото поспешал ввиду предстоящей темноты – путь был неблизкий. Курису окликнул его, остановил.

– Завтра утром пойдешь с нами.

– Куда?

– А разве ты не слышал, какие зверства чинят корейцы над японцами? Ты не встречал японских беженцев? Мы решили уничтожить всех корейцев, живущих в нашей деревне, чтобы у нас не повторилось то же, что происходит в Эсутору и Маока.

У Хасимото Сумиеси было с избытком времени для размышлений, пока он отводил корову, но он не размышлял. Он мог лишь вообразить, что скажут ему руководители молодежной организации, где он состоял уже год, его сверстники, с кем вырос и учился тут, в деревне, если он не пойдет. Что подумают о нем уважаемые на селе люди? К таковым относился и его отец. Он имел пятнадцать гектаров земли, на лето нанимал двух работников. Крестьянский двор Сумиеси в деревне считался в числе лучших. Юноша

был предан семье, предан своей молодежной организации. Он был вставлен в систему моральных зависимостей на селе, как патрон в обойму, и должен был выстрелить при нажатии курка.

По возвращении домой Хасимото Сумиеси приготовил к утру кинжал.

Нагая Акио, в доме которого Мориситой был назначен утренний сбор, готовился к предстоящему набегу с некоторым трепетом. У него не имелось оружия. Можно было бы найти тесак, но тогда пришлось бы подходить к человеку лицом к лицу, убивать его, видеть кровь. Именно это его пугало, а еще больше он боялся признаться самому себе в своей робости, что об этой робости узнают другие.

Тогда Нагая Акио обратился к Китияме Китаро, которому раньше продал ружье. Китияма, ни о чем не спрашивая, одолжил...

К Курияме Китидзаемон Морисита пришел в начале четвертого часа утра 22 августа. Следом подоспели Хосокава Хироси, Курису, Муфинэ Эцуру. Подняли спящих, Такахаси Иоримицу подал завтрак. Наскоро поели, стали выходить на улицу. Не без суровости Морисита обратился к Курияме, который, похоже, никуда не торопился.

– Ты что же, не пойдешь с нами?

– Я не молод, прибалываю, – оправдывался Курияма. Видно было, что он уклоняется в такой ответственный момент, но разбираться не оставалось времени, и Морисита лишь отрубил:

– Обойдемся без тебя.

В пятом часу стали собираться у Нагая Акио. В доме за плотно занавешенными окнами тускло горела лампа с закопченным стеклом, но большинство прибывших внутрь не заходило, топталось во дворе. Порхал негромкий говор. Морисита спешно производил осмотр своего отряда, безоружным дали кому короткую саблю, кому охотничье ружье, кому тесак «ната», слегка изогнутый, постоянно наточенный. Он имелся в каждом доме, применялся для стесывания и колки очень мелких дров.

По подсчетам Мориситы, силы были достаточные, человек двадцать. Небо начало светлеть, и он распорядился:

– Пора выходить.

Разговор угас, отряд двинулся. Шли друг за другом без топота, размеренным шагом, как еще совсем недавно ходили на сенокос. Миновали молчаливый центр деревни, свернули в распадок, где нежно журчала Дайку-гава.

Около дома Ясуго Судзюро, когда до цели назначения оставалось метров полутораста, Морисита подал знак. Все остановились. Почти рассвело, в сером тумане явственно проступал дощатый барак...

Построил как-то японец Конбэ для своих хозяйственных нужд сарай, но толком не использовал, а тут пришел с выгодным предложением подрядчик Ямамото. Конбэ еще прошлым летом охотно сдал ему сарай в аренду. Ямамото в сарае прорезал четыре окна, выходящих на дорогу, вставил застекленные рамы, на правой половине настелил полы, а в левом углу отгородил небольшую комнатушку. В комнатушке обитал он сам с семьей – женой и пятью детьми. На правой стороне поселились стряпуха, старик, помогавший ей и жене подрядчика, да девять работников.

Прошлым летом Ямамото занимался ремонтом дорог, а нынче взял выгодный подряд у сельского кооператива на рытье осушительных канав. Сезонные работы диктовали свой режим, каждый день был на вес золота, отдыхали только в ненастье. Корейцы-землекопы горбатились с утра до вечера, спеша выполнить условия договора до осенних холодов и дождей. Жители Мидзухо изредка видели их спины, а в лицо знали лишь самого Ямамото, да и то не все. Жена подрядчика занималась детьми, шитьем, стиркой, ухаживала за мужем. Только старуха да старик могли пойти к деревенскому лавочнику за самым необходимым.

В бараке поднимались рано, уже кто-то из корейцев выходил на улицу, и Морисита поторопился с распределением обязанностей. С северной стороны, напротив окна, поставили Нагаи Котаро, Муфинэ, Судзуки Хидео, Курияму Мамору, еще несколько человек. Второй группе во главе с Киосукэ Дайсукэ и Какутой предстояло пойти со стороны зарослей. Самое ответственное дело – штурм – брали на себя Морисита и Хосокава. Инструктаж был строгий, Морисита требовал:

– Ни один кореец не должен уйти! Иначе всем японцам в нашей деревне будет очень плохо.

Хосокава добавил для тех, кто имел ружье:

– Будете стрелять в корейцев, так смотрите, чтоб не попали в своих.

Киосукэ Дайсукэ неожиданно предложил:

– Я сначала пойду в разведку, все высмотрю, потом подам сигнал.

– Нечего ходить, никуда они не денутся, – возразил Морисита, но Киосуэ уже пошел крадучись. Недисциплинированность одного могла осложнить выполнение всей затеи. Важно было не спугнуть, налететь внезапно, чтоб не разбежались. О том, что они могут вооружиться лопатами и дать отпор, он не допускал и мысли. Унтер решительно скамандовал:

– Сусумэ! Вперед!

Ловкий, натренированный, он быстро и бесшумно преодолел расстояние, отделявшее его от барака, рванул дверь и хищником прыгнул внутрь. Оттуда выплеснулся разноголосый крик, будто вспугнули птичью стаю. Хосокава бежал следом. В дверях он столкнулся с корейцем, пытавшимся выскочить из барака. Хосокава вонзил ему саблю в живот. Раненый закричал от испуга и от боли и схватился руками за саблю. Хосокава рванул клинок на себя, кореец с окровавленными руками и бурым пятном на рубахе рухнул. Дверь вновь хлопнула, и молодой кореец с тонким еловым колом в отчаянии кинулся на Хосокаву. Хосокава, защищаясь саблей, ловко отскочил, кореец запнулся, упал – его тут же настиг меткий удар ефрейтора-резервиста. Зазвенели разбитые стекла, изнутри и снаружи закричали:

– Убежал! Убежал! Догоняйте его!

Грохнул из своего ружья Касивабара Дзюнси. Глухое эхо покапало по распадку. Кореец, у которого рубаха уже была обагрена кровью, упал. К нему кинулись Нагаи Котаро, Курияма Мамору. Раненый часто и громко кричал:

– А-а! А-а! А-а!

После удара Нагаи он затих, а несколько последующих вовсе лишили его жизни.

В бараке свирепствовали, и корейцы видели свое спасение лишь в бегстве через окна. На очередную жертву обрушился выстрел Чибы Масаси. Выстрелом он достал корейца: это было видно по окровавленному лицу и задетой груди, но несчастный все же предпринимал отчаянную попытку спастись. За ним кинулся Курису Набору, подбадривая себя криком:

– Бей его! Бей!

В несколько прыжков Курису догнал корейца. Тот, не зная, как защититься, выставил руки вперед. Он часто дышал, грудь его и живот под разрезанной рубахой колыхались, будто их изнутри раздували сильные мехи. Курису сначала ударил его по рукам, потом стал бить по голове, по плечам.

Тут еще один сделал попытку спастись. За ним, как на охоте, гнались Судзуки Хидео и Нагая Акио. Нагая держал ружье в руках, но, растерявшись, не стрелял, а лишь кричал, как будто другие этого не видели:

– Кореец бежит! Кореец бежит!

Было похоже, что убежавший раненый не имел, страх гнал его изо всех сил, может, ему и удалось бы скрыться, но тут он увидел вооруженного Курису Набору и растерянно заметался. Метрах в сорока от сарая Курису успел пронзить ему спину.

На Муфинэ Эцуро напоролся кореец со страшной раной через все лицо, видно, от сабельного удара. Муфинэ выстрелил и попал, бежавший завалился на бок. Но когда к нему подбежали, он встал и двинулся прямо на Нагаи Котаро. Кровь заливала ему лицо, он уже ничего не видел перед собой, обезумев от страха и боли. Нагаи встретил его сабельным ударом...

– Не пропусти! Не пропусти! – Это кричал Хосокава из окна вслед босому человеку в пиджаке. Митинака Тадао прицелился и выстрелил, но похоже было, что промахнулся, и беглец стал приближаться к зарослям. Ему наперерез бросилось несколько человек, однако Хосокава оказался ловчее. Он легко, не выпуская короткой сабли из рук, перебросил свое тело через подоконник и раньше других достал бежавшего ударом. Другие уже добивали.

Из сарая вывели Ямамото. След сабельного удара тянулся у него через всю спину, кровь текла по щеке, левой рукой он придерживал правую, которая, видно, была повреждена. К нему подскочил Киосукэ Дайсукэ.

– Ну что, больно? Больно или нет?

Киосукэ Дайсукэ, несмотря на свою плотность, прыгал вокруг израненного Ямамото. Он походил бы на мальчишку в уличной драке, желающего непременно досадить своему противнику, был бы вдругорядь просто смешон в своей излишней суете и крикливости, если бы не окровавленный вид подрядчика.

– Мне все равно, – отрешенно ответил Ямамото.

– Тебе не больно! – разъярился Киосукэ и пырнул корейца кинжалом в бок. – Тебе все равно!

Ямамото по-прежнему стоял.

– Ему не больно, ему все равно! – взвизгнул Киосукэ. – Бейте его!

Бросились бить. Били даже тогда, когда он рухнул и перестал подавать признаки жизни.

В бараке оставался еще один живой кореец.

– Выходи! – приказал ему Морисита. – Мы сохраним тебе жизнь.

Кореец повиновался. Прижимая руки к груди, он стал просить о пощаде. Он шел потихоньку, затравленно озираясь и надеясь на чудо. Пронзенный смертельным страхом, он лепетал как в бреду:

– Я не виноват, я ни в чем не виноват...

Когда он поравнялся с Хасимото Сумиеси, кто-то крикнул:

– Убей его!

Хасимото растерялся. Тогда Хосокава взмахнул саблей и грубо выругался. Хасимото показалось, что сэнсэй, свирепый учитель Хосокава, замахнулся саблей прямо на него, и он ударил молившего о пощаде корейца кинжалом в грудь.

Хасимото почувствовал невесть откуда взявшуюся злобу на свою покорную жертву. Лучше бы он убежал, тогда бы за ним погнались другие, кто ловчее Хасимото, они бы и убивали. Подавляя отвращение, Хасимото вонзил кинжал второй, потом и третий раз. Его поразило, как быстро стало мертветь тело корейца. Так и не закрылся расширенный рот, из глубины зева неприятно высунулся окрашенный кровью язык. Бил в грудь, а в крови оказался язык...

Наконец из барака вывели женщину. Одета она была в синее шелковое чогори – национальное платье, такого же цвета, лишь немного темнее, момпэ – шаровары; из-за ее спины, из оби – темно-вишневых лямок – выглядывала головка маленького ребенка, завернутого в синие, как материнское платье, пеленки. На руках женщина держала девочку, которой было годика два. На девочке была светло-синяя шелковая рубашонка и шелковое коричневое момпэ. Ее тонкие ручонки впились в материнскую одежду, она пряталась за голову, лишь глаза дико взирали. За руку женщина держала мальчика лет пяти. Личико его было измазано слезами, белая рубашечка спереди испачкана только что, короткие темные штанишки придавали ему вид неоперившегося птенца, выброшенного ветром из уютного гнезда. За материнское чогори цеплялись еще две девочки, старшей из которых было лет девять. Девочки различались лишь блузочками – розовой и белой, а момпэ было синее, как у матери. Дети мелко-мелко семенили, ужас переполнял их глаза, внутренние рыдания продолжали сотрясать их.

Это была Иосино, жена только что убитого Ямамото, и их дети. Мимо мертвого отца, не заметив, они прошли в двадцати шагах.

Неизвестно, как они сумели одеться в той кровавой кутерьме, как выдержали их сердечки, как устояли, не подкосились их тоненькие ножки. Но и женщина, и дети с их яркими одеждами, словно снятые с цветной картинки, явили неожиданный контраст только что случившемуся кровавому побоищу и смутили всех присутствующих. Никто не шевельнулся, не произнес ни звука.

Морисита приказал жителям Урасима идти домой, а тем, кто жил поближе, в Хагигосен, велел закопать трупы.

– Этих, – показал на женщину и детей, – я беру на себя.

Кажется, все вздохнули с облегчением, когда Морисита увел женщину и маленьких пленников.

Распоряжаться дальше стали Курису Набору и Касивабара Дзюнси. Из барака выволокли на одеяле труп женщины лет сорока, стряпухи Сиосунды Сейкити, с длинной резаной раной на ноге и окровавленным боком. Следом вынесли труп мужчины. У него было изувечено лицо и разбит пах, отчего брюки набухли кровью. Их оттащили в кусты, за глухую стену барака. Принялись убирать корейца, убитого Хасимото Сумиеси, но вдруг над долиной стал нарастать гул, переходящий в воющий свист.

В утреннем небе, соприкасаясь с первыми солнечными лучами, показались над долиной три краснозвездных самолета.казалось, они летели прямо на барак, на участников набега и видели в деталях все, что делалось на земле. Японцы бросились в кустарник и замерли.

Лишь после того как гул затих, они, на сей раз не выполнив приказа Мориситы, поспешили сначала домой, потом к месту эвакуации своих семей.

* * *

Из протокола допроса обвиняемого Хосокавы Хироси 22 августа 1946 года.

«Вопрос: Данные судебно-медицинского исследования эксгумированных трупов корейцев свидетельствуют о том, что все совершенные вашей группой убийства носили характер зверств. Вы это подтверждаете?»

Ответ: С актами судебно-медицинского исследования трупов я знаком, однако я не могу признать за собой вину в том, что убийства, совершенные нами, носили характер зверств. Убивая корейцев, мы не ставили своей целью причинить какие-либо мучения. Убийства в основном совершены саблями, вы сами понимаете,

что с одного удара убить трудно, тем более что человек сопротивляется и убегает. Поэтому вместо одного удара наносили больше, т. е. до тех пор били, пока человек не умирал... Мы не думали, что эти убийства носят характер зверств, нам надо было убить корейцев, и мы их убивали, а как убивать, мы не задумывались. Важно было, чтобы все корейцы были убиты».

Из акта комиссии судебно-медицинской экспертизы

«Яма № 5. На глубине 50 см глинистой влажной почвы зарыт труп, одетый в темно-синюю летнюю одежду... При исследовании установлено: труп мужского пола в возрасте 30-40 лет, имеет множественные раны остро рубящим предметом на черепе. В левой паховой области большой дефект с разрушением тазовых костей, множественные раны груди, перелом всех ребер слева...

Яма № 6. На глубине 20 см лежит вниз лицом труп... мужчины в возрасте 30-35 лет. На черепе две рубленые раны, проникающие в полость черепа, правая надбровная дуга срублена, правая ключица переломлена.

Яма № 7. В центре ямы забит березовый кол... На глубине 20 см обнаружен труп, одетый в летнюю одежду, черные брюки и пиджак... Труп в стадии сильного разложения, на черепе рубленая рана, проникающая в полость черепа. Кости груди имеют множественные переломы».

Медаль Нагаи Котаро

К моменту вступления японской армии в город (Нанкин) утром 13 декабря 1937 года всякое сопротивление прекратилось. Японские солдаты бродили по городу, совершая различного рода зверства. Многие солдаты были пьяны. Они ходили по улицам, без разбора убивая китайцев – мужчин, женщин и детей, пока площади, улицы и переулки не были завалены трупами. Насиловали даже девочек-подростков и старух. Многих женщин, изнасиловав, убивали, а их тела обезображивали. После ограбления магазинов и складов японские солдаты часто поджигали их.

Из приговора Международного военного трибунала для Дальнего Востока. 1948 г.

Давайте не обойдем вниманием одну деталь в материалах следствия и суда, она лишь на первый взгляд кажется малозначащей.

Это медаль Нагаи Котаро, которой он был награжден за войну в Китае.

Служба его проходила в г. Цицикар, что в Маньчжурии. На следствии он скромно замечает, будто сам не знает, за что ее получил. Никаких подвигов не совершал, такой медалью награждали всех, кто служил в Китае. Да и вручили награду уже тогда, когда срок службы закончился и он стал жить в деревне Мидзухо.

Возможно, это и так. Но вполне допустимо, что скромность Нагаи Котаро вызвана чрезвычайными обстоятельствами: не в его интересах было распространяться насчет своей награды. В любом случае медаль – это свидетельство его сопричастности к четырнадцатилетнему господству японцев в Маньчжурии, к двадцати миллионам жертв, что понес Китай в войне с Японией.

Завоевание Северо-Восточного Китая в начале тридцатых годов – это целый пласт истории, его никак не уместить в небольшую главу. Мы постараемся из него извлечь лишь те эпизоды, крупицы, которые хоть в какой-то степени помогут нам глубже разобраться в деревенской драме. Рассказ начнем с одного случая, приведенного С. Белоусовым в журнале «Проблемы Дальнего Востока» № 6 за 1991 год.

Летним вечером на одной из улиц Харбина японский жандарм остановил русского, находившегося в изрядном подпитии, и принялся было его обыскивать. Пьяному море по колено, не то что плюгавый жандарм. Русский отнял у японца револьвер, всыпал ему по первое число и бросил на мостовой с проломленным черепом и сломанной рукой. Дебошира задержали. Об избиении жандарма младший инспектор полиции Федоров составил протокол. Неожиданно Федорову досталось больше, чем арестованному. Начальник японской жандармерии пригрозил ему самой суровой карой.

– Как вы посмели написать, что какой-то русский пьянчуга сумел разоружить и избить японского жандарма? Вы нанесли оскорбление всей японской армии, божественному японскому императору!

Дело принимало настолько серьезный оборот, что друзья Федорова поспешили на выручку. Они знали, что требуется от полиции, и на стол жандармскому офицеру лег новый текст протокола: «В 10 часов вечера 5 июня 1933 года жандарм Синтаро Какехи столкнулся на Аптекарской улице с группой из двадцати молодых

коммунистов, нарушавших тишину и покой обывателей. В ответ на приказ Какехи прекратить бесчинства и разойтись пьяные коммунисты напали на мужественного представителя закона и избili его палками. Японский жандарм, как и подобает самураю, защищался, проявив незаурядное мужество, и, хотя и получил серьезные травмы, сумел все-таки отбиться от нападавших, арестовать их главаря и отвести его в участок. После чего потерял сознание. В качестве младшего инспектора полиции Маньжюу-Го считаю своим долгом привлечь внимание японских властей к мужественному поведению жандарма Синтаро Какехи, этого достойного представителя славной японской армии, истинного самурая, чей героизм достоин удивления и восхищения».

Через три месяца жандарм Синтаро Какехи получил медаль.

Возможно, это курьез, и у нас нет оснований заподозрить, что Нагаи Котаро заработал награду подобным образом. Однако курьез вполне закономерный. В нем отразились все пороки японской военщины: демагогия, ложь, высокомерная спесь, жестокость, насилие.

Важно присмотреться, как военные стали самой почитаемой прослойкой нации. Анализируя глубинные течения, вынесшие военных на главное политическое направление, видный японский военный историк Сабуро Хаяси писал:

«Основной причиной возросшей политической активности армии явилась внутренняя обстановка в Японии, или конкретные, происходившие в то время разорения общин. Последние имели огромное значение для армии как основной поставщик живой силы. Большую часть офицеров составляли выходцы из среды мелких или средних землевладельцев или из семей, арендующих земельные участки, большинство унтер-офицеров и солдат были выходцами из общин. Разорение общин послужило причиной возникновения в офицерской среде сильных течений за проведение радикальных политических «реформ»... Вмешательство военных кругов в политику явилось косвенной причиной участившихся случаев неподчинения старшим со стороны младших офицеров. Так называемые «молодые офицеры», дерзкие и самоуверенные в силу самой своей молодости и якобы данной свыше им исполнительной власти, попрекали старших офицеров за осторожность и нерешительность».

Военщина в государстве становилась огромной силой. Без со-

гласия военного командования не мог быть назначен премьер-министр. По требованию военной верхушки менялись правительства. Однако надо учесть, что военщина была всего лишь выразительницей воли дзайбацу – монополистов Японии. В недрах переплетений их интересов была взлелеяна идея, наиболее ярким выразителем которой стал генерал Танака. Еще в 1913 году он писал: «Мы никогда не должны забывать тот исторический факт, что наша страна израсходовала 2 миллиарда иен и пролила кровь 230 тысяч солдат за Южную Маньчжурию. Япония испытывает серьезный недостаток национальных ресурсов. Между тем богатства Южной Маньчжурии неисчерпаемы».

Свою военную программу генерал изложил в меморандуме, представленном императору Японии 25 июня 1927 года. «Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами... Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Центральной Азии и, наконец, Европы».

Ряд ученых утверждает, что такого меморандума не существовало. Однако дальнейшие события показали, что планы покорения Маньчжурии претворены были в жизнь успешно. Японцы знали, зачем они туда идут. К 1913 году только посевные площади Маньчжурии занимали 32 миллиона акров, там собирали значительные урожаи ячменя, сои, кукурузы, сорго, пшеницы. На пастбищах гуляло 15 миллионов голов крупного рогатого скота. А чего стоили запасы строевого леса! А какие косяки рыбы водились у побережья Желтого моря! Не было цены шелкам, что производились на станках китайских ремесленников и ткацких фабриках. Японские военачальники преклонного возраста даже предлагали превратить Маньчжурию и Монголию в «колонии-здравницы», поскольку там «свежий воздух и прекрасная природа».

Японская разведка давно плела провокационные интриги в Северо-Восточном Китае, нагло вмешивалась во все сферы жизни. Для войны нужен был лишь повод. Впрочем, если его нет, то его создают. В одной из японских брошюр того периода он представлен весьма колоритно. Цитируем по историческому очерку С. Белоусова: «Поздно вечером 18 сентября 1913 года в пригороде Мукдена группа китайских солдат подорвала мину на японской

железной дороге, поблизости от Мукдена, чтобы вызвать крушение японского поезда... К счастью, поблизости от места разрыва полотна оказался с шестью солдатами лейтенант Кавамото, прямой потомок непрерывной линии самураев в 48 поколений. Видя, что поезд приближается и уже никакая земная сила не сможет предотвратить катастрофу, поскольку несколько ярдов пути уничтожено, он обратился к силам божественным. Повернувшись в сторону Японии и склонившись в смиренном поклоне, он призвал к заступничеству прародительницу императорского дома, великую богиню Амаэрасу-омиками, «Озаряющую небо». И его смиренная, но страстная молитва была услышана. Поезд, достигнув того места, где железнодорожное полотно было разрушено взрывом, поднялся в воздух и, преодолев опасный участок, плавно опустился вновь на рельсы и продолжил свой путь. Свидетельств машиниста и кочегара поезда, равно как и самого лейтенанта Кавамото и его шести солдат, вполне достаточно, чтобы доказать истинность сверхъестественного явления, – явления, которое вновь продемонстрировало всему миру божественное происхождение японского народа».

Преодолевая слабое сопротивление китайцев, японская армия растекалась по плодородным долинам Маньчжурии. В начале февраля 1932 года японцы вступили в Харбин. Город еще до революции имел торговлю с Россией, и здесь проживало немало русских. Эмиграция значительно пополнила русское население города, достигшее к описываемому времени почти ста тысяч. Именно русские, настрадавшись от притеснения китайских чиновников, самых наглых взяточников, вышли на улицы Харбина с японскими флажками и встретили «освободителей» криками «банзай».

Однако уже через несколько дней русские начинают искать пути бегства из Харбина, из Маньчжурии. Вслед за завоевателями из Японии хлынули массы «советников», «консультантов». Это содержатели публичных домов, торговцы наркотиками, контрабандисты, авантюристы. Они вдруг становятся важными персонами, получая неограниченную власть. Первым делом они заводят себе наложниц, чаще всего русских женщин. По их приказу подвергают аресту богатых горожан и требуют выкупа. По улицам шляются ватаги японских бродяг, разбойников, их по-японски называют «ронин». Они грабят магазины, дома, бесчинствуют, насилюют женщин.

Как-то в Харбине вышли на прогулку жена и дочь служащего КВЖД, русские. Среди бела дня они неожиданно были схвачены компанией молодых головорезов. На призывы о помощи не отозвался никто, и их затащили в соседний дом, где сначала потешались над матерью на глазах дочери, потом над дочерью на глазах матери. Но на этом их беды не кончились. В полицейском участке, куда они пошли пожаловаться, их сначала подвергли такому же насилию, а затем отправили в тюрьму за незаконное занятие проституцией. Впрочем, случай этот не самый ужасный. Многие люди исчезали неведомо куда, и никто не знал, что они пережили перед смертью.

Один из деятелей русской эмиграции, Петр Балакшин, оставил любопытные записи о действиях японской разведки. Японцы подбирали себе агентов для подрывной работы против СССР, совершенно не стесняясь в выборе средств вербовки. Молодых людей сначала арестовывали, содержали в каземате, подвергали пыткам. Одной из распространенных пыток была следующая: в организм через нос вливали воду, смешанную с керосином. Для разведывательных органов была даже составлена специальная инструкция, где рекомендовались различные приемы пыток. Вот некоторые из них:

- заставлять сидеть прямо и неподвижно;
- заложив между пальцами по карандашу, связать концы пальцев веревкой и шевелить их;
- положив допрашиваемого на спину (ноги поместить немного выше), капать одновременно воду в нос и в рот;
- положить допрашиваемого боком и топтать его щиколотку;
- ставить под полку, где допрашиваемый не может разогнуться.

При этом очень важно было принять меры, чтобы не слышали криков.

В апреле 1932 года неизвестными (видимо, китайскими партизанами) был взорван мост, произошло крушение поезда, погибло 192 японских солдата, свыше трехсот оказались ранеными. Для расследования прибыла масса следователей, инспекторов, сыщиков, пошли повальные аресты. Ни в чем не повинных людей расстреливали без суда и следствия. Японские солдаты, которых прислали «для поддержания порядка», творили пьяные кровавые бесчинства. Дома обыскивали, грабили, поджигали. В людей стреляли ради потехи. Молодых девушек, даже совсем девочек, насило-

вали группами и в одиночку. Некоторых из них потом находили мертвыми.

А в это время в самой Японии типографские машины тиражировали лозунги и призывы: «Война – отец созидания и мать культуры!», «Маньчжурия и Монголия – жизненная линия Японии!», «Защитим достояние, завоеванное кровью наших отцов и дедов!», «В Маньчжурии бескрайние земли! Крестьяне, переселяйтесь в Маньчжурию!», «Спасем Маньчжурию и Монголию от красной угрозы!».

Чем неистовее шумела пресса по поводу «жизненной линии Японии», тем прочнее мародерства, грабежи, насилия становились повседневностью, образом жизни в Маньчжурии.

Далее логика войны повела японские армии на территорию собственно Китая. 7 июля 1937 года они без боя обошли Великую Китайскую стену. Об этой войне сами японцы в шестидесятых годах издали книгу «Санко». Слово это обозначает дословно «три подчистую» – первым идет глагол повелительного наклонения: истребляй, сжигай, разорь подчистую. В книге были опубликованы воспоминания участников войны в Китае. Вот некоторые извлечения. Дневники генерала Никадзимы содержат записи: «Наше дело – не брать пленных, даже если их придется убивать одного за другим... Одно лишь подразделение убило 15 тысяч китайцев. Командир артиллерийской батареи приказал солдатам уничтожить 1300 человек. Около 8 тысяч китайцев было собрано в одном месте и ликвидировано...»

А вот признания других участников. Трое китайских рабочих «шатались по улице» у японского штаба. Военные жандармы двум отрубили головы, третьего прооперировал военный хирург капитан Огасавара. Тем же самым мечом, которым только что казнили двух рабочих, он достает из тела еще живого человека то один, то другой орган, демонстрируя их жандармам... При прочесывании незнакомой местности японские солдаты обнаруживают спрятавшегося китайца. Солдаты вколачивают в него гвозди, офицер рассекает лицо самурайским мечом... Мужчину средних лет пытаются раскаленными добела щипцами... Японский солдат тащит молодую китайку, чтобы изнасиловать. У нее плачет грудной ребенок. Солдат бросает его в котел с кипящей водой... Японские артиллеристы в стереотрубу видят праздничную предновогоднюю торговлю на площади. Чтобы поживиться, они открывают огонь по

толпе. Офицер, получив долю награбленного, упрекает подчиненных: «Вам не удалось первым же снарядом поразить центр рынка...». В небольшой деревне командир роты, прозванный «рубилем голов», дает солдатам полную волю: крестьян бьют сапогами в лицо, колют штыками, саблями. Один из офицеров демонстрирует утонченный метод рубки голов под названием «блестящий»... Наконец, еще одно обвинение японской военщине в жестокости и бесчеловечности.

В 1939 году на территории Маньчжурии были созданы лагерь, где хозяйничали специалисты научно-исследовательского отдела Квантунской армии. В лагере № 100, километрах в десяти от Чанчуня, была выстроена особая тюрьма, куда привозили обвиняемых в шпионаже хунхузов, рецидивистов, «идеологических преступников», подозреваемых в коммунистической пропаганде. Сначала заключенных заражали, а затем следили за развитием болезни, лечили, пробуя различные методы. Если человек выздоравливал, на нем пробовали новые опыты. Они повторялись, пока заключенный не умирал. Систематически производились испытания, при которых изучалось воздействие бактерий на живых людей. Опыты делались в условиях, приближенных к боевым. Заключенных привязывали к столбам недалеко друг от друга, располагая по окружности. В центре взрывали осколочную бомбу, подвергая подопытных ранению и одновременно заражая чумой или сибирской язвой. Чтобы привязанных совсем не убило, им оголяли лишь ноги и ягодицы, закрывая спину и голову щитами и толстыми грязными одеялами. Затем оглушенных, с рваными ранами людей перевязывали и начинали над ними исследования. Тут же проводились опыты по обморожению. Заключенных заковывали в ножные кандалы, тепло одевали, оголяя руки и ноги, смачивали обнаженные части тела водой. Проводивший опыты время от времени ударял палочкой по рукам и ногам, обмороженные части звенели. Затем несчастного возвращали в комнату, где заставляли опускать руки и ноги в теплую воду, температуру которой повышали. Человек корчился в мучениях и кричал. Ампутация для него казалась избавлением от мук. Потом он так и ходил с обнаженными костями рук и ног, пока его, подвергнув очередному опыту, не отправляли в крематорий.

Все это может показаться далекой историей, наподобие сред-

невековой инквизиции, если бы не ощущение того, что люди, творившие зло, еще живы.

Грабежи, насилия, убийства – это видимая, открытая рана на теле китайского народа. А ведь была еще невидимая, скрытая боль, обрекавшая огромный народ на вымирание.

Чтобы прикрыть свою агрессию, японцы создают на территории Северо-Восточного Китая марионеточное государство Маньчжоу-Го. 14 июня 1932 года парламент Японии «признал» новое государство, а на второй же день был подписан «япономаньчжурский протокол». Документ содержал всего лишь два пункта: 1. Маньчжоу-Го признает и уважает все права и интересы, которые издавна имела Япония на его территории. 2. Оба правительства соглашаются рассматривать всякую угрозу территории и общественному порядку одной стороны «как угрозу общественному порядку и существованию другой и будут совместно вести оборону своих стран. Необходимые для этого японские войска будут размещены на территории Маньчжоу-Го». Вдобавок японцы обещали переделать Маньчжурию в «рай», где не будет эксплуатации.

Рабочие и крестьяне обычно очень далеки от того, какие законы и указы в сфере экономики применяются там, наверху, кому в угоду: предположим, новые тарифы, жесткие меры по ограничению иностранного, надо понимать, не японского, капитала и т. п. А они открывали зеленую улицу вывозу сырья в Японию и ввозу японских товаров в Маньчжурию. Однако чем интенсивнее шла торговля, тем выше рос долг Маньчжурии: если в 1937 году пассив в торговле с Японией составлял 345 миллионов юаней, то уже в 1939 году – свыше одного миллиарда. Все крупнейшие отрасли промышленности Маньчжурии оказались в руках японских компаний. Назывались, правда, они маньчжурскими – Маньчжурская угольная компания, Маньчжурская авиационная компания, Маньчжурская компания синтетической нефти, но абсолютное большинство капиталов, а следовательно, и доходов принадлежали японским промышленникам. Японский капитал заимел неограниченные возможности для захвата командных высот в экономике. Захват национальных ресурсов производился безо всяких обходных путей, открыто: мешал китайский купец – у него, в лучшем случае, отнимали только собственность, а в худшем – и жизнь. Причину для этого найти не составляло ни-

какого труда. Так к японским предпринимателям переходили промышленные, торговые предприятия, банки, лесные угодья, плодородные земли. Эксплуатация, с которой обещано было покончить, принимала чудовищные размеры. Нещадно эксплуатировались женщины. Уже в 1941 году в фабрично-заводской промышленности Маньчжурии было занято 700 тысяч женщин да три с половиной миллиона работало поденщицами в сельскохозяйственном производстве. На промышленных объектах повсеместно использовался детский труд. Девять процентов составляли лица моложе пятнадцати лет. Само собой разумеется, что женский и детский труд оплачивался дешевле. Когда людей по найму не хватало, то велась мобилизация в деревнях. Отдел труда при Государственном совете указывал общее количество рабочих. Провинции давали разверстку по уездам, уездные управления – полицейским участкам, а уж те – деревенским старостам. Но и такие мобилизационные мероприятия не восполняли всех потребностей. Тогда устраивались облавы. Вылавливали нищих, бродяг и насильственно отправляли их на строительство военных объектов. Молодежь, школьники, представители интеллигенции обязаны были проявлять «добровольное служение труду». Они работали на военных объектах после основных занятий, а каникулы проводили на сельскохозяйственных работах, в шахтах. Уклонение от такого «служения труду» рассматривалось как «предательство» и жестоко наказывалось.

Инструментом беспощадной эксплуатации крестьян явилось создание согласно законам Маньчжоу-Го японских компаний. Они получали монопольное право на покупку у китайских крестьян сельскохозяйственной продукции по «твердым» ценам. Крестьянина обдирали как липку. От него требовали сдачи продукции в строго установленные сроки и в строго установленных размерах. «Твердые» цены уступали рыночным в три-четыре раза. Можно себе представить, какой простор открывался для спекуляций перед чиновниками японских компаний. Если крестьянин не выполнял поставок, ему грозила тюрьма.

Была еще одна удавка, наброшенная на крестьянскую шею: им продавали соль, спички, мыло лишь при том условии, если они сдавали излишки своей продукции. Но и это не все. Периодически японские власти производили обыски в жилых домах и амбарах в целях учета запасов продовольствия. Если при повторном обы-

ске запасы оказывались меньше, то делали вывод, что часть продовольствия отдали партизанам. Членам семьи грозили арест, заключение в тюрьму, а то и смертная казнь.

В то же время происходило изъятие земель у китайских крестьян. Поскольку японцы имели в Маньчжурии «особые права», то землю они покупали за четверть ее стоимости, а у «мятежников», к которым можно было причислить кого угодно, конфисковывали. Как раньше в Корею, началось переселение японских крестьян в Маньчжурию. Переселенцу предоставляли лучшие участки, выдавали денежное пособие, вполне достаточное для переезда семьи, строительства жилого дома и сельскохозяйственных помещений, покупки инвентаря. Значительная сумма при этом оставалась на обучение и медицинскую помощь. До 1945 года в Маньчжурию переселилось сто шесть тысяч японских семей. На чужой земле они чувствовали себя хозяевами, господами.

В заключение следует особо подчеркнуть, что японские политики и военные начали успешно осуществлять прямо-таки дьявольский замысел уничтожения народов посредством наркотиков. Они высокомерно рассуждали: земля уготована для единственной божественной нации, другие народы должны исчезнуть. Корейцы погибнут от собственных пороков, китайцы станут жертвами опиума, русских изведет водка. Следует лишь ускорить эти процессы. И тогда только потомки Аматаэрасу и сыновья богов будут населять империю.

Японское военное командование получило миллионы за то, что предоставило японо-корейскому синдикату исключительное право открывать и содержать опиумные, героиновые, морфийные и кокаиновые заведения, игорные притоны, публичные дома. Только в Харбине в 1936 году всюю функционировали 172 публичных дома, 56 опиекурилен, 194 лавки, в которых бойко торговали наркотиками.

Власти всячески поощряли производство мака; того, кто выращивал в пределах нормы, освобождали от уплаты земельного налога, превысившие норму получали освобождение от воинской службы, а «рекордсмены» могли претендовать на занятие общественной должности. В этих условиях понадобились фабрики по производству наркотиков, и они открылись. Не прошло и десяти лет господства японцев в Маньчжурии, а из тридцати миллио-

нов ее жителей тринадцать миллионов постоянно курили опиум. Поразительное, зловещее нарастание! Японские боевые корабли (именно боевые!) доставляли опиум на Филиппины, в Индонезию, Малайзию, зарились проложить путь в Австралию и Новую Зеландию. Специалисты утверждают, что именно со времен японской оккупации Маньчжурии начала формироваться разветвленная сеть наркомафии...

Дорого обошлась Китаю японская агрессия. Двадцать миллионов китайцев было убито. Несметные богатства, созданные трудом китайского народа, стали достоянием японских монополий.

Вот что отразилось в блеске медали, которую вручили Нагаи Котаро. И совсем не имеет значения, принимал он личное участие в каких-либо акциях или нет. Важно, что он был орудием этой политики агрессоров, завоевателей, грабителей, бандитов, убийц, насильников, ее носителем и исполнителем.

Он принес в Мидзухо дух японской военщины, развращенный вседозволенностью, приученный утверждать свое превосходство силой оружия. Есть основания полагать, что кровавая жестокость была даже предметом особой гордости. В уездном городке Мао-ка после высадки десанта, прочесывая жилые кварталы, заглянул наш сержант в один из домов, любопытства ради раскрыл альбом, лежавший на шкафчике. Его поразили две фотографии, хранившиеся на видном месте. На одной из них изображена площадь, вдали видна толпа. В ряд до самого края площади сидят, поджав под себя ноги, пленники, судя по одежде, китайцы. У них сзади связаны руки, туловища согнуты. На переднем плане трое уже обезглавлены, головы их валяются, растекаются лужи крови, а они, трупы, все сидят. Их позы свидетельствуют о том, что головы снесены молниеносным ударом. Два палача орудут мечами. Один только замахивается, второй отсек голову, и кровь темной массой льется к его ногам... На втором снимке фотограф уловил кульминационный момент казни. Двое держат китайца за руки. Они отклонились, чтобы не запачкаться его кровью, третий ударом меча снес голову, она как раз падает, а из шейного обрубка фонтаном хлещет кровь.

Нет, не случайно именно Нагаи Котаро был одним из самых деятельных участников убийства в Урасима, потом в сарае Конбэ. Если уж не там, в Китае, то тут, в Мидзухо, он доказал, что достоин врученной медали.

К вышесказанному следует добавить, чем обернулась для многих народов Великая Восточноазиатская война, начавшаяся 7 декабря 1941 года нападением на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор. Цель ее, по словам императора и премьер-министра, состояла в том, чтобы, прогнав европейских колонизаторов, создать Великую Восточноазиатскую сферу взаимного процветания.

Практически это обернулось тем, что на обширных просторах Азии, включающих в себя Бирму, французский Индокитай, Малайский полуостров, Филиппины, Голландскую Ост-Индию, Новую Гвинею, закончилось господство западных колонизаторов и наступило господство японских оккупантов. С Филиппин Япония получала хром, медь, железо, магнезию, из Бирмы – свинец, кобальт и вольфрам, из Таиланда и французского Индокитая – резину и олово, из Малайи – бокситы. При этом японцы устанавливали свои цены – грабительские. В Индокитае японская армия отбирала по своему желанию урожай риса у крестьян. Во всех странах лучшие дома и отели отдавались оккупационной армии, школы превращали в казармы.

Историки отмечают: по всей Азии и в Тихоокеанском регионе японские солдаты отличались исключительно плохим обращением с местным населением. По малейшему подозрению оно подвергалось физическому насилию. Достаточно сказать, что тех, кто слушал тайком радиопередачи союзников, убивали. После захвата Сингапура японские оккупационные власти арестовали более 70 тысяч проживавших там китайцев. Тысячи этих людей, виновных лишь в том, что они были китайцами, связали вместе, вывезли на середину гавани и выбросили за борт.

Не поддается описанию мера страданий, обрушившихся на долю женщин на оккупированных территориях. Юных кореянок (многим из них не было и 15 лет) нанимали на шахты, а отправляли в примитивные армейские бордели. Подобная участь ждала китайнок, филиппинок, малайек, голландок. В целом в армейских борделях императорской армии оказалось до 250 тысяч женщин. Десятки тысяч из них погибли от болезней и голода, других японские солдаты застрелили или закололи штыками в последние дни войны.

Последние жертвы

Он в горло ей вонзает нож.

Удар неточен.

Она руками ловит воздух,

Бьет по земле ногами –

Мучительная судорога боли.

Тикамацу Мондзаэмон.

«Масляный ад».

Эти молодые ребята – Хосокава Такеси и Чиба Моити – с роковой беспечностью спешили навстречу своей участи.

21 августа, после погрома в Урасима, они к вечеру ушли в горы, к своим эвакуированным семьям, и там переночевали. Встали, как и все деревенские юноши, рано, позавтракали, а дальше заняться было решительно нечем. Они слонялись по распадку, ловили рыбу в ручье, даже залазили на сопки, чтобы с высоты посмотреть, что видно в округе. Их все тяготило, им хотелось улизнуть, искали лишь повод. А тут уже который день рождались слухи о том, что японские власти должны их вывезти на Хоккайдо. При отсутствии официальных сведений такие новости рождаются сами по себе. Людям, сорванным с места, хочется услышать то, что обнадеживает. Юношам прямо-таки загорелось сбегать в деревню и узнать обо всем, когда и куда ехать, каким способом придется эвакуироваться. На самом же деле их манила острота момента, хотелось пройтись по краешку неизвестного, дотронуться своими руками до чего-то необычного... С тем и пошли в Мидзухо.

Расстояние в десяток километров кажется пустяковым для молодых ног, если они шагают по знакомому распадку. Дорога вьется среди пестрых густых трав, за каждым поворотом юношей ждет знакомая поросль березняка, заросли ольхи, одинокие разлапистые вязы, стайки неприступных строгих елочек, сплошная стена тонких ветел, растущих на болоте.

Вот наконец и мост. Рудака-гава быстро мчит свои воды, а в противоположном направлении буравят течение изящные крупные рыбины.

Над долиной, над деревней нежилась тишина, все было так привычно, так знакомо, что им верилось, несмотря на войну и воз-

можное появление русских, в благополучный исход. С ними ничего не должно случиться! Но именно с ними и случилось.

Часу в четвертом дня, побывав в деревне, они очутились в доме Мориситы. На их вопросы мог бы ответить кто-нибудь в центре деревни, допустим, староста или полицейский, но они вернулись именно к Морисите. Влекло не только родство душ. Здесь скорее, чем в другом месте, Хосокава Такеси мог встретить брата. В Морисите и Хосокаве они видели людей действия, решительных, напористых, смелых. В то время как все, в том числе староста и полицейский, отсиживались дома, наставники юношества оказались образцовыми патриотами. Они действовали, боролись! Сильные характеры магнитом притягивали юношей.

Морисита был не один. За столиком сидели Хосокава Хироси и плотный Киосукэ Дайсукэ. Ребят усадили рядом. Последовал вопрос: как там, в сопках, обитают эвакуированные семьи? Молодые люди ответили односложно. Какая там жизнь, если скучно.

Морисита, не задумавшись ни на секунду, нашел им дело.

– Останетесь ночевать здесь. Ночью надо будет убить женщину и детей.

Он подождал, не последует ли со стороны юношей каких-либо вопросов или возражений. Вопросов не было, возражений тоже. Все равно Морисита счел нужным добавить:

– Если их не убьем, они расскажут обо всем, что видели в сарае Конбэ. А тогда выяснят и про остальное. Нельзя деревню подвергать риску.

Заговорили Хосокава Хироси и Киосукэ Дайсукэ. Они высказали и обосновали предположение: если русские узнают про убитых корейцев, то учинят расправу над всей деревней. Деревню надо спасти, а для этого имеется лишь один способ – убрать последних свидетелей.

Члены молодежной организации восприняли предложение своих наставников как приказ. Так организаторы расправы разрешили вопрос, висевший на них гирей.

...Жену подрядчика Ямамото и их детей разместили в доме корейца Маруямы. Со смертью хозяина дом был беспризорным. Оставалось решить, что с ними делать дальше.

Перед приходом юношей в доме Мориситы состоялся громкий разговор. Все трое сходились на том, что семью Ямамото оставлять нельзя. Конечно, можно было бы убить только женщину и

старших девочек, но что тогда делать с младшими? Куда их деть? Если отдать кому-то, то возникнет вопрос: где взяли? А объяснений нет. К тому же малыши умеют говорить и смогут рассказать о пережитом, если не сейчас, то позже.

Морисита обратился к Киосукэ Дайсукэ:

– Ты пойдешь и убьешь.

Киосукэ, чьи руки уже были обгарены кровью по самый локоть, неожиданно отказался.

– Почему? – спросил Морисита.

Киосукэ не отвечал. Его длительная пауза заставила повторить вопрос.

– Я детей не буду убивать.

– Но ведь надо.

– Надо, – согласился Киосукэ. – Но я не пойду.

Морисита думал, что завершать дело придется им с Хосокавой. Но Хосокава тоже молчал. И тут появились юноши, искавшие дело.

По такому случаю плеснули в рюмки сакэ. Морисита выпил и долго сидел с каменным лицом. Молодые внимали этому таинственному молчанию. Наконец он распорядился, чтобы Хосокава Такеси и Киосукэ Дайсукэ шли в дом Маруямы и сторожили.

– Женщина с детьми никуда не убежит. Важно, чтобы никто посторонний их там не увидел.

Обидно, что об организаторах расправы и их невольных пособниках мы знаем гораздо больше, чем о жертвах. Это объяснимо: перед следствием и судом стояла задача изобличить преступников, установить степень вины каждого из них, выяснить мотивы преступления. А о большинстве убитых мы вообще ничего не знаем, в документах они числятся безымянными единицами. О несчастной стряпухе Сиосунде Сейкити сведения просачиваются лишь потому, что через два дня после набега на сарай Конбэ ее пришлось добивать. При захоронении она подала признаки жизни. Сорокалетняя женщина, истекая кровью, лежала без воды и без пищи, ночью ее донимал холод, днем, в жару, жалили насекомые.

И все же в числе убитых есть личность, о которой попытаемся рассказать намного больше. Ее японское имя Иосино, она жена предпринимателя Ямамото, мать пятерых детей.

Я вижу ее красивой стройной женщиной, моложавой, привле-

кательной; вижу ее счастливой матерью, поглощенной заботами о детях, в первую очередь о самом маленьком сынишке, кого она кормит грудью. Возраст старшей девочки подсказывает, что Ямамото взял Иосино в жены в 1933 или 1934 году, когда ей было примерно двадцать лет. Видимо, Ямамото был предпринимателем средней руки, если брал подряды сезонного характера в сельском кооперативе, где на счету была каждая иена. Но дохода хватало, чтобы иметь в Маока свой дом и жить там зиму. Если бы Иосино осталась в городе, то сберегла бы себя и детей. Но она предпочла быть рядом с мужем, чтобы делить с ним и супружеское ложе, и заботы повседневности. Их не могли не задеть тревоги войны с Америкой, над Карафуто иногда появлялись самолеты противника, и безопаснее было находиться в глуши. Жизнь на окраине Мидзухо имела преимущества еще и в том, что здесь был чистый воздух, лужайка для детских игр, внизу – речушка, куда манили разноцветные камушки, резвящиеся рыбы, журчание воды. Здесь цвел шиповник, куковала кукушка, было радостно и вольно. К завтраку стряпуха приносила из деревни свежее молоко.

Центром, душой счастливого детства была мать. Она их одевала, обувала, кормила, учила ходить, говорить, различать окружающие предметы, учила играть, заботиться друг о друге, то есть делала то, что делает любая добродетельная женщина.

Когда в трагическое утро раздались крики, выстрелы, стоны, она поняла, что нагрянула страшная беда и надо спасать детей. Она поспешно их одела, но, уходя, ничего не успела взять из запасов одежды и еды. Скорее всего она вообще не поняла, почему эти люди, среди которых она узнала два-три лица, ворвались в корейское жилище, кого-то казнят, побуждают ее поспешно уходить. Где ее муж? Где заботливая стряпуха? Запомним: это происходило ранним утром. Женщину с детьми палачи помещают в дом убитого Маруямы и держат под присмотром до полуночи, до самой смерти.

Морисита и его подручные пьют спиртное, едят, несколько не заботясь о том, что у маленьких пленников есть естественные потребности, первейшая из которых – пища. Сама Иосино может терпеть голод и холод, но младшие терпеть не могут, они просят, требуют, они не в состоянии понять, почему им всегда давали пищу, а сегодня не дают. Грудничка она кормить не может – молоко перегорело, и она просит, чтобы дали молока. Молоко ей при-

носят, оно становится единственной пищей для всех детей. Как она, страдальца, проводит свой последний день? Какие слова произносит в утешение детям? Может, пересказывает сказки, усвоенные в детстве, где всегда в конце происходит чудесное спасение, и дети, внимая ей, надеются на чудо. Вот придет отец и уведет их из этого угрюмого дома.

В помещение вползают жуткие сумерки – нет огня, нет отца, нет спасения. Нет даже какой-либо дерюжки, чтобы укрыться. От страха и холода они жмутся к материнскому телу. Время течет медленно, тягостно, капля за каплей. Дети засыпают тревожным сном.

Знает ли Иосино о своей участи? Ей хочется верить, что ее и детей пощадят. Не для того она вынашивала, рожала и пестовала их, чтобы они пали жертвой необъяснимой злобы.

Тут ее чуткое ухо улавливает осторожные шаги. Собрав последние силы, она сдавливая в себе крик, чтобы не разбудить детей. Не дай бог ни одной матери увидеть, как убивают ее малолетних детей! Она не увидела. Ее убили первой.

Может, когда-нибудь родится поэт, способный поведать людям о трагической судьбе Иосино; может, найдется скульптор, готовый высечь из мрамора ее светлый облик. Она достойна стать символом многострадальной Кореи.

Чибу Моити разбудили ночью. Морисита и Хосокава Хироси уже встали, ждали его. Морисита взял саблю малого размера, такую же дал Чибе. Хосокава приладил на ремень тесак в чехле. Вскоре все трое двинулись по дороге в Урасима.

От ночной свежести или от волнения Чиба слегка вздрагивал. Чтобы унять себя, он крепче сжал рукоять сабли. Стараясь подражать старшим, мягкой походкой спешил за ними. Ходьба согрела его, но дрожь не улеглась.

У темного дома Маруямы они остановились, и Морисита нырнул в раздвинутую дверь. Через несколько минут оттуда вышли втроем. Хосокава Такеси подошел к Чибе, по-приятельски толкнул его в бок, будто встретил на игрище.

– Они спят, – доложил Киосукэ Дайсукэ.

– Да, спят, – подтвердил Морисита. – Зайдите с разных сторон. Сначала убейте женщину. Убейте сразу, чтобы не закричала. Идите.

Хосокава Такеси слегка взмахнул саблей, примерился. Чиба Моити повторил его жест. Такеси пошел в дом первым, потому что он был братом Хосокавы Хироси и не любил уступать. Чиба Моити ступил следом, так как не хотел отставать от своего товарища.

В комнате было очень темно, им пришлось некоторое время постоять. И все же ночного света, проникавшего через окно, было достаточно, чтобы различить лежавшие фигурки. Они спали прямо на циновке, прижавшись друг к другу. Лишь женщина своего крошечного малыша прикрывала чогори. Наверное она не спала. В добрые дни мать пятерых детей чутко отзывалась на малейший шорох. А тут ходили, хоть и неслышно. До сна ли ей было! Последнее, что оставалось ей теперь, – сдерживать свой крик, чтобы не разбудить детей.

Чибе показалось, что женщина стала поднимать голову, и он вонзил ей саблю в горло. Затем дважды ударил в живот, потом в грудь, в голову. В маленький комочек, что посапывал рядом, он ткнул без всяких усилий, тельце было податливое, мягкое. И все же предсмертный стон матери, вырвавшийся невольно, возня юных палачей произвели какой-то шум, вспугнули одну из девочек. Она подняла ручонку, хотела найти ею мать или сестру. Сабля Хосокавы Такеси вонзилась ей в спину. Ручонка упала, дернулась в судороге. Хосокава стал наносить короткие резкие удары в плохо различимые очертания детей. Потом они оба втыкали сабли в свои жертвы, словно выполняли будничную крестьянскую работу. Остановил их лишь запах человеческих внутренностей. Они вышли наружу.

– Все? – спросил Хосокава-старший.

– Все, – ответил ему брат.

Морисита зашел в дом, проверил, достал из ниши какое-то тряпье и накинул его на убитых.

Тем же путем все возвращались к Морисите. Шли медленней. Чиба глубоко вдыхал воздух заалевшего утра. Ему было не по себе от того, что у него вспотели руки, спина, что тяжелые капли пота скатывались с виска и застывали в утренней прохладе. Он стыдился своей слабости.

У дома Мориситу зачем-то поджидал Судзуки Масаиоси. И этому не спалось! Хозяин всех пригласил к завтраку и чаю. А через полчаса пришел отец Мориситы, занял подходящее место за сто-

ликом. Старика поднесли сакэ, он разговорился и сообщил, будто бы поступило распоряжение всем жителям выехать в направлении Тойохары. Поэтому он собрался в Урасима в горы за семьей.

– Позавчера отвозил их туда, а теперь куда везти? – вздыхал старик. – Что же будет с нами дальше? Неужели нас не отправят на Хоккайдо?

– Меньше было бы предателей, – ответил сын, – нам никуда не пришлось бы уезжать. Но предателей мы караем страшной карой! Уже все корейцы, проживавшие в Мидзухо, убиты.

Старик, не возразив сыну, высказался за порядок в государстве.

– Но остались еще свидетели, – продолжал Морисита-младший, – которых тоже надо убить.

Отец согласно закивал.

Морисита объяснил, что в доме Хасегавы приютились жена и дочь Маруямы. Это очень опасно.

Хосокава Хироси и Киосукэ Дайсукэ вернулись к прежней мысли:

– Да, их нельзя оставлять. Как только русские придут, они сразу побегут к ним и обо всем разболтают. И тогда знаете что будет? Киосукэ Дайсукэ поочередно заглядывал в глаза собеседников.

– Русские вырежут всю деревню и сожгут наши дома!

Все согласились, что так и будет.

– Тогда надо убить их сейчас, – подытожил Морисита. И обратился к молодым:

– Убивать пойдете вы втроем. Отец вас подвезет до самого дома Хасегавы.

Юноши согласились. Им все равно надо было возвращаться к семьям, так как предстояло перемещение к новому месту эвакуации.

Когда старик напился чаю, сын проводил его до самой дороги. Юноши уселись сзади на край телеги и так доехали до самого места. Морисита Киоси выполнил сыновнюю просьбу: остановил лошадь недалеко от дома Хасегавы. Он остался доволен молодыми спутниками, которые вежливо поблагодарили его за услугу.

Хосокава Такеси первым пошел к дому, громким голосом, похожим на голос старшего брата, вызвал женщину на улицу и сказал:

– Вам велено идти с нами.

Он не пояснил, кем велено и куда надо идти. Женщина ни о чем не спросила.

Через минуту они вышли. Женщина вела за руку дочь, хотя ей было лет тринадцать, может, чуть больше. Мать, видно, хотела иметь хоть какую-то опору для себя или самой стать опорой для дочери.

Но Хосокава их развел.

– Идти надо так.

Он взял девочку за руку и передал Чибе, а сам повел женщину. Корейки покорились и так пошли дальше в горы: впереди Чиба Моити с девочкой, немного сзади – Судзуки, шагах в десяти за ними – Хосокава Такеси со своей пленницей.

Едва Чиба взял девочку за маленькую руку, как совсем неожиданно ощутил в себе волнение. Он глянул сбоку на девочку, на ее тщедушную фигурку, поношенное чогори, грязноватое момпэ, на перепуганное покорное личико, тронутое конопушками, и никак не мог объяснить, почему это существо сумело его так растревожить. Значит, в нем не было каменного сердца, настоящего японского духа, твердого характера, если он оказался таким слабым. Однако желание, которое распаяло изнутри, никак не проходило. Чем дальше они шли, тем сильнее оно растекалось по всему телу. И тогда он решил его пресечь. Быстро свернув с дороги на едва заметную тропинку, он прошел десять метров и полоснул ножом свою спутницу. Нож, направленный в спину, как-то странно соскользнул и сильно задел лишь бедро. Девочка зарыдала в голос так, как обычно плачут девочки от нанесенных мальчиками обид, и закрылась тоненькой рукой. Судзуки сзади стукнул ее рукоятью по темени. Женщина, увидев, что ее дочь убивают, закричала. Все матери кричат одинаково, когда над их детьми висит смерть, – дико, иступленно. Она рванулась, чтобы спасти дочь. Но она была маленькой, худенькой, а ее стражник был натренированным, сильным. Он успел упредить ее ударом кинжала в спину. Женщина сразу же упала. Хосокава вонзил кинжал вдругорядь – удар пришелся под правую лопатку. Тогда он ударил в третий раз – под левую.

Теперь со всеми корейцами в деревне Мидзухо было покончено.

* * *

Из протокола допроса обвиняемого Чиба Моити 14 августа 1946 года: «На предыдущих допросах я показывал неверно о том,

что в доме Маруямы кроме меня и Хосокавы Такеси якобы непосредственное участие в убийстве женщины и детей принимал Морисита. Такие показания давать на следствии мы с Хосокавой договорились для того, чтобы уменьшить количество убитых нами корейцев и тем самым облегчить свою вину...»

Из акта судебно-медицинской комиссии

«При снятии верхнего слоя почвы на глубине 20-25 см показались в беспорядке лежащие друг на друге трупы. Сверху лежит труп ребенка... При исследовании трупа обнаружено: грудная клетка разрушена, кости груди, верхних конечностей имеют множественные переломы, на черепе имеются два дырчатых пролома, проникающих в полость черепа... Установлено, что труп мужского пола в возрасте 4-5 лет. Рядом с этим трупом лежит второй труп, рост трупа 125 см, на груди у трупа обнаружены две сквозные колотые раны – на черепе в области теменной кости дырчатый пролом, проникающий в полость черепа... Труп женского пола 8-10 лет. Рядом с этим трупом лежит третий труп ребенка, рост 110 см, женского пола, возраст 6-7 лет. При исследовании обнаружены – дырчатый пролом черепа, множественные колотые раны груди и живота. Ниже, под этими трупами, лежит четвертый труп, рост 90 см, женского пола, в возрасте 3-4 лет. Теменная часть черепа разрушена, в области шеи справа, несколько ближе к ключице, резаная рана. На дне ямы лежит труп взрослой женщины лет 35-37. На черепе трупа слева в области височной кости рубленый дефект, проникающий в полость черепа. На шее две колотые раны. Слева множественные переломы ребер. На животе две сквозные колотые раны. При исследовании трупа ребенка установлено: труп мальчика в возрасте 5-6 мес., в области груди и ягодицы колотые раны».

Зона жестокости

Не вызывает сомнения, что организатором и вдохновителем кровавой расправы над корейцами в деревне Мидзухо явился Морисита Ясуо. Орудийные выстрелы в Маока разбудили его, и он, верный служака императорской армии, насквозь пропитанный воинственным духом, по своему воспитанию, боевому опыту, званию и положению обязан был действовать. В его понимании действовать означало уничтожить врагов. Но противник, наступавший с севера, находился вне зоны досягаемости, еще даль-

ше были американцы, и тогда врага он обнаружил рядом. Его обожгла мысль, что корейцы, третьесортные существа, могут обрадоваться приходу русских, что они посмеют оскорбить лично его, унтер-офицера императорской армии, что они будут потешаться над японцами, унижать, грабить, насиловать, даже убивать их, то есть делать то, что делали японцы в отношении корейцев, – нет, это вынести Морисита не мог!

Мысль, воспалившую его мозг, превратить в действие бывалому воину не составляло особого труда. Не найдя поддержку у полицейского Исэда Рюдзиро, он получил ее у Хосокавы Хироси. Отставной ефрейтор, ведя военные дисциплины в школе, приглашал Мориситу на занятия как более авторитетное лицо. Оба они являлись в деревне представителями императорской армии, были ее лицом, гордостью, примером для молодежи. Их действия и речи не подвергались сомнению.

Читателю, желающему глубже вникнуть в морально-боевой дух императорской армии, рекомендую роман японского писателя Хироси Нома «Зона пустоты». Десятилетия назад роман взволновал всю Японию, был переведен на многие языки, в том числе и на русский. Спокойно невозможно читать это горькое повествование о том, как армейские порядки, муштра, сопровождаемая мордобоем, превращают вчерашнего крестьянина, рабочего, торговца, ремесленника в существо покорное, бездушное и одновременно жестокое. Жестокость выдавалась за храбрость и всячески поощрялась. Резня на улицах Пекина и Шанхая, зверские казни в Бирме, Индокитае, на Филиппинах, в Индонезии вознаграждались материально и морально.

«Армия – это зона пустоты», – делал вывод один солдат из романа. «Казарма взвода превратилась в мрачное логово, где процветала жестокость», – говорит другой. «Командир взвода – зверь», – пишет третий.

Но нет страшнее унтер-офицера, его власть над солдатами безгранична.

В казарму, жившую по режиму военного времени, была превращена вся страна, а на воспитание ефрейторам и унтер-офицерам отдан весь японский народ. Вот почему в эпицентре событий оказались Морисита Ясуо и Хосокава Хироси. Оба они распоряжаются в деревне точно так же, как хозяйничали бы в казарме. От них исходит инициатива расправы, они объявляют мобилизацию.

Им безоговорочно подчиняются старшие возрастом крестьяне – Чиба Масаси, служивший в императорской армии с 1923 по 1925 год, уволенный ефрейтором; Курияма Китидзаемон, тоже отставной ефрейтор, служивший с 1925 года по 1927-й; упоминаемый участник войны в Китае Нагаи Котаро. Что же говорить про молодых – те ловили каждое слово Мориситы и Хосокавы.

В период, когда военщина набирала силу, как раз после покорения Маньчжурии, французская журналистка Андре Виолис побывала в Японии. Вот как она изложила систему военного воспитания: «Возьмем среднего ребенка, мечтающего, подобно подавляющему большинству японских детей, вступить в военное сословие, которое является наиболее почетным сословием в стране Ямато. Такой ребенок, как и все японские дети, проходит сначала начальную школу и затем среднюю – в обеих этих школах он получает образование, целиком проникнутое духом патриотизма... Очутившись в кадетской школе, юноша в течение четырех лет будет проходить чрезвычайно усовершенствованную техническую учебу. Его тренируют, особенно и прежде всего по кодексу бусидо, духом которого он должен проникнуться весь без остатка... Бусидо переводят: «дух бойца»... Это – культ, культ особы императора, посланника неба, воплощающего в себе и символизирующего нацию в целом. Он крепился в древнейших традициях страны и в сердцах лучших военных людей. Ему дали только новое имя и преобразовали в «кодекс точной морали», который ни один японец не смеет нарушить или переступить. Этот кодекс диктует возврат к простоте жизни, простоте душевных восприятий, предписывает абсолютное бескорыстие, чувство отвращения к деньгам, готовность жертвовать собою для династии и отечества».

Правда, про отвращение к деньгам писано для простаков. В 1929 году предали суду за взяточничество не кого-нибудь, а генерал-губернатора Кореи Яманаси Хондзо. Хироси Номэ в своем романе пишет: «Роты трепетали перед канцелярией интендантства и начальниками складов... Имя поручика Симосэ повторялось во всех уголках полка. Он отстроил себе на главной улице новый, довольно большой дом. Поставщики туда уже валом валили, открыто приносили дары: мебель, посуду, дрова, уголь, овощи... Прямо на квартиру командира полка направляли мясо, рис, дрова, уголь, разное имущество».

Упомянем несколько деталей из событий в Мидзухо. Из дома

корейца Мацуситы Дзиро убийцы забрали постель, два мужских плаща, а Какута Тиодзиро без особого стеснения носил костюм убитого им Нацукавы.

Вернемся к воспитанию японских детей. В декабре ежегодно отмечался во всех школах день императорского рескрипта об образовании. Та торжественность, с которой проводилась церемония праздника, святость, трепет способствовали тому, чтобы слова рескрипта воспринимались как молитва: «Неизменно следовать законам государства и установкам правительства, в чрезвычайной обстановке на деле доказать беззаветную преданность императору и его роду, почитая за счастье отдать за них свою жизнь».

После торжеств наступали будни: учеба, тренировки, муштра, резкие команды преподавателя военных дисциплин. Показателен в этом отношении протокол допроса свидетеля Мацуяма Киоси, 1892 года рождения, уроженца города Хиросаки префектуры Аомара, работающего директором начальной школы дер. Мидзухо. Документ датирован 13 августа 1946 года. Сделаем из него извлечение.

«Согласно положению молодежной организацией «Сэйнендан» руководил я, директор школы, руководителем военной дисциплины являлся Хосокава Хироси. Хосокава Хироси отличался большой требовательностью и строгостью к своим воспитанникам. Иногда в помощь Хосокаве Хироси привлекался унтер-офицер Морисита Ясуо, но он в штате не состоял. «Сэйнендан» ставила своей целью воспитание молодых японцев в духе преданности императору, повышение знаний молодежи, физической закалки. В общем, «Сэйнендан» проводила допризывную подготовку молодежи. Членами «Сэйнендан» в обязательном порядке являлись все молодые люди мужского пола в возрасте от 16 до 20 лет и женского пола от 14 до 24 лет, но их участие в «Сэйнендан» не было обязательным... В соответствии с положением о «Сэйнендан» преподаватель военных дисциплин по отношению к остальным преподавателям являлся старшим».

Обратим внимание на последнюю фразу. Двадцатилетний Хосокава Хироси, имеющий образование 6 классов, выше дипломированных педагогов. И это закономерно: Япония много лет ведет непрерывные войны, фронты растянулись от Северных Курил до Австралии и требуют все новых и новых пополнений. Кто их подготовит? Разумеется, вчерашний ефрейтор, отставной

унтер-офицер. Таким образом, и здесь, в глухой деревне господствуют казарменные порядки. Вспомним, как у сарая Конбэ убивали последнего корейца и Хасимото Сумиеси заробел. Хосокава, выругавшись, замахнулся саблей не на корейца, которого легко мог убить сам, а на Хасимото. Хасимото, боясь, убивает. Чего он боялся? Всего: боится убивать, боится крови, боится Хосокавы, презрения всей толпы, которая пристально следит за ним.

Вся система воспитания – от молодых ногтей до зрелости – формировала убежденных солдат. Курису Набору, зная, что ему грозит, на судебном процессе заявил: «Совершая убийство корейцев, я полагал, что мы поступаем правильно, и сейчас считаю, что мы тогда поступили правильно».

В заключение требуется добавить: нет ничего удивительно в том, что отставной унтер-офицер Морисита в небольшой деревне создал «зону жестокости» и устроил резню людей «третьего сорта». Бывший ефрейтор Адольф Гитлер сотворил то же в масштабах Европы, мобилизовав для бойни миллионы людей, вооружив их новейшим оружием и убедив, что им покровительствует сам Бог.

В обоих случаях заблуждение было одинаковым: избранные должны властвовать над недочеловеками.

Давно нет ни Гитлера, ни Мориситы, а заблуждение продолжает господствовать. Доказательства тому – разгром Ирака, бомбардировки Югославии, пылающая Северная Африка. Пока эта книга выйдет, та же участь может постигнуть Сирию... Беда одна не ходит.

Путы страдания

*Знайте, отныне
Вы – дикие гуси Японии...
Спите спокойно!*

Исса (1763-1827 г.)

Расплата пришла в разгар лета. 16 июля 1946 года многие вздрогнули в деревне: были арестованы братья Хосокава, Киосукэ Дайсукэ, Чибэ Масаси, Какута Тиодзиро, Нагаи Котаро, Митинака Тадао и Хасимото Сумиеси. Через три дня в сопровождении

охраны прибыла большая комиссия, состоявшая из офицеров, вызвали старосту, велели обеспечить явку понятых. Самых японцев заставили раскопать прошлогодние захоронения. У Куриямы Китидзаемон прямо на огороде копали его сыновья. Сам он ходил откровенно, топчя огородину, и никак не мог объяснить, почему тут закопан труп корейца. Через день комиссия велела копать в другом месте, в последующие дни вскрывали новые ямы. И каждый раз понятые сокрушенно качали головами и произносили: «Ёку! Ёку! Плохо!»

2 августа прошли новые аресты – увезли еще восьмерых. 8 августа приехали за Судзуки Масаиоси. На второй день забрали Касивабару Дзюнси.

Следствие не затянулось, и уже 9 сентября было составлено обвинительное заключение. 26 сентября началось закрытое заседание военного трибунала. Если учесть, что суд длился в пределах 13 часов 30 минут с перерывами на обед и ужин, что члены суда и подсудимые общались через переводчика, то на одного обвиняемого времени приходилось не более получаса. Записи в протоколе предельно скупы, схематично они выглядят так: «Признаете ли вы себя виновным в совершении таких-то преступлений?» – «Да, я признаю, что такого-то числа при таких-то обстоятельствах совершил то-то и то-то».

В ноль часов 30 минут 27 сентября 1946 года подсудимым огласили приговор: семерым – высшая мера – расстрел, остальным – лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на десять лет. И тому, кто убивал, и тому, кто всего лишь кричал у сарая Конбэ: «Кореец бежит! Кореец бежит!»

Приговор был окончательный, обжалованию не подлежал, лишь осужденные на смерть могли просить о помиловании. Формальности были соблюдены, апелляция подана.

В дело № 00116 подшита выписка из протокола заседания Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1946 года за № 108/44сс. Постановляющая часть гласит: «Оставить в силе приговор о применении высшей меры наказания к Хосокава Хироси, Киосукэ Дайсукэ, Курису Набору, Чибя Масаси, Хосокава Такеси, Чибя Моити, Нагаи Котаро».

26 февраля 1947 года во Владивостоке они были казнены. В список тех, кто не вернулся домой, добавили еще двух человек. В деле имеется акт о том, что «находившийся на лечении в больнице

Какута Тиодзиро, рождения 1909 года, умер 28 августа 1948 года от туберкулеза легких». В другом документе сообщается о смерти Касивабары Дзюнси, последовавшей 5 января 1949 года в Красноярском лагере.

Вряд ли своей смертью умер и Морисита Ясуо. В свидетельских показаниях мимоходом сообщается: после убийства детей он облачился в военный мундир, нацепил саблю и ушел вместе с эвакуированными в сторону города Рудака. Скрываться он и не думал, свою воинственность выставлял напоказ, ища смерти, так как в мирной жизни делать ему было нечего. Предположительно он вступил в конфликт с нашими военными, не пожелал сложить оружие, был схвачен и расстрелян. Скорее всего сообщение о нем прошло по какой-то другой линии.

Итак: за содеянное, как популярно выражались в те времена, убийцы получили по заслугам, с ними поступили по всей строгости закона. Зло было наказано. Справедливость восторжествовала.

Однако торжеству мешает целый ряд обстоятельств. Налицо трагедия не только убитых, но и убийц. Меч оказался обоюдоострым: одной гранью он поразил жертву, другой – убийцу. Под расстрел пошли братья Хосокава, Чибя Масаси и Чибя Моити – отец и сын. Нагаи Котаро оставил на произвол судьбы престарелых отца и мать, 24-летнюю жену, трехлетнюю дочурку, кучу братьев и сестер в возрасте от 4-х лет до 21 года. Без хозяина осталась семья Какуты Тиодзиро: мать 69 лет, 36-летняя жена с пятью детьми от одного года до 13 лет. Из семьи Куриямы в Красноярский лагерь пошли отец и сын, оставив на руках жены и матери шестерых детей. Весьма престарелыми были родители Судзуки Масаиоси, а на их плечи легла забота о пятерых детях. Юный Нагая Акио просил суд о снисхождении: больные родители, три брата от 2 до 8 лет, три сестры от 10 до 17 лет – что их ждет, если он единственный работник в семье? А как в преступную авантюру завлекли Муфинэ Эцуро, не мальчика – отца шестерых детей, сына старых больных родителей, возрастом 41 года? Уж как просил его отец не ходить на преступное дело – не послушал. К семье вернулся лишь через десять лет. Дождались ли его родители?

И никак не обойти проклятых вопросов: ради чего понадобились такие жертвы с обеих сторон? Ради какой великой идеи одни убили других, а потом сами пошли на казнь? Не было никакого

смысла и никакой идеи. Неумная злоба ослепила людей, затмила рассудок, и они поверили Морисите, заодно убедили сами себя, что, уничтожив корейцев, спасут свои семьи от надвигающейся опасности. Они боялись прихода чужеземцев, полагая, что те с ними и их семьями поступят так же, как они поступали с мирным населением в покоренных странах.

Опыт свидетельствует: в войнах больше всего страдают не военные преступники, даже если их настигает возмездие, а мирные жители. Откроем «Историю современной Японии» Иноуэ Киёси, Ононоги Синдзабуро, Судзуки Сёси: «Бесчеловеческие бомбардировки американцев не пощадили ни жилищ, ни больниц, ни школ. Пятьдесят процентов домов в Токио, Осака и других крупных городах были разрушены до основания. Многие мелкие города, которые не имели никаких военных объектов, были уничтожены почти целиком. Всего в стране в результате этих бомбардировок было сожжено и разрушено 2 миллиона 280 тысяч домов. Только 10 марта 1945 года во время ночного налета на восточную часть Токио погибло более 100 тысяч человек. Те, кто видел забитые трупами дороги, вздувшуюся от мертвых тел реку Сумида-гава, никогда не забудет этой ночи».

А Хиросима? А Нагасаки? Разве там погибли одни лишь демоны зла? Возмездие обрушилось совсем не на того, кто был виноват: на детей, женщин, стариков, рабочих, служащих, учителей, врачей, кулинаров – они за что должны были расплачиваться? Разве они посылали авианосцы к Перл-Харбору? Неужто их боль, кровь, слезы, душевные муки кому-то облегчили собственное страдание? Теперь пусть почувствуют вкус собственных слез? Пусть дети и женщины Германии плачут, как исходили слезами мы и наши матери в России, на Украине, в Белоруссии?.. Кровь за кровь, смерть за смерть, вашим детям за наших детей? В Тихоокеанской войне погибло 3 миллиона 150 тысяч японцев – неужто на каждом из них клеймо военного преступника?

Но то были еще не все жертвы. После войны в Микронезии американцы судили военных преступников. 31 марта 1949 года по решению американского суда повесили военного врача Уэмурю. Он умерщвлял американских военнопленных. Дома ждали его жена и пятеро ребятишек. Перед казнью он написал письмо жене и стихи детям. Вот строки из него: «Ёсизэ, я горячо люблю тебя, я горячо люблю старенькую маму, я горячо люблю наших малы-

шей. Ёсиэ, много лет ты была мне ласковой женой, мудрой матерью, ты столько сделала для меня! Пройдет время, наступит день, и мы, Ёсиэ, улыбаясь, скажем нашим пятерым детишкам: «Отвечая за своих подчиненных, ваш отец принял смерть».

Из письма встает облик прекрасного сына, мужа, отца, глубоко порядочного человека. Однако этот порядочный человек (я в этом нисколько не сомневаюсь и поэтому слова не беру в кавычки) приложил руку к умерщвлению американских военнопленных, которые оказались обузой для осажденного гарнизона. Пусть делал он по приказу, а все-таки делал, умерщвлял! Уэмура признал свою вину и пошел на виселицу. Неужто опять, вопреки всему, совместились гений и злодейство, порядочность и бесчеловечность?

Я помню, как в начале лета сорок третьего года к нам в хату пришел Ганс, немецкий военный летчик. Не знаю, что связывало его с нашей семьей. Но изредка он бывал у нас, рассказывал о себе, показывал, доставая из внутреннего кармана, фотокарточку, где были сняты женщина и две девочки. Девочки походили на ангелочков, даже не верилось, что такие могут быть в жизни.

На этот раз летчик был бледен, невесел. Мать спросила его:

– Что с тобой, Ганс? Ты так давно к нам не заходил.

– Летал бомбить, matka. Ваши сбили меня, долго лежал в госпитале.

И он стал рассказывать, мешая русские слова с немецкими, как самолет загорелся, как в пламени и дыму он выбирался из кабины, как истекал кровью. И наша мама, у которой летом сорок первого гестаповцы арестовали мужа, нашего отца, у которой сын, наш старший брат, воевал где-то, у которой зятя были на фронте, и мы даже не знали, живы ли они все, наша мама сказала:

– Хорошо, что хоть не убили тебя.

И мы все пожалели Ганса и никак не могли представить его нашим врагом.

Мать спрашивала Ганса:

– Зачем же ты летаешь? Не летал бы. Другой бы не полетел, третий, глядишь, и войны бы не было.

– Нельзя, matka. Посылают.

– Ну уж если полетел, так сбросил бы бомбы в поле, где ничего нет.

– Я не один летаю. Я должен хорошо бомбить, иначе меня расстреляют.

Диалог этот не придуман задним числом. Напротив, каждый из нас, кто жил в оккупации, может вспомнить тысячи подобных. Для нас тогда было великой тайной (многое мне непонятно по сей день), как это так выходит, что человек, который не хочет воевать, вынужден идти на войну и там убивать, становиться при этом профессионалом? Как это получается, что Ганс и Уэмура, будучи каждый в отдельности хорошим человеком, попав в водоворот войны, совместно с другими стали убийцами, преступниками?

На страдания нас обрекают правители, которым мы чаще всего одобрительно рукоплещем. Они тайно, скрыто от народа сначала хорошо отлаживают, потом запускают механизм войны. А далее этот механизм заставляет принимать законы о всеобщей мобилизации, о расстреле непокорных, о скудных пайках, об ограблении чужих и своих народов, диктует людям линию поведения. На страницах «Войны и мира» Л. Н. Толстой писал: «Началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие. Миллионы людей совершали друг против друга бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов, убийств, которых в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые, в этот период времени, люди, совершившие их, не смотрели как на преступления».

Логика войны мобилизует весь арсенал идеологических средств: в песнях и стихах славят героев, клеймят позором трусов и от каждого требуют исполнить свой долг.

Мы наивно думаем, что там, наверху, сидят и отдают приказы именно те люди, которые знают, как нам надо жить.

Лишь потом, после кораблекрушений, к нам приходит горькое разочарование. Оказывается, у тех, кто затевал войну, человеческих пороков, корыстных устремлений неизмеримо больше, чем у тех, кого они посылали на поле битвы.

Один из персонажей повести «Реквием» японской писательницы Судзуки Го рассуждает: «...Для обыкновенного человека война нечто вроде бури. Она налетает независимо от нашей воли, разносит в щепки всю нашу жизнь и в один прекрасный день уносится прочь. И хотя каждый из нас, отдельных представителей народа, так или иначе участвует в войне, начинаем ее и кончаем не мы».

Простым людям остаются ожидания и слезы. Ждали мы своего отца всю войну, ждали даже после того, как мать вызвали в район-

ный центр и официально сообщили, что он был расстрелян гестаповцами еще в октябре сорок первого. Подобно нам, ждали миллионы наших вдов и сирот. А там, дома, ждали Ганса, Уэмуру.

В древнем японском плаче говорится:

И отец, и мать,
И жена, и дети там
Верно ждут, когда придет,
Неотступно глядя вдаль...
Вот она, печаль людей!

Печаль эту в конце концов утешили в семье Судзуки Хидео. Военная коллегия Верховного суда СССР 15 июня 1953 года определила досрочно освободить его «от дальнейшего отбывания наказания». 27 ноября он был освобожден, а 4 декабря отбыл из Находки в Японию. В апреле 1955 года уехал на родину Хасимото Сумиеси. К концу того же года большая семья дождалась Курияму Китидзаемон. В начале марта 1956 года был репатриирован Митинака Тадао. Через десять лет после суда родные увидели дома Муфинэ Эцуро.

А где-то по-прежнему ждут и плачут. Плачут одинаково корейки, японки, немки, русские женщины и дети. Погибшие и казненные им оставили боль за свои раны и грехи.

Путь жизни мгновенен, а пути
Страдания вечны. —

так сказал когда-то Каннами Киёцугу.

Страдания остаются живым.

Чем дальше уходят события Второй мировой войны, тем жарче вокруг них разгораются споры. Теоретики и статисты оперируют гигантскими цифрами, которые затмевают маленького человека с его трепетным сердцем. Что там двадцать семь корейцев на фоне миллионных потерь?

Что ж, умом я понимаю, что двадцать семь миллионов человек бывшего Советского Союза, убитых, расстрелянных, погибших в плену, сгоревших в танках и самолетах, печах крематориев, утонувших вместе с кораблями, взорвавшихся на минах, растерзанных собаками, умерших на госпитальных койках, павших смертью храбрых в кровавых атаках, — это море человеческих бедствий. По сравнению с ним смерть моего отца — микроскопическая доля. К тому же он не совершал никаких героических деяний, даже не сделал попытки убежать, когда его забирали геста-

повцы. Ему было без малого шестьдесят, никакой угрозы фашистскому режиму он представлять не мог. Но его арестовали, посадили в тюрьму, потом расстреляли. Может, за то, что он был участником Великой Октябрьской социалистической революции; возможно, в порядке выполнения гитлеровского плана по уничтожению славянских народов.

Так вот: когда говорят о многомиллионных жертвах, я вспоминаю прежде всего вот эту самую «малость» – родного отца. Сам теперь, превзойдя его тогдашний возраст, я с потаенной сердечной болью думаю, что под дулами вскинутых винтовок он думал обо мне, потому что я был самым младшим его ребенком. Он не раз говорил окружающим, поглаживая мою голову:

– Вырастить, выучить бы, тогда и помирать можно...

Я вспоминаю зарезанного карателями старика Ивана Степановича, бабушку Матрену, сгоревшую в собственной хате, нашего соседа-однофамильца Сергея, погибшего в звании капитана артиллерии. Сергей перед войной спас меня во время ледохода, когда старое набухшее пальтишко задержало меня всего на минуту среди трущихся льдин.

Неужто кто-то посмеет упрекнуть меня в этом?

У каждого в той войне свой погибший отец или брат, сын, свое страдание, свои муки. Убитые в Мидзухо ведь тоже были для кого-то родными. Давайте примерим на себя чужую боль, и мы тогда не станем рассуждать, с какой цифры начинать отсчет печальных жертв.

Работая над этой книгой, я слышал не раз пожелание о том, чтобы установить памятник жертвам той трагедии. Но где – в глухих распадках?

Выручил старожил Пожарского Михаил Федорович Рыбачук, определивший без раздумий:

– За мостом через речку Окуловку высится холм. С него видна долина реки Лютоги, распадок между хребтами, где когда-то находилось поселение Урасима. К холму есть два подъезда с трассы, соединяющей западное побережье с областным центром. Надо там лишь планировку сделать.

Тогда еще существовал совхоз «Чаплановский», и старанием его специалистов, механизаторов, водителей необходимые работы были произведены. Завезена даже плодородная почва. 12 мая 1992 года туда доставили саженцы, приехали люди из Пятиречья, Чапланово, Пожарского, и мы принялись за работу. Трудились юные

школьники, имевшие смутное представление о причинах трагедии, пожилые корейцы, помнившие в деталях жизнь при японцах, рядом оказались русские, украинцы, даже японец, представлявший телекомпанию Эн-эйч-кэй. Мы тогда высказали простую и ясную мысль: спасение человечества в дружбе людей, в их созидательном труде на общее благо.

Было решено: как только установят тут памятник, мы посадим возле него три дерева: корейскую сосну, японскую сакуру и русскую березу – любимые деревья трех народов. Пусть по весне цветет сакура, летом красуется белоствольная береза и вечно зеленеет сосна.

Выдающийся ученый и поэт средневековой Кореи Сон Сам-мун сказал:

Если спросишь, кем я стану
После смерти, – я отвечу:
Над вершиною Пэнляя
Стану я сосной высокой.
Пусть замрет весь мир под снегом,
Зеленеть один я буду.

Письмена на сердце

*Набежала волна
и отхлынула в море, стирая
письмена на песке, –
кто сотрет письмена печали
в безутешном скорбящем сердце?*

Ёсии Исаму (1886–1960)

2 сентября 1945 года правительство Японии подписало акт о безоговорочной капитуляции. Южный Сахалин и Курильские острова отошли к Советскому Союзу. Победа – это трудная ноша. Победители брали на себя ответственность за охрану освобожденных территорий, производственных объектов, за жизнь и здоровье мирных граждан Японии, а также пленных, которых требовалось обеспечивать в соответствии с нормами, установленными Советским правительством. В этом отношении командование 2-го Дальневосточного фронта и Гражданское управление

Южного Сахалина проделали огромную работу, в частности, суровыми мерами пресекали попытки насильственных действий в отношении японцев. Японское население подлежало репатриации, и советских людей призвали заселить новые земли. Десятки тысяч переселенцев и вербованных поехали на южный Сахалин. Прежние еще не убыли – новые прибыли, и история поставила интереснейший эксперимент: тем и другим пришлось соседствовать и сотрудничать некоторое время.

Дипломатия на бытовом уровне

Было время, когда наши «корабли мира» часто навещали южных соседей. Мне однажды рассказали про одну из таких поездок. Встретили сахалинцев хорошо, были улыбки, цветы, рукопожатия, приветственные речи и застолья.

Приготовили хозяева и сюрприз, какого гости не ожидали. Пожилые японки пришли с необыкновенными реликвиями: они повязали головы красными косынками и развернули почетные грамоты. Грамоты отпечатаны были на простой бумаге, единственным украшением на них являлся портрет Сталина в обрамлении знамен. Японки рассказали, что наградили их за успехи в социалистическом соревновании по выполнению плановых заданий первой послевоенной пятилетки. И они, подданные Японии, внесли свой посильный вклад в выполнение советских планов, справляясь со своими личными обязательствами досрочно. Работать они пошли ради чашки рису и были ошеломлены, когда на собрании им вручили эти грамоты, косынки и денежные премии. Такое внимание руководства и обрадовало, и напугало их. Обрадовала высокая оценка их труда, а напугал возможный гнев русских товарок, которые таких успехов не добились, поскольку не обладали должными навыками. Но все обошлось, работницы не обиделись, а подружились, даже ходили друг к другу в гости, угощались, песни пели. С той поры косынки и грамоты они берегут как самую дорогую память о молодых годах, переполненных бурными событиями.

Сахалинцы с улыбкой смущения слушали откровения пожилых японок. О событиях того времени они имели весьма смутное представление. А ведь в истории нашего островного края однажды сложились уникальные обстоятельства, когда довольно

продолжительное время – от полутора до двух с половиной лет – жили бок о бок с японцами граждане Советского Союза. Бок о бок – не образное выражение, его следует понимать буквально. Люди, приехавшие по оргнабору и переселению, селились не только по соседству, а нередко под одной крышей, поскольку свободного жилья не имелось. Староста приводил прибывших в японскую семью, там потеснялись, освобождая часть комнат. У хозяина была большая семья, у нашего два–три сорванца, а дальше отношения складывались так, как подсказывал уровень человеческой культуры и понятие о правилах людского общежития.

Конечно, для японцев наш приезд был нашествием. Но они уже знали, что им предстоит покинуть обжитые места и вернуться в метрополию. Понимали они, что такие вопросы решались в самых верхах, и в отношении русских проявляли терпимость и такт.

Равно и большинство советских людей не ударили лицом в грязь. На уровне бытовом, производственном, повседневном и в силу этого самом сложном, где конфликт можно было раздуть из-за сущего пустяка, между нами и японцами сложились отношения взаимопонимания и добрососедства. Над формированием этих отношений трудились не дипломаты и политики, а рыбаки, крестьяне, учителя, железнодорожники, лесорубы, шахтеры, работники бумажной промышленности, домохозяйки, и они сумели без высокого штиля, заурядной бытовой прозой «написать» такие страницы, которые способны подняться до самых великих человеческих памятников. Здесь, на Южном Сахалине, где на время сошлись два потока, две идеологии, две культуры, две расы, два народа, находившиеся полстолетия в состоянии скрытой и явной вражды, трижды вовлеченные в тяжелые военные столкновения, здесь эти народы сумели достойно построить свою совместную жизнь.

Поведение японцев можно объяснить просто: они были запуганы массой советских войск, дислоцированных на Сахалине. Что ж, силой можно добиться покорности, послушания, подобострастной улыбки, низкого поклона, даже желания услужить. Но масса фактов свидетельствует о естественных мотивах человеколюбия. Шофер из поселка Яблочный, веселый здоровяк, рассказал, как его, безнадежно больного ребенка, выходила пожилая японка. По воспоминаниям его родителей, в течение двух недель она не отходила от его постели, лечила травмами, снадобьями, рискуя, в случае

если он умрет, вызвать не только гнев родителей, но и карающий меч властей. Об услуге ее никто не просил, она добровольно заняла место лекаря, ночной сиделки, родной матери, пришедшей в отчаяние от бессилия сельской фельдшерицы и отсутствия лекарств.

Японка вырвала простуженное ослабленное тельце из цепких лап смерти, а робкую попытку родителей оплатить лечение в какой-либо форме сочла для себя оскорбительной. Разве можно тут усомниться в человеческой доброте?

В Корсаковском районе на 1 марта 1946 года проживало: японцев – 14 250 человек; корейцев – 3 000 человек; русских старопоселенцев – 197 человек; вновь прибывших русских – 1 264 человека, украинцев – 87 человек, белорусов – 31 человек, евреев – 18, чувашей – 8, мордовцев – 8, татар – 20, поляков – 9, латышей – 2.

Из сообщения гражданского управления г. Отомари (Корсаков).

1 и 9 мая 1946 года были проведены митинги с участием японского населения. Выступили представители японских рабочих и интеллигенции, их выступления переводились. 2 мая во всех школах, русских и японских, состоялись утреники. В японских школах были проведены беседы, которые переводились на японский язык. Прошли концерты детской художественной самодеятельности. В мае прошел районный смотр художественной самодеятельности японцев. Первое место среди вокалистов занял работник Сахалинторга Набухаро Тосидами. В районе дано два японских концерта.

Из донесения замполита гражданского управления г. Маока (Холмск).

Деревня Футомата

В молодые годы я учительствовал в поселке Чапланово (бывшая деревня Футомата), бывал в семьях первых переселенцев, записывал их воспоминания. Поддерживал с ними связь в последующие десятилетия. Надеюсь, старые записи представят интерес для нынешнего читателя.

В деревню Футомата Ольга Васильевна Сулоева приехала с семьей летом сорок шестого. С тех пор много воды унесла река Лютога в Анивский залив. Ольга Васильевна овдовела, дети выросли, нарожали ей внуков. Память ее не сохранила всего пережитого за долгие годы, проведенные здесь безвыездно, но в ней оста-

лась удивительная ясность ума, живость речи, здравость суждений, приветливость к людям. О взаимоотношениях с японцами рассказывала охотно:

– Ничего плохого о них не скажу, врать не стану. Жили мы с ними меньше года, но жили хорошо, как добрые соседи, никогда не ссорились. Они нам молоко приносили, картошку, даже сахаром угощали.

– По какой цене продавали?

– Не помню. Ни у нас денег не было, ни у них, по-моему, бесплатно давали. Видели, что ничего у нас нет, приехали мы в заплатанных портках, так они просто жалели нас. Скажу, что и они жили без роскоши, зато жизнь их была какой-то налаженной. Они многое сами для себя производили. Сахарную свеклу выращивали, да так много, что тут, на станции, у них целые бурты собирали. Свеклу увозили на сахарный завод в Тойохару, а взамен им поставляли жом и сахар. Разве кто на Сахалине знает теперь, что такое жом? Поди и слова такого не слыхивали. А японцы подмешивали его в корм скоту, поэтому у них коровы много молока давали. Вообще, они о животных заботились: сена полно накашивали, корнеплодов вдоволь выращивали, сеяли рожь, пшеницу, ячмень, много клиньев под овес отводили. Корму хватало и лошадям, и свиньям, и птице. У них тут и звероферма была, и сады обильные. Одно время я сторожила сад, когда он колхозным стал. В нем росли яблони, сливы, вишни, полно было малины и гумии. Одной клубники собирали столько, что не успевали в город корзинами вывозить.

– Где же тот сад?

– Где сад? Вы еще спросите, где мельница, где клевера, где висячие мосты над речками. Извели все, уничтожили, раскурочили. Русскому Ивану ведь ничего не надо. Начальники вместо того чтобы с умом руководить колхозами, приезжали страшать нас. Скоро, мол, начнется выселение японцев, так вы не ходите по одному, проявляйте бдительность.

– Ну и что же, были случаи нападения на наших людей?

– Никаких случаев не было, слухом ни о чем не слыхивали. Ходила я одна повсюду: и на речку, и на сенокос, и на дальние огороды. Никого не боялась, никто меня пальцем не тронул. Если японец или японка встретятся, так раскланяются. С некоторыми семьями даже подружились, встречались, разговаривали. Они не-

множко по-нашему говорили, мы маленько по-японски, ничего, понимали друг дружку, потому что говорили о понятном – о земле, урожаях, о скотине. Хорошие люди были, так же, как мы, горбатились с утра до ночи, детишек растили. Честные были, никогда никого не обманывали, чужого не возьмут, даже если само в руки плыло. Уже перед самым их отъездом понес мой муж, царство ему небесное, мешок овса на мельницу. Японец приходит через день и говорит: «Вася-сан, заberi овес назад. Я его отшелушил, а раздробить не успею. Завтра мы уезжаем, так вдруг куда мешок пропадет». На другой день погрузились они с узелками в вагоны. Пошли мы провожать, попрощались по-хорошему. Они нам кланялись низко, руки пожимали. Мужчины махали нам, спрашивали: «Мадама, можно мы потом приедем, как разрешат?» Приезжайте, отвечаем, места всем хватит, веселее жить будем. Детей наших, как вырастут, переженим. Смеются они, а у некоторых слезы на глазах. Еще бы! Здесь они оставляли дома, дворы, животину, огороды, возделанные их руками. Только не мы же виноваты в тех слезах...

Подписка на заем 4-й пятилетки проходит на высоком уровне. По городу Маока из 1 650 русских на заем подписались 1 378 человек, из 3 750 японцев подписались 3 160.

Южно-Сахалинская область в первой декаде мая подписку выполнила на 172 процента. Управляющий заводом Тобудь Хонтоского района Киокай Ивая 5 мая 1946 года подписался на 10 тысяч рублей и тут же внес их наличными.

Из доклада начальника политотдела Гражданского управления П. Богачева.

За лучшую работу в сельском хозяйстве сельским старостам и крестьянским хозяйствам, обеспечившим полное и качественное выполнение планов сельхозработ, постановлением военного совета ДВО выделены премиальные фонды: карманных часов – 10 штук; резиновых сапог – 50 пар; гвоздей – 500 кг; табаку – 50 кг; керосина – 1 500 кг.

Из доклада начальника политотдела Гражданского управления П. Богачева.

В том же переселенческом эшелоне, в котором ехали Сулоевы, прибыл в деревню Футомата и тракторист Николай Андреевич Травин. Теперь в Чапланово многие носят его фамилию. Давно упокоилась мать-героиня Мария Васильевна Травина, ушел в

мир иной и сам глава рода, живут тут их дети, внуки и правнуки. Дети стали механизаторами, водителями, работали в совхозе, чем теперь занимаются – не знаю.

Интересен был взгляд Николая Андреевича на жизнь японской общины.

– Больше всего мне нравился порядок, какой был у них. Жили они небольшими хуторами, на хуторе был малый староста, а в центре деревни находился большой староста. Случись что-нибудь – в один миг поднимут людей, чтобы спастись от наводнения, пожара или еще какой беды. Случилось с человеком несчастье – староста тут как тут. Как раз такой случай произошел в ноябре сорок шестого года, на второй день праздника. Двое наших односельчан подвыпили хорошенько, да и решили сдуру грабануть японца, что жил на отшибе. Завалились к нему, тряхнули: «Дай сакэ! Дай денег!» Сакэ у него не нашлось, денег он не дал, скорее всего их у него не имелось, так они его избили и прихватили кое-что из утвари, чтобы пропить. Избитый японец пожаловался малому старосте, тот – на лошадь да в центр деревни к большому старосте, большой староста – к военным. Наши – вооруженных патрулей навстречу грабителям, за штаны их да в конверт, по четыре года припечатали... Зато и слушали старосту, скажет он слово – закон! Поэтому ни воровства, ни хулиганства у них не было. Случалось, поцапаются два соседа из-за чего-нибудь, так любой старик на них прикрикнет, они отвесят ему поклон и разбегутся. Вечером выпьют мировую – по чашечке сакэ и с утра спешат помочь друг другу.

Сорок шестой год мы кое-как пережили, а с весны сорок седьмого стали работать на их полях. Они уже знали, что уедут, поэтому землю не обрабатывали, но нам помогали. Не мог японский крестьянин сидеть без дела! Подружился я с одним японцем, звали его Таниока, был он примерно одних лет со мною. Он дал мне свою лошадь, инвентарь, помог вспахать и засеять два клена. Раньше мы сеяли из лукошка, потом бороновали. Таниока научил сеять через трубку. У них специально изготавливались такие трубки, через которые зерно высевается равномерно. Трубку эту прикрепляют к поясу, в емкость наподобие воронки засыпают зерно и таким образом засевают поле. Всходы получаются ровные, кустистые. Таниока перед отъездом предложил мне: «Бери моя **ума** (лошадь), она хоть и молодая, но умная, хорошо работать будет». Ло-

шади у японцев были крупные, сильные. На баях – это такие специальные сани для вывозки древесины – мы вывозили по двенадцать кубов. В те годы машина брала в два раза меньше, в бездорожье не годилась, а японский битюг прёт поклажу, только посапывает. Таниока думал, что хозяйствуем мы каждый сам по себе, и отдал мне свою лошадь. Только у нас к тому богатству отнеслись плохо. В какой-то год сено не заготовил колхоз, перегнали лошадей к мысу Крильон, там они бродили почти год, пока не пропали.

Жили мы с японцами хорошо, делились всем, что имели. Они носили нам молоко, картошку, капусту, а мы взамен давали то, что перепало нам по линии государственного снабжения: консервы, полотно, табак. Конечно, находились среди нас такие, что приношения японцев принимали как дань. Им сразу дали от ворот поворот. Жена Таниоки говорила моей: «Маруся, тебе дам молока и все, что есть, потому что ты не жадная, хотя у тебя детей много. А вот той мадаме не дам, потому что она жадная». Не особенно чем могли мы отблагодарить, но они ценили не то, сколько ты дал, а то, что готов поделиться последним.

Не хотели японцы уезжать отсюда, просили, чтобы их тут оставили. С ними и нам было бы легче обживаться, добро бы по ветру не пустили. А то ведь порастащили все. Что-то забрали военные, стоявшие в соседнем поселке, электромоторы мы снимали сами и забросили, сами же раскурочили вальцевальню. Не научились мы у них дисциплине, порядку, бережливости, уважительному отношению к старикам.

На Томаринском бумкомбинате, где основная масса – японцы, план работы выполнен на 110-115 процентов. Шахтеры шахты Тайо за систематическое перевыполнение плана добычи угля второй год держат переходящее Красное знамя. Много ударников среди японских рыбаков.

Из доклада начальника политотдела гражданского управления П. Богачева.

Кусочек детства

Теперь журналист Николай Иванович Савченко на заслуженном отдыхе, а в период его активной работы мы не раз вели разговоры о взаимоотношениях с японцами. Он вспоминал:

– Мне было девять лет, когда мы приехали на Сахалин. Впечатления от встреч с японцами были такими запоминающимися, что не померкли до сих пор. Прежде всего удивила их доброжелательность. У хозяина, где мы поселились в Невельском районе, были мать, жена, маленький ребенок. Нас угостили жареной соей, какими-то мучными изделиями, самодельными конфетами. Может, не такое уж это было богатство, но для нас, постоянно голодающих, оно оказалось невиданным лакомством. И все это делалось искренне, без заискивания, без желания угодить нам. А ведь мы были чужаками, гостями незваными. Когда мы немного освоились, то поразились дворику хозяина. Какой это был дворик! Украшали его карликовые деревья, гармонично сложенные камни. Но настоящим чудом оказался пруд, в котором плавали рыбки. Живые рыбки в пруду! Их кормили, ими любовались, часами созерцали. На все это мы таращили глаза, приходя в полное недоумение: как это так – просто любоваться? Для нас все имело практический смысл: деревья растут, чтобы по ним лазить, ломать ветки, рубить их на дрова; рыба существует для того, чтобы ее ловить, употреблять в пищу, кормить кота. До нас никак не доходило, что деревья, камни, рыбки могут доставлять эстетическое наслаждение. В той же степени удивило обилие посуды, всяких безделушек. Они тоже предназначались для украшения стола, жилища. Мы привыкли, в лучшем случае, к отдельной тарелке, а то приходилось есть из общей миски. Для нас важна была пища как таковая (побольше бы!), а из какой посуды ее есть – не имело никакого значения. Тут ставили на низенький стол несчетное количество разнокалиберных чашек, блюдец, различных по расцветке, каждое имело свое предназначенье, в каждой была своя снедь или приправа.

Но больше всего лично меня поразило то, что у японцев делалось для детей. Каждый японский ребенок имел все свое: обувь у него была по ноге, одежда – по росту. А мы, дети военных лет, донашивали то, что оставалось от старших братьев, а то носили штаны в заплатах, вместо пальтишка что-то невообразимое с торчащими клочьями ваты. Японский мальчик ходил на лыжах с ботинками, катался на коньках с ботинками. У нас мало кто имел лыжи, да и те разные – одна короче, другая длиннее, одна шире, другая уже. Коньки – один «дутьш», другой «снеговик» – прикреплялись к валенкам при помощи веревки и палки. У японского маль-

чика имелся свой велосипед, а у нас был один на всю улицу, учились мы на нем кататься по очереди, продев ногу под рамой. У нас взаимоотношения между взрослыми и детьми строились на окрике, шлепке, подзатыльнике. Нашим родителям всегда было не до нас: то они на работе, то отдыхают после работы, то какие-то разговоры ведут с соседями и отгоняют нас, чтоб не слушали, то выпивают – опять-таки не подходи к ним. Японцы, смотришь, всегда всей семьей, детей не наказывают. Отец мастерит что-то с сыновьями, учит своему ремеслу, ходит с ними наблюдать природу. Иногда японский мальчик что-нибудь отчубучит – у нас бы его отодрали как сидорову козу, а его мать и отец ограничатся замечанием и улыбкой.

Непродолжительное время мы росли вместе, играли, чему-то научились друг у друга. Когда они уезжали, то подарили кому велосипед, кому лыжи, кому пенал с карандашами. Расставание наше было по-своему трогательным, и доброе чувство детской дружбы по сей день находит во мне отзыв.

Моральное состояние японского населения – рабочих и крестьян – хорошее. Бригада Мацусита Ево план вылова рыбы выполнила на 216 процентов, бригада Сато Судзабуро – на 265 процентов, бригада Сузуки Сёзо – на 180 процентов. Но бывший хозяин завода сакэ Тэмэ Тоёдзи на одном из собраний в Кусюнае сказал: «Если я вернусь в Японию, то заявлю своему правительству, что у меня русские взяли завод, а денег за него и за оборудование не заплатили». Бывший мэр Кусюная сказал: «Пуркаев в листовках призывал население находиться на своих местах, всем японцам продолжать работать, а теперь хозяев лишили возможности иметь свои предприятия».

Из сообщения начальника отдела спецпропаганды политуправления 2-го Дальневосточного фронта подполковника Лисковца.

После пожара

Галина Александровна Черняева не раз рассказывала о том, как давным-давно приехала вместе с родителями в поселок Нитуй Поронайского района, как поначалу боялась японцев. Они совсем недавно воевали с нами, все поголовно были самураями и запросто могли зарезать детей.

Однажды, не в самый лучший для семьи день, от трубы заго-

релся дом. Дома японской постройки горели не более пятнадцати минут. Огонь мигом охватил потолок и стены, оклеенные бумагой, и в небо разом ударил огромный костер. Горящий дом японцы не спасали, а стремились спасти людей и отстоять соседние строения. Не оплошали они и в тот день – успели вынести детей и кое-что из утвари.

Пожар хуже любого вора: вор хоть стены оставит, а тут уничтожено было решительно все!

К счастью, в поселке оказалось пустующее жильё, и крышу над головой нашли быстро. Но не стало множества привычных вещей, которыми мы пользуемся ежечасно, не задумываясь об их значимости: ложек, тарелок, кастрюль, ведер. Кружки, чтобы воды напиться, – и той не оказалось! Ребятишки после пожара грязные, чумазые, а нет мыла, мочалки, бельишка для смены, никакой абсолютно одежки, кроме той, в которой их застал пожарный переполох. А на чем спать? А чем укрываться?

Первыми на помощь погорельцам пришли японцы – потянулись с узлами к месту их нового обитания. Несли посуду, продукты, толстые матрацы и одеяла, одежду, обувь, различную домашнюю утварь. Кланялись, выражали сочувствие. Пришли прежние соседи, бездетные муж и жена, выложили стопу отглаженного постельного белья, поставили горячего рису с рыбной приправой. Долго сидели, просили отдать им в дочки младшую сестру Галины Соню, к которой они успели проникнуться душевностью.

Новым соседом у них стал Тимура-сан. У него была дочка, ровесница Галины, дети быстро подружились, подружились и взрослые. Дети вместе бегали на речку, в лес за ягодой, зимой катались на санках да на лыжах. С помощью новых соседей семья занялась огородничеством: сажали картошку, капусту, сеяли табак. Жить с огородом стало намного легче.

Для наших переселенцев японцы оказались незаменимыми учителями. Наши не видели моря, не знали, с какой стороны подойти к кунгасу, как разобраться в путанице сетей. Японцы научили наших ставить ловушки, невода, управлять кунгасами, лодками, обрабатывать рыбу. У них вдоль всего побережья, через каждые 12-15 километров располагались рыбозаводы, туковарни, повсюду стояли чаны для засолки. Сами они изготавливали бочкотару, ящики для упаковки готовой продукции. Тут же находился ледник. В феврале-марте в него завозили горы льда, и холода хва-

тало до следующей зимы. Чему наши японцев научили? Наверное, и для них общение с нами было небесполезным. Только на поверхности всегда остается что-нибудь негативное. Бросалось в глаза, что японцы освоили русский мат. Случалось наблюдать ссоры японских мужчин: начинают препирательства вроде спокойно, потом распалются все больше, крик становится громче. Наконец наступает кульминационный момент: запускают русским матом, как булыжником, после чего конфликт считается исчерпанным. Наши поражали японцев употреблением спиртного. Японец чашечку саке смакует целый вечер – наш залпом опрокидывает стакан неразведенного спирту. Японцев учили, как перед этим выдох сделать, как запить водой, закусить. Потом вместе пели русские песни. При отъезде на прощание вместе выпили добре, песни спели, сплясали под гармошку. А бездетные соседи все никак не могли расстаться с мыслью об удочерении Сони. Со слезами прощались, все просили, чтобы отдали ее.

Прошу оставить на рыбозаводе, так как я не имею родных и знакомых на Хоккайдо, живу на Сахалине с 1927 года, то есть со дня моего рождения. Жил у приемных отца и матери, воспитывался у чужих людей. Считаю родиной Советский Союз.

Накамура, житель поселка Асанай.

Всего по Невельскому району заключено 67 договоров с японскими рабочими на 2-3 года. В районе выписывают 1 421 экземпляр газеты «Новая жизнь», которая выходит на японском языке.

Из отчета политотдела областного Управления по гражданским делам за период с октября 1945 года по 20 июля 1946 года.

Прерванная дружба

От поселка Муравьево, что был в Корсаковском районе, ничего не осталось. А место здесь историческое: 20 июля 1867 года рота 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона на восточном берегу пролива, соединяющего залив, названный именем майора Буссе, основала пост Муравьевский. У берегов здесь играли стада лососей, косяки сельди пёрли прямо на берег, ее можно было собирать корзинами. В озере Буссе нашли редчайшее растение – анфельцию, из которой производят агар-агар. На склонах пологих гор полно брусники, лимонника, красники. После 1905 года ря-

дом с русскими, оставшимися здесь, японцы построили поселок Тобути.

С приездом вербованных жизнь тут пошла веселая. Бригада прибрежного лова добывала сельдь, горбушу, корюшку, зимой – навагу, засольный и икорный цеха работали по двенадцать часов. Осенью наступало некоторое затишье, общественная жизнь перемещалась к клубу, куда кинопередвижка раз в неделю привозила кино, и к магазину, где торговали спиртным. После ноябрьских праздников выпадал снег. Зрелые мужчины и молодые парни уезжали на лесоучасток за двадцать километров – там начинался сезон лесозаготовок и вывозки древесины на нижний склад. «Длинный» рубль, за которым сюда приехали, на дороге не валялся, его приходилось зарабатывать. Семье, о которой пойдет речь, повезло хотя бы в том, что она поселилась недалеко от японца-врача. Новая власть ему запретила заниматься частной практикой, и он стал разнорабочим. У него установились дружеские отношения с соседями. Главу семьи назначили бригадиром хозяйственного подразделения, обслуживавшего внутренние нужды рыболовецкого предприятия. Бригада вела текущий ремонт жилья и производственных объектов, перевозила мелкие грузы на лошадях, содержала самих лошадей, а в разгар путины и добычи анфельции перебрасывалась в производственное пекло. Особенные дружеские отношения у японца сложились с младшей дочкой бригадира, которой минуло десять лет. Она его не забыла и до сих пор.

– Звали нашего соседа Такая. Не могу объяснить, что влекло его к нам. Отец его очень уважал, но отец выпивал, а японец был трезвенником. Тем не менее они почти каждый вечер сходились для разговора. Отец живо схватывал японский язык, наш друг сносно объяснялся по-русски, научился, видимо, у старожилов. Когда отца не было дома, Такая принимался помогать маме по хозяйству: воды наносит, дров наколет. А то затевал с нами игры. Ему было лет тридцать, у них с женой подрастало двое маленьких детей. Жену его мы видели редко, она казалась нам замкнутой, стеснительной. Она сидела дома, ее могла угнетать обида, что нам он уделяет больше внимания, чем собственным детям.

Мама у нас часто прибаливала, и Такая стал ее лечить. Он приносил свои лекарства, снадобья, ухаживал за нашей мамой, как за родной, и, надо сказать, вылечил. Всех он нас лечил от разных хворей, и лучшего врача нам не нужно было. Если случалось мне

выполнять какое-нибудь мамино задание, мой друг спешил на помощь. Часто мама меня посылала за молоком, а идти надо было далеко, на самый край поселка. Такая сажал меня на велосипед, и мы оборачивались в два счета. Случалось, отец долго не приходил с работы, и мама меня посылала за ним. Я бежала к своему японцу, и мы вместе шли на поиски. Обычно мы знали места, где компания собиралась пображничать и сыграть в карты. Чаще всего мы появлялись в самый азартный момент, но отец никогда не перерчил нам. Будучи человеком не очень сдержанным, он тем не менее ни разу не позволил какой-либо бестактности или грубости в адрес нашего соседа.

Такая стал для нашей семьи близким другом, и самым горьким для меня в ту пору стал день, когда я узнала, что он уехал. Ему так не хотелось уезжать, последнее время он приходил к нам грустный, как-то смущенно улыбался, будто виноват был в чем. Мы все разделяли его печаль, а я, слушая постоянные разговоры о репатриации, со страхом ждала часа разлуки. У меня была старшая сестра, два брата, они любили меня, я питала к ним искренние чувства родства, но привязанность к соседу была иной, какой-то новой. Детским сердцем я осознавала какую-то роковую несправедливость в том, что нашего соседа должны увезти. Обычно японцам сообщали день отъезда, а нашего соседа увезли ночью, так скоро, что он с нами даже не попрощался. Узнав об этом, я разрыдалась. Ревела я целый день, и меня дома никто не мог утешить и успокоить. Конечно, то были детские слезы, но я не стыжусь их и не отрекаюсь от них.

Всех односельчан поразила другая разлука, случившаяся в те дни. Недалеко от нас проживала семья, где было семеро детей. Отец у них был русский, из старопоселенцев, а мать – японка. Мы знали, что отец со старшими сыновьями останется в поселке, а мать с младшими детьми уедет в Японию. Я помню, с какой жалостью говорили про них, как недоумевали, почему такую большую семью надо разрывать, разлучать братьев и сестер, мужа с женой, отца и мать с детьми. Старшие сыновья уже были большими, мать хотела забрать с собою лишь пятнадцатилетнего, очень похожего на отца. Но уехать ему не разрешили. Кто был виноват в той драме, не знаю, но понимаю, каким тяжелым камнем она легла на душу и тем, кто остался, и тем, кто уехал. Увозили мать с младшими, как и других, ночью. Однако нашлись в поселке люди, дви-

жимые сочувствием или любопытством, которые пошли посмотреть сцену прощания. Они потом рассказывали, как жена и дети упали перед отцом на колени и замерли. Он поднял их, поцеловал трижды всех по русскому обычаю, и пошли они с узелками на катер. Не вообразить никому из нас, что было у них на душе, только расстались они молча, покорно, никто не взвыл, не забился в истерике. Долго потом отец с сыновьями стоял на ночном берегу. Давно стих катер, пропали огни в тумане, а они все стояли у пролива, как статуи.

Около 80 процентов всех репатриантов поселяются на постоянное место жительства в различных районах Хоккайдо. В 1947 году по всей Японии для репатриантов, прибывающих в Японию, должны были подготовить 20 тысяч домов, но за июль 1947 года подготовили лишь 400. 80 процентов репатриированных японцев являются безработными, не имеют ни хлеба, ни одежды, ни жилья. В г. Сасэбо 15 тысяч человек размещены в плохо оборудованном бараке. Газета «Хоккайдо симбун» от 18 июня 1947 года писала: «В г. Хакодате по улице Кайсио-мати имеется барак, где размещается 11 семей репатриантов. Цены за проживание очень высокие: 1,5 квадратных метра стоят 5 иен 20 ээн в месяц». Газета «Майнити симбун» от 9 июля 1947 года сообщает: «Все прибывшие репатрианты живут в старых конюшнях, земля до сих пор не распределена между ними, нет сельхозинвентаря, на семью имеется лишь одна мотыга и одна лопата».

Из сводки разведывательного отдела штаба ДВО от 18.9.1947 года.

Мы находились на Сахалине под руководством советской власти около двух лет. За то, что мы жили тут спокойно, мы благодарим власть, но меня тянет на родину, где я родился. Я знаю, что там сейчас тяжело живется, но все-таки это моя родина.

Из выступления старосты деревни Варенец на совещании японского актива в г. Долинске летом 1947 года.

Огромные перемены совершились с той далекой поры. Ушли в мир вечного покоя люди, начинавшие строить тут новую жизнь. История девочки, дружившей с японцем Такая, стала семейным преданием. Я не раз ее слушал, потому что девочка, вступив в пору молодости, стала моей женой. Трое наших детей уже сами стали родителями, старшая дочь имеет внуков, а мы – правнуков. И все эти были я адресую прежде всего им. Но питаю надежду,

что откликнется еще кто-то, кому не безразличны судьбы родного края. Глядя на те старые годы, мы не перестаем удивляться, как два народа, сойдясь на узкой полосе земли, сработались, подружились и расстались с добрыми чувствами. Оказалось, что все мы люди и одинаково чувствуем и горести, и радости, и у русского, и у японца одинаково трепещет сердце от любви и болит от разлуки. Как все это понятно и просто, хотя ценность таких истин не стирается от их очевидности. Вслед уехавшим мы шлем стих, который написал Одзава Роан более двухсот лет тому назад:

В далеком краю,
Где в чистые воды глядятся
Высокие горы,
Исчезнет, я знаю, бесследно
Вся скверна, осевшая в сердце.

Братья и побратимы, мужья и жены

*Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету.*
Исса

Миша Петрухин прибыл на Сахалин в июне 1946 года в составе семьи колхозных переселенцев. Десятилетнему мальчику запечаталось в памяти все: и долгое путешествие из Калужской области, разоренной войной, до Владивостока, и дощатые бараки на Второй Речке, и пароход «Гоголь», доставивший их в пыльный город Маока, и задымленные зевы сахалинских туннелей. Но самой поразительной оказалась встреча в городе Сикука. Везут новоселов в открытых кузовах «студебеккеров», а вдоль длинной улицы сплошной стеной стоят в темно-серой одежде японцы – дети, женщины, мужчины, старики, – и все поясно кланяются. Наши в полном недоумении: за что им, деревенским лапотникам, такая честь? Позже выяснилось, что так побежденные приветствуют победителей. Приезжие с ходу отвергли такую позицию.

– Бросьте вы кланяться! Мы предпочитаем рукопожатие. Против трудового народа Японии мы не воевали!

Переселенцы создали колхоз, присвоив ему обнадеживающее

название – «Новый путь», и принялись хозяйствовать. По причинам, не очень понятным быстро взрослому подростку, приток от артельного труда был мизерным, а то и вовсе отсутствовал; кормили семьи огород и домашнее хозяйство. Однажды чушка принесла такой приплод, что взрослые воспрянули духом: выручка от проданных поросят составила тридцать тысяч рублей, что позволило всей семье приодеться и приобрести.

Соседей с японцами бесконфликтно, дети вместе росли, взрослые сотрудничали – ничего особенного Мише не запомнилось. Особенное началось позже, когда рабочий Петрухин, выпускник Долинского ремесленного училища, прибыл на Поронайский целлюлозно-бумажный комбинат, самый крупный на Сахалине.

Не так-то просто было освоиться юному специалисту на большом и сложном предприятии, где работало около трех тысяч человек. Работу комбината обеспечивала собственная ТЭЦ, лесной, транспортный, ремонтный, электрический, спиртодрожжевой цеха, цех пароводокommunikаций, два завода – сульфитный и сульфатный, центральная лаборатория, отделы снабжения и сбыта. У каждого цеха имелись свои планы и свои достижения, но сердцевиной производства являлась бумажная фабрика. Она выдавала в сутки до ста тонн бумаги, 55 миллионов штук бумажных мешков; на сульфитном заводе – более 110 тонн целлюлозы в сутки. Продукцию отправляли в разные страны, в том числе в Японию, Корею, Индию, Грецию, Польшу.

Целлюлозно-бумажный комбинат являлся производством непрерывным, то есть работал круглые сутки без выходных и праздников. Лишь раз в году предприятие останавливалось полностью на месяц для проведения ремонтных и профилактических работ. Если для вспомогательных работ человека можно было подготовить за 2-3 месяца, за полгода, то на бумажной фабрике профессионала растили годами. У каждого – размольщик он или клеевар, прессовщик или сушильщик, или сеточник бумагоделательных машин – существовала масса тонкостей, которые постигаются всем интеллектом человека в процессе производства. Достаточно сказать: специальность сеточника входила в перечень освобожденных от призыва в армию. Такой перечень утверждался на правительственном уровне. Армия могла обойтись без Петрухина или иного сеточника, а вот Поронайский ЦБК обойтись без них не мог.

Мастерство Михаилу давалось не сразу, и своими успехами он обязан был человеку, память о ком бережет по сей день. Изготовление бумаги – дело очень тонкое, требующее сплава знаний и опыта, особого чутья. Сколько раз случалось: вдруг бумагоделательная машина начинает барахлить безо всяких видимых причин – и попробуй понять ее каприз. Собирайте партком, профком, объявляйте аврал, поднимайте массу заводчан – проку не будет, массовый энтузиазм поберегите для субботника. Укротить норовистую машину может только Федя – так зовут по-русски Сим Уль Юна. На групповом снимке 1965 года, где запечатлена в заводском клубе группа награжденных работников ЦБК, он стоит крайний справа (см. фото). У абсолютного большинства присутствующих по одной медали, у Феде – две. Это награда за его неоценимые заслуги перед коллективом завода, перед Советской Родиной, полноправным гражданином которой он стал. Улыбчивое лицо свидетельствует, что судьба его вполне благополучна. Однако, пожалуй, один Михаил Петрухин, сидящий вторым справа, знает, что в душе его наставника и друга таится глубокая рана. Федя, по рождению кореец Сим Уль Юн, был завезен на Карафуто под именем Коненаки Фидэо (почему и получился Федя). Обладая цепким пытливым умом, он основательно освоил одну из сложней-

ших профессий и стал относительно обеспеченным человеком, что позволило жениться на японке по любви. У них родился сын.

Возможно, военно-политических проблем Коненаки сторонился, но они сами вторглись в его судьбу. Советский Союз вступил в войну с Японией, и вскоре боевые действия развернулись южнее 50-й параллели, то есть совсем недалеко от Сикуки. Поднялась паника, началась срочная эвакуация жителей в метрополию. Ввиду острой нехватки транспорта отправить на Хоккайдо смогли лишь женщин с детьми. Со своими Коненака Фидэо простился наскоро, надеясь догнать их, но сделать это не успел. В какое-то утро на улицах Сикуки уже стояли русские танки.

Новая власть обратилась к мирному населению с призывом к сотрудничеству. Трудлюбивые японцы, проявив законопослушание и вникнув в ситуацию, принялись выполнять производственные задания, хотя влиятельные чиновники призывали работать на Красную Армию так, чтобы только дым шел из трубы. Началась репатриация, и положение резко осложнилось. Прибывающее советское население не имело должной подготовки, чтобы заменить японцев. Спад произошел даже в ручной заготовке древесины, что уж говорить о бумажной промышленности!

Советские руководители обратились к японским специалистам остаться на производстве по договору. За ними оставалось их жилье, должность, им назначалась высокая зарплата. Заключение таких договоров называли добровольно-принудительным. Конечно, не обходилось без нажима, но тех, кто категорически отказывался от сотрудничества, насилью не подвергали, лагерями не пугали.

Михаилу запомнился Фурихата, тонкий знаток контрольно-измерительных приборов, и Коненаки, он же Сим Уль Юн. Они стали наставниками советских специалистов и рабочих. Оплата им шла по высшему, восьмому разряду, к нему плюсовали различные доплаты – за дежурство, за подмену специалистов, за переработку в нестандартных ситуациях.

Как-то Михаилу и Феде пришлось выехать в Хабаровск по одному делу, где они пробыли около двух месяцев. Не имея склонности к кабацким приключениям, они вечерами предавались беседам, которые крепко сдружили их. Федя рассказывал о прожитом, о своей прежней семье, о страстной любви к жене, о радостях отцовства – сына он обожал. Говорил он спокойно, стараясь подобрать подходящие русские слова, и от этого печаль его обретала

особый оттенок, откровение глубоко трогало Михаила. Да, говорил Федя, он тут женился на хорошей женщине-корейке, у них славные дети – сын и дочь, но как быть – ту первую любовь, своего первенца забыть невозможно, наверное, такова природа человека. Как они там?

Едва появилась возможность посетить Японию, он поехал туда.

– Домой вернулся Федя грустный, – вспоминает Михаил Лаврентьевич. – Жену он не нашел, зато встретился в Саппоро со своим родным братом, обнял родного сына. Сын уезжал ребенком, а стал зрелым семейным мужчиной. Он оказал должные почести отцу, но разве возможно было преодолеть полосу отчуждения, воздвигнутую временем?

В Японии живут близкие родственники корейца Сим Уль Юна – японцы. На Сахалине живут дети и внуки корейца Сим Уль Юна – корейцы по национальности, граждане России. Самого Сим Уль Юна уже нет, он умер в 1995 году и похоронен в Поронайске. Его сын и дочь живут и здравствуют, и ни те, кто на Хоккайдо, и ни те, кто на Сахалине, не отрекаются от своего родства. Вот в какой тугой узел завязала их судьбина!

Жизнь развивала дружбу и добрососедство вширь и вглубь. Семьи Сим Уль Юна и Михаила Петрухина еще теснее сблизило то обстоятельство, что их сыновья Сим Сергей и Николай Петрухин стали учениками новой школы № 2 города Поронайска и первыми выпускниками. 27 юношей и девушек, среди которых было семь человек корейской национальности, получили аттестаты зрелости. Документы вручали им в июне 1972 года директор школы Ким Александр Николаевич, напутственное золотое слово, со слезами смешанное, произнесла классный руководитель Валентина Николаевна Захарченко.

Спустя сорок лет Николай Михайлович Петрухин рассказывает:

– С особой теплотой вспоминаю наш дружный, активный класс. Мы вместе ходили в походы, устраивали тематические вечера, диспуты, помогали друг другу в учебе, участвовали в субботниках, в спортивных соревнованиях. А над всем витал дух романтической влюбленности в наших очаровательных девушек. Сим Сергей, с которым мы крепко дружили и дружим до сих пор, со многими одноклассниками поддерживает связь. Знаю, что Ким Наталья живет в Петербурге, Кан Эльвира стала журналисткой,

Курума Анатолий – хозяйственником. Для меня странно, что теперь вдруг возникает вопрос о межнациональных отношениях. А ведь тогда такой проблемы не существовало. Мы знали, что Сим Сергей – кореец, Курума Анатолий – по отцу японец, по матери – русский, но для нас они были славными друзьями. Все мы были советскими школьниками, ценили друг в друге открытость, доброту, дружбу, то есть те человеческие качества, которые ценятся у всех народов во все времена. От злобы и вражды мы были защищены всем укладом жизни. Ну не могли в те годы у кого-то похитить ребенка или учинить разбой среди бела дня с применением огнестрельного оружия.

Оглядываясь на те годы, скажу: наша юность прошла в счастливое время. Большинство моих одноклассников закончили вузы, другие получили среднее образование, все работают, никто не спился, не опустился. Конечно, кто-то подумает: каждому юность вспоминается в розовом тумане. Отвечаю: нам не зачем рядить свои школьные годы в цветные одежды, то замечательное время остается фактом истории.

Теперь вернемся к человеку по имени Фурихата Тосикацу, чья судьба на Сахалине сложилась не только благополучно, но и, пожалуй, счастливо. Поронайская районная газета «Звезда» в номере за 5 декабря 1968 года поместила небольшой рассказ с фотографией о его производственных и семейных делах.

Приехал он на Карафуту в 1942 году с женой Еу и двумя маленькими детишками и принял под свое начало маяк города Рудака (Анива). После прихода советских войск его назначили бригадиром на рыбокомбинат, а со временем перевели в Поронайск, на ЦБК, где он стал работать специалистом по контрольно-измерительным приборам.

В дни, когда корреспондент беседовал с Фурихатой, последний был уже признанным авторитетом, бригадиром электриков, умелым наставником, чьи ученики успешно работали в разных цехах. К числу его личных достижений руководство комбината отнесло рационализаторские предложения, которые значительно сокращали расходы предприятия. Общий экономический эффект составил пять тысяч рублей – деньги по тем временам значительные. А его наставничество вообще невозможно оценить в денежном выражении.

Почему он не уехал в Японию в период массовой репатриации? Скорее всего из-за детей. Всего в семье Фурихаты родилось восемь душ – как можно было срывать в неизвестность с такой артелью?

В 1955 году Фурихата и Еу приняли подданство СССР. Несомненно, Фурихата обладал незаурядными способностями, если сумел овладеть русским языком в такой мере, что штудировал техническую литературу, должностные инструкции и вел занятия по специальности с молодыми.

Еще больше преуспели его дети. Дочь Кейко закончила исторический факультет МГУ – лучшее учебное заведение страны. Жаль, мы не знаем, каких успехов она добилась в Симферопольском научно-исследовательском институте истории, куда была направлена на работу. Сын Хибекацу, получив диплом Ленинградского технологического института, вернулся в Поронайск – его назначили в древесный цех ведущим механиком. Одна из дочерей после десятилетки поступила в лабораторию ТЭЦ, остальные дети пока учились в школе.

Фурихата получал по тогдашним меркам хорошую зарплату, но все равно семье пришлось бы туго без помощи государства. Еу, как

многолетней матери, удостоенной ордена «Материнская слава» II степени, выплачивал пособие райсобес, школа из фонда всеобща выделяла денежные средства на приобретение одежды и обуви, не оставался безучастным к нуждам семьи и профсоюз предприятия. Не случилось в семье ни одного черного дня, когда бы хозяин в отчаянии хватался за голову из-за безденежья, бесхлебья, дикого холода в доме и полной беспросветности впереди. Такого в тех условиях просто не могло быть! В семье знали: определенного числа – день в день – отец получит аванс, через полмесяца – зарплату, такого-то числа – премию квартальную, а в декабре – годовую; согласно графику уйдет в отпуск, предварительно получив отпускные. Не роскошествовали (и славу богу – хоть японскому, хоть православному), но и нужды не знали. Младшие летом уезжали в пионерские лагеря, старшие – в лагеря труда и отдыха, там питались, занимались спортом и трудились в меру своих сил, общаясь к общегосударственным делам и познавая цену трудовой копейке. Пусть малую толику, но вносили в семейный бюджет. А что плохого было в том, что младшие донашивали одежду старших? Учились бережливости, заботились друг о друге.

Сколько интересного, полезного, поучительного таилось в японской семье, встроеной в советское общество! Какой фигурой была хозяйка Еу – конечно же, ее задача не сводилась лишь к тому, чтобы накормить и обстирать детей. Каково было духовное влияние родителей на детей? Что в них оставалось «японского», национального, что впитывали они из советского образа жизни, из школы, книг, кинофильмов, ребячьей дружбы?

Жаль, что тот уникальный опыт не заинтересовал ни педагогов, ни социологов. Впрочем, тогда ответ на все был прост и ясен: коль семья приняла гражданство СССР, то стала нормальной советской семьей.

Где вы теперь, дети, внуки и правнуки Фурихаты Тосикацу, родившегося в Японии, умершего в Советском Союзе?

Михаил Лаврентьевич часами может рассказывать о тонкостях своей профессии, о товарищах и наставниках, об успехах заводчан в социалистическом соревновании, о ярких смотрах художественной самодеятельности. Вместе с тем его память хранит событие особого значения, оно запечатлено в альбоме, подаренном руководителями города Китами в 1978 году. Тогда Поронайск и Китами установили побратимские связи.

Говорят, побратимство зародилось у славян. Оно означало, что в особых случаях дружба приравнивается к братским отношениям. Такой обычай был особенно распространен у запорожцев, чья жизнь постоянно подвергалась опасностям. Казак считал долгом спасти побратима в бою, сложить за него голову. Сейчас таких жертв не требуется, а вот установление отношений, которые возвышались бы над просто вежливыми, являлись бы доброжелательными, необходимо. Живем-то рядом.

Ранней осенью в Японию вылетели первый секретарь Поронайского горкома КПСС Михаил Петрухин, старший варщик целлюлозы Поронайского ЦБК Евгений Русанов, Герой Социалистического Труда, и один из работников горисполкома.

– Та поездка отодвинулась на расстояние 34-х лет, а я не могу освободиться от обилия впечатлений, – оживленно комментирует снимки в альбоме Михаил Лаврентьевич. – Меня удивило, даже поразило – иного слова не подберу, что нас встречали так, будто мы представляли не маленький городок, а всю державу. Куда бы мы ни приходили – в заводской цех, крестьянское хозяйство или на свадебную церемонию, где мы оказались почетными гостями, – повсюду виднелись приветственные надписи на японском и рус-

Так поронайцев встречали в городе Китаму

ском языках, а на специальной подставке крепились два флажка – Японии и СССР. И я с радостью подумал: а ведь нам такая честь оказывается именно как представителям великой державы. Однако задирать нос и надувать щеки по этому поводу не годилось. Мы увидели: соседи превосходят нас во многом – в достижениях производства, в медицине, в спорте, в ведении коммунального хозяйства. У них в переработке леса нет отходов, нет стружки, даже опилок нет! У них нет дымящихся зловонных свалок с тучами воронья, потому что они научились перерабатывать все бытовые отходы и превращать продукты переработки в удобрения. А какое бережное, я бы даже сказал, трепетное отношение к земле! Каждый клочок находится под бдительным оком властей. Высокообразованные специалисты сельского хозяйства учитывают каждый грамм продукции, произведенной фермером, выдают ему необходимые расчеты, способствующие повышению урожая, выделяют субсидии. Оказалось, что в мэрии самый значимый департамент – департамент экономики и планирования. Капиталисты тщательнее нашего Госплана учитывают, кто, что, в каком количестве производит, в какой мере удовлетворяет внутренний спрос и по каким показателям, сколько от него поступит в городскую казну налогов. Департамент имеет массу рычагов, чтобы побудить предпринимателя работать в интересах города и, следовательно, всего государства. Таким образом, японцы начисто отрицают глупость, сотворенную нашими реформаторами, будто рынок отрегулирует все. Нет, в Японии не рынок управляет государством, а государство в лице умных, высокопрофессиональных специалистов управляет и производственными процессами, и товарными потоками, оно же формирует человеческие отношения в интересах всего общества.

Я в общих чертах имел представление о том, в каком тяжелейшем положении оказалась Япония, потерпевшая поражение в войне, какие бедствия обрушились на японский народ. И вот эта страна через четверть века явила миру «японское чудо» – невиданный расцвет. Она вышла на первые в мире позиции в электронике, автомобилестроении, производстве точных приборов и машин. Этот успех был достигнут усилиями всего народа.

Удалось мне посетить Японию еще дважды, увидеть немало хорошего. Некоторые наблюдения вызвали у меня вопросы, однако же в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Немало я дум передумал по итогам этих поездок. Самый мучительный вопрос,

который застрял во мне навсегда, вот в чем: почему страна, располагающая небольшой территорией, не имеющая никаких природных ресурсов, постоянно терзаемая землетрясениями и ураганами, процветает, а наша, обладающая несметными богатствами, прозябает?

Чем жестче становятся морщины на лицах моего поколения, тем чаще и трогательнее мы вспоминаем далекие годы сотрудничества и добрососедства, и тогда непрощено выкатывается слеза. Что ж, лучше всплакнуть от счастья, чем плакать от горя. Мы невольные соседи, но в нашей воле обратить это обстоятельство во благо.

Пусть читатель не думает, будто интересные факты, о которых поведал Михаил Петрухин, единственные в своем роде. Любопытных приглашаю в Государственный исторический архив Сахалинской области, где давайте откроем несколько дел из фонда 557. В материалах этого фонда мы встретим названия очень знакомых мне населенных пунктов: Чехова, Костромского, Яблочного, Правды, Чапланово. Дела хранят заявления подданных Япо-

Встреча японской делегации в Поронайске

нии, пожелавших остаться в Советском Союзе. Почти все они написаны предельно сжато на половине тетрадного листа или клочке конторской книги. Например: «Я, Ямода Мисао, по национальности японка, уроженка о. Хоккайдо, желаю остаться в Советском Союзе, так как вышла замуж за корейца Ким Сун Дона и от него родила двух детей: в 1934 году – сына, в 1939 году – дочь. Кроме того, в Японии у меня нет родных, поэтому я не желаю выезжать в Японию и прошу дать разрешение проживать в Советском Союзе, быть подданной СССР». Как видим, главная причина указывается предельно ясно: муж – кореец, во-первых, его не выпустят в Японию, во-вторых, если бы даже ему разрешили выезд, то еще неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая судьба. Скорее всего его бы выдворили в Корею.

А вот японка Умамура Хацу, мать семи дочерей, младшей из которых в 1948 году исполнилось всего три годика, просит о гражданстве за всю семью. Дочери родились в деревне Футомата, жили бедно, муж – кореец, своего хозяйства не имел, заработок принорисил скудный. Новая власть помогает прокормить семью, и женщины этого довольны, она боится сдвинуться с места.

Абсолютное большинство заявлений подано от японок, чьими мужьями были корейцы, однако несколько заявлений поступило от японских мужчин. Оиси Мацуо не хотел уезжать из Корсакова, где он родился, а Окузаки Ёсио не желал возвращаться на родину потому, что там «американцы притесняют рабочий класс».

Имеются групповые заявления, заверенные председателем сельского Совета, есть прошения пространные, с приложением жизнеописания заявителей. Один из таких документов прочитаем повнимательнее. Написан он рукой русского человека, но подписан собственноручно по-русски – «Немото Миёко». В автобиографии сказано: «В Советском Союзе жизнь моя сильно отличается от прошлой жизни – жизни забитой и униженной женщины».

Ее родители приехали на Карафуто еще в 1928 году, но счастья тут не нашли не столько из-за различных обстоятельств, сколько из-за отцовских пороков. «Он по-настоящему никогда не работал, и ничего хорошего мы с матерью от него не видели, часто он бил и мать, и меня».

Все же Миёко удалось окончить 8 классов и устроиться в угольную контору писарем. Но проработала она там всего полгода, мать умоляла ее поскорее приехать домой: отец дерется, все деньги

пропивает, проигрывает в карты. Дочь вернулась в поселок Камизуторо и поступила на почту телефонисткой. Тут грянула августовская война, пришли советские войска. Миёко нанялась уборщицей в санчасть, потом нанчила детей у майора Куринякина, работала техничкой в родильном доме. В 1946 году семья переехала в село, которое с осени следующего года стало называться Костромское. А 15 марта 1947 года у Миёко родилась дочь, которую назвали Зоей по предложению отца девочки – Бибикова Владимира. Кроме имени о нем ничего не известно. Отец Миёко, ставший дедом, страшно разгневался, что внучка оказалась русоволосой. «Он не дает нам с мамой жить». Свое письмо молодая мама закончила так: «Я хочу просить советских людей оставить меня жить в вашей стране. Я до конца своей жизни буду честно работать и так же любить Советскую Родину, как любят ее русские люди. Я хочу работать и жить в стране, где нет хозяев и рабочих, где все трудятся, а кто не работает, тот не кушает. Я очень рада, что в Советской стране жить становится все лучше, за это большое спасибо дорогому товарищу Сталину, это он привел людей к счастью. Из этой страны я уехать не могу. 3 мая 1948 года. Немото Миёко».

Давайте отнесемся к этим строкам как к историческому документу без иронии и скосороченных ухмылок. Даже если письмо продиктовано нахлынувшим порывом, настроением, желанием польстить новой власти, то наверняка и порыв, и настроение были порождены определенными благоприятными обстоятельствами, и юная мать в то время действительно почувствовала себя счастливым человеком. Состоялся ли брачный союз русского парня и молодой японки после того, как она получила советское подданство (браки с иностранцами в СССР были запрещены), мы не знаем. Но их девочка вполне могла получить метрику на имя Зои Владимировны Бибиковой и с записью в графе «национальность» – русская. Тоже факт истории!

Приятным открытием в груди архивных материалов стало заявление Мацудатэ Савво с просьбой о советском гражданстве. С Мацудатэ, нашей чаплановской соседкой, я уже знакомил читателя в главе «Деревня Мидзухо и некоторые ее обитатели». Дальнейшая история ее семьи просится в наше повествование. По рассказу дочери Люды, мать не уехала в Японию потому, что отец ее сосватал за корейца, которому оставлял свой дом, и не включил в список репатриантов. По существу, родители (главную роль играл отец) бросили ее, за что дочь носила в себе обиду всю жизнь. Ког-

В Костромской уе
председателю
Клисакову В Т

От гражданки
Гемато
Ишико

Заявление

Прошу Вашего ходатайства
перед райисполкомом об
принятии меня в советское
подданство, так как я
решила навсегда остаться
жить в советском союзе. Жизнь
моя сейчас сильно отливается от
прошлой жизни забытой
и униженной женщины
Японии, очень прошу в моей
просьбе не отказать.

Гемато Ишико

да родители уезжали, она страшно плакала. Мужем стал кореец Ко Че Черо, старше Савво двенадцатью годами, работавший до этого на шахтах. Он не был, как говаривал классик, врагом бутылки, русскую водку полюбил больше, чем слабое сакэ, поскольку в состоянии одури она приводила быстрее. И тогда он поднимал руку на жену. Считалось, что Савво имела шестилетнее образование, но в нем было много пробелов из-за частых пропусков

уроков. Ей же пришлось усваивать разговорный корейский язык, позже даже русскую грамоту – уж очень хотелось помогать своим детям в учебе.

Родила Савво сына и трех дочерей. Все они выросли, выучились. Сын Ко Валерий связал свою жизнь с милицией, службу нес на материке, вышел на пенсию в звании майора, сейчас живет с русской женой в Рязани, стал дедом. Одна дочь имеет общее среднее образование, другая – среднее специальное, третья – высшее. Они уже достигли пенсионного возраста, обеспечены в той мере, в какой обеспечено большинство наших пенсионеров. На жизнь хватает.

Когда появилась возможность посетить Японию, Савво через Красный Крест разыскала на Хоккайдо двух братьев и трех сестер, трижды навещала их. Во время тех встреч много было пролито слез, высказано сожалений о прожитых в разлуке годах. Братья и сестры приглашали ее переехать к ним. Правительство Японии теперь создает все условия для своих бывших граждан. Савво отозвалась сердечной благодарностью, но покинуть Сахалин не решилась. Здесь родилась она сама, здесь родина ее детей и внуков. А в Республике Корея друзья семьи разыскали двух братьев упокоившегося Ко Че Черо, но дочери погостить у дядьев не смогли из-за полного незнания корейского языка.

Так и живут на Сахалине японка Мацудатэ Савво, дети японки и корейца, граждане России. Их главные заботы теперь простираются на следующие поколения.

Этими словами я и намерен был закончить книгу, но обстоятельства заставили вернуться к истории одной любви, трогательной и драматичной.

О письме японки Немото Миёко я рассказал известной сахалинской журналистке Людмиле Степанец, с которой более трех десятилетий поддерживаю дружеские отношения. Ее советы всегда полезны. На этот раз она меня и вовсе удивила:

– Осенью 1976 года я ездила в Долинск, в лесной опытной станции имела продолжительную беседу с интересным работником по фамилии Бибикив. В конце разговора он сказал, что женат на японке, из-за чего имел крупные неприятности по партийной линии, но это не помешало им вырастить двух сыновей. А жена его так добра, что сумела приручить сойку. Он даже подарил снимок, где запечатлены и сойка, и японка. Вдруг это тот самый Бибикив и та женщина, которые упоминаются в архивном документе?

Я принялся обзванивать своих знакомых, кто поддерживает

связь со старыми специалистами лесного хозяйства, и через непродолжительное время получил долинский телефон Вадима Евгеньевича Голубева. Выслушав мой вопрос, он коротко ответил:

– Это они. Да, Бибикова из-за японки исключили из партии. К сожалению, они уже ничего вам не расскажут.

Пришлось обратиться к документам. В Государственном историческом архиве Сахалинской области мне предоставили персональное дело Бибикова Владимира Зиновьевича, рождения 1923 года, русского, из служащих, имеющего среднее образование, кандидата в члены КПСС с апреля 1946 года. Дело рассматривал Долинский горком КПСС 10 марта 1953 года. Было отмечено: «При прохождении кандидатского стажа т. Бибиков проявил политическую близорукость и потерю бдительности, вступив в незаконный брак с иностранной подданной. После наложенного на него партийного взыскания своей ошибки не понял и расценивает факт вступления в незаконный брак с иностранной подданной как свою личную ошибку в семейном вопросе.

Постановлением общего собрания парторганизации лесхоза от 4 февраля 1953 года (протокол № 8) т. Бибиков за допущенные ошибки из кандидатов в члены КПСС исключен». Бюро горкома постановило: «Бибикова В.З. из кандидатов в члены КПСС исключить как недостойного по своим личным качествам...»

Так кто такой Бибиков, каковы его личные качества и что за история с японкой? О себе он рассказывает следующее. После окончания восьми классов поступил в Калужский техникум путей сообщения, во время учебы посещал занятия в аэроклубе, с началом войны получил направление в военное училище. В ноябре 1943 года начал службу механиком в 777-м истребительном полку 10-й воздушной армии, с 1946 года по май 1948 был освобожденным секретарем комсомольского бюро полка. Должность в ту пору значительная, недостойному человеку ее доверить никак не могли. За службу в армии Бибиков имел ряд поощрений, две благодарности от командующего армией за хорошую комсомольскую работу.

История с японкой сложилась так. В населенном пункте, близ которого базировался истребительный полк (аэродром, построенный японцами, находился на мысе Слепиковского), жилья для офицеров не имелось, их подсаляли в японские семьи. Семья Немото состояла из трех человек: родители и дочь Миёко, немного моложе незваного квартиранта. Молодой офицер, комсомолец, убежденный в превосходстве социалистического строя над капи-

талистическим, воочию увидел тяжелую долю японской женщины. Не исключено, что однажды он не вытерпел и вмешался в чужие семейные отношения, пресекая самодурство отца. Видя унылую бедность, он из сардоболия не мог не поделиться своим продовольственным пайком. Так делали все. Возникло общение, ему пришлось знакомиться с японским языком, им, особенно дочери, – с русским. Девушка обнаружила незаурядные способности и уже через год смогла работать переводчицей сначала при войсковой части, потом в штате поселкового Совета. Своей должностью она гордилась, трудясь с исключительным старанием, постоянно совершенствуя знания. Председатель исполкома дал ей весьма похвальную характеристику.

Молодые люди распахнули сердца навстречу друг другу. Сам Владимир Бибиков описал это так: «Происходит она из неимущих крестьян, рабочего скота у них не имелось, своей земли не было. Семья арендовала маленький участок земли, за пользованием которым хозяину отдавали половину урожая... Сближение с нашим бытом и законами нашего государства, равноправие в национальном вопросе, равноправие мужчин и женщин побудили у Немото Миёко стремление навсегда остаться в Советском Союзе. И если ее будут принудительно репатриировать в Японию, то она заявила, что покончит с собой. Это честное стремление молодой девушки я поддержал и пообещал ей во всем помочь. Я понимаю так: если честный человек любой страны по происхождению из рабочих и крестьян искренне хочет остаться в СССР, то это надо только приветствовать... Часто общаясь, мы незаметно для себя привыкли друг к другу и в 1946 году решили навсегда быть вместе».

Бибиков употребляет осторожное слово «привыкли», он полагает, что слово «полюбили» неупотребимо в объяснительной записке. Какая может быть любовь к чужестранке? Связь с японкой означает потерю бдительности. Заурядный флирт был бы воспринят иначе: похихикали бы в кулак, подмигнули друг другу, вкатили бы ему строгача, через полгода сняли, назвали это «боевым крещением», а в заключение распили бы пару бутылок спирту. Но тут все складывалось сложнее – Бибиков полюбил японку глубоко и принялся строить семейные отношения всерьез, заведомо зная, что браки с иностранцами в СССР запрещены законом. Поскольку Бибиков был кандидатом в члены ВКП(б), то спрос учинила партийная организация 777-го истребительного авиационного полка. Собрание постановило исключить Бибикова из числа кандидатов,

однако политотдел 29-й истребительной авиационной дивизии такое решение не утвердил. Бибиков демобилизовался, и дело передали в Чеховский райком ВКП(б) – был одно время в Сахалинской области такой район. Райком рассмотрел вопрос лишь в 1950 году, через год и девять месяцев, когда у Миёко уже родился второй ребенок – сын Валентин. Чеховский райком вынес Бибикову строгий выговор. Почти три года его никто не трогал и только в феврале 1953 года вернулись к вопросу о его партийности, когда семья уже проживала в Долинске и Миёко нянчила трехмесячного Петю. Чем объяснить такой затяжной перерыв, неизвестно, характеристики, поступившие в Долинский горком КПСС, не дают никаких зацепок. Вот что написал директор лесной школы Турчков: «За время пребывания в лесной школе с сентября 1950 года по август 1952 года тов. Бибиков В.З. проявил себя как инициативный, энергичный слушатель, отлично учился, в общественной работе принимал активное участие, дисциплинирован, политически грамотен. Заслуженно пользовался авторитетом среди товарищей и преподавателей». Секретарь парторганизации Долинского лесхоза подтвердил активную позицию Бибикова в период учебы, однако упрекнул, что с переходом на работу в лесную опытную станцию он партийных поручений не имел.

А вот мнение заведующего сектором лесного хозяйства Сахалинского филиала Академии наук СССР А. Толмачева: «Тов. Бибиков В.З. в секторе лесного хозяйства работает лаборантом с августа 1952 года по окончании лесной школы. За это время т. Бибикову поручались различные работы, связанные с изучением естественного возобновления елово-пихтовых лесов. Тов. Бибиков показал себя при этом как исполнительный и инициативный работник. К работе по лесоводственной тематике проявляет большой интерес. Дисциплинирован».

Оказывается, Бибиков выполнял поручения, проявляя исполнительность и инициативу, и парторг лесхоза мог бы это отразить в характеристике, однако он заострил внимание на том, что Бибиков «находится в сожительстве с иностранной подданной (японкой)».

В общем, мы видим перед собой человека положительного во всех отношениях, чья единственная вина – указанное выше обстоятельство. На собрании коммунистов лесхоза Огорокова подытожила: «По всем показателям вы замечательный человек, но сожительство с японкой не позволяет вам быть в партии». Ситуация сложилась неразрешимая: человек, соживающий с ино-

странкой, не может быть членом партии – не позволяет устав; но бросить женщину с тремя детьми – его детьми! – не позволяет совесть, вся его натура. За сожителство с японкой от него открестился горком; но если он бросит жену с детьми, то заслужит всеобщее презрение. К его чести, мысль о разрыве не приходила ему в голову. А ведь на партсобрании перед ним ставили вопрос: «Тебе кто дороже – партия или японка?» И далее принципиальный товарищ намекал, что не верит в искренность иностранки.

Бибиков поступает как любящий супруг и отец, он не отрекается ни от жены, ни от детей, более того, он находит в себе мужество заявить: «За шесть лет вполне можно было проверить меня и ее, она не заслуживает подозрений». В течение этих шести лет он стучался в различные властные кабинеты не по одному разу: к председателю исполкома Костромского сельского Совета, председателю Чеховского райисполкома Дюльдину, секретарю Чеховского райкома ВКП(б) Хандрилову, начальнику отдела МГБ по Чеховскому району майору Колпакову, в областное управление МГБ, к заместителю председателя Сахалинского облисполкома. Но все его усилия успеха не имели. 9 марта 1953 года он пишет письмо в Долинский горком КПСС: «Прошу не исключать меня из партийных рядов. На протяжении моей жизни соразмерно моим способностям я выполнял все задания партии, обязуюсь и впредь честно трудиться, в чистоте держать свое партийное звание. Своих детей, свою семью я воспитываю в духе преданности партии и советскому народу. Особенно тяжело для меня терять партийное звание в этот тяжелый момент, когда наша партия, наша Родина переживают тяжелую утрату – смерть нашего дорогого товарища Сталина».

Нет никакого сомнения в искренности этих слов.

Кто сумеет сказать, что такое любовь мужчины к женщине? Поэты, писатели, мудрецы, великие люди, чьи имена навеки вписаны в анналы истории, принарядили это необъяснимое чувство в пышные словесные одежды, композиторы воспели его в щемящих душу творениях. А как переживает любовь обыкновенный человек, не читавший гениальных строк, не внимавший божественным мелодиям?

Обратимся к шедевру мировой литературы – «Тихому Дону» Михаила Шолохова. Казак Прокофий Мелехов привозит с Туретчины жену, с точки зрения ядерных казачек, бабу никудышную – у нее «ни заду, ни пуза, одна страма». Весь хутор захлебывается злорадством. А Прокофий поздними вечерами носит жену на

руках до татарского кургана. «Сажал ее там на макушке кургана, спиной к источенному столетиями ноздреватому камню, садился с ней рядом, и так подолгу глядели они в степь».

Хуторяне не приняли чужую. Но Прокофий – Прокофий за какие достоинства полюбил ее? Как с ней любить и жить, если она по-русски ни слова, и он столько же по-турецки? Знал казак, как его встретят станичники? Знал, на что обрекал жену-чужестранку? Знал. Однако любовь, которую он вряд ли мог выразить известными ему словами, пересилила! И когда разъяренная толпа, заподозрив турчанку в ведьмачестве, стала вершить над ней суд, Прокофий, раскидав шестерых, сорвал со стены шашку и раскроил бывшего однополчанина пополам.

В нашем случае ни обвинений в ведьмачестве, ни самосуда не случилось. Потрепали душу Владимиру Зиновьевичу, вполне возможно, что партийные постановления как-то сказались на его дальнейшей судьбе, но работы он не лишился, сохранил уважение товарищей и соседей. Что касается его брака, то никого он, кроме горкома, не задел. Тогдашний Сахалин отличался разнообразием браков: сходились пожилые с молодками, русские с нерусскими – не перечесать всякого смешения, и никому никакого дела не было, жена у тебя эстонка или японка, немка или литовка, молдаванка или армянка, никто не спрашивал, расписаны вы или не расписаны, – была бы семья хорошая, люди честные да трудолюбивые.

Прожили в любви и согласии Бибиковы – Владимир и Миёко, оставив нам в наследство пример преданности друг другу. Остались среди нас их дети, внуки, правнуки – творение представителей двух народов. Пусть будут они достойны своих родителей, пусть вырастают, брачуются – никто никаких препятствий чинить им не станет.

На этом и закончим наше повествование. Пусть новые поколения, проживающие в России, Корее, Японии, связанные кровным родством, дружбой, добрососедством, строят жизнь без злобы и войн. Человечество, пережившее две мировые войны, пришло к выводу: среди несметных богатств, созданных природой и человеком, существует единственная ценность – это сама жизнь, ее и надо беречь. Мир оказался уязвим и незащищен, как лес в пожароопасный период. Берегите лес, сиречь жизнь, – наше главное богатство. Без него наша планета превратится в пустыню, выжженную солнцем, и тогда просто некому будет читать печальную историю рода человеческого.

Нам завещано

Жителям российского Дальнего Востока, в том числе сахалинцам, надлежало бы знать имя выдающегося японца, которого звали Гото Симпэй (1857-1929 гг.). Он успешно совмещал в себе ученого и администратора, дипломата и публициста, политика и бизнесмена. Гото был одним из самых надежных друзей России, затем Советского Союза.

В августе 1923 года он писал наркому иностранных дел СССР Георгию Васильевичу Чичерину (1872-1936 гг.): «... недоразумения между обоими народами будут постепенно устранены, будут найдены пути и средства способствовать развитию общих народов – благодаря чему будут уничтожены нынешние... неестественные условия жизни обоих народов и всякие затруднения».

«Сейчас пришло время, когда уже не только образованные круги, но также и широкие слои населения вполне осознали и придерживаются взглядов, что добрые взаимоотношения между Японией и Россией не только служат счастьем обоих народов, но также способствуют стабилизации соседнего государства – Китая и его культурному существованию; они служат также основой мира на востоке Азии».

«Больше всего я желаю, чтобы наши дружественные взаимоотношения послужили основой для благополучия всего человечества. Именно японцы и русские должны питать полную уверенность в том, что они могут объединить восточную и западную культуру и тем самым устранить существовавшее до сих пор затруднение в жизни народов».

Годом ранее Гото высказал исключительно важную мысль: «При соприкосновении между народами фактическим авторитетом является народ, а не политический строй. Поэтому взаимоотношению народов ничто не может помешать».

Из ответа Г.В. Чичерина виконту Гото 18.12.1923 г.:

«Мы ожидаем очень многого от будущих наших отношений с Японией. Мировые интересы все более обращаются к Тихому океану, и недалеко то время, когда тихоокеанские интересы займут господствующее положение в мире. Сибирь имеет многообещающее будущее, и тесное сотрудничество с Японией является основным условием развития наших дальневосточных областей».

Цитирую по книге Василия Молодякова «Россия и Япония: поверх барьеров», М., 2005 г.

Содержание

От автора	3
За дело взялся «Смерш»	5
Деревня Мидзухо и некоторые ее обитатели	17
Первая жертва	38
«Блистательная чума»	43
Расправа в Урасима	50
Зятья японца Сато и их короткое счастье	58
Набег	69
Медаль Нагаи Котаро	78
Последние жертвы	91
Зона жестокости	99
Путы страдания	103
Письмена на сердце	111
Братья и побратимы, мужья и жены	126
Нам завещано	146

Константин Ерофеевич Гапоненко
ТРАГЕДИЯ ДЕРЕВНИ МИДЗУХО

Корректор В.А. Корнилова
Верстка Е.В. Кошечая

Подписано в печать 14.05.2012 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Печ. л. 9,25. Заказ № 1720. Тираж 1000 экз.

Отпечатно в ГУП «Сахалинская областная типография»:
г. Южно-Сахалинск, ул. Дзержинского, 34